

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
СОЗДАН НА ОСНОВЕ ЖУРНАЛА «ЮРИДИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА»
(ИЗДАВАВШЕГОСЯ С 2006 ПО 2011 гг.)
ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ПРАВООПОРЯДОК: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

№ 4 (11) / 2016

Издание включено в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)
путем заключения договора с Научной электронной библиотекой (eLIBRARY.RU)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА
ИГОЛЕВИЧ В. А., кандидат технических наук, доцент,
генерал-майор полиции

**ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ
РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА**
МАЙСАК В. Н., кандидат исторических наук, доцент,
полковник милиции в отставке

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
ГУСАК В. А., доктор юридических наук, полковник
полиции в отставке

КОБЗОВ В. С., доктор исторических наук, профессор,
полковник милиции в отставке

КИРЕЕВ В. В., доктор юридических наук, доцент
СЕРГЕЕВ А. Б., доктор юридических наук, профессор,
полковник милиции в отставке

САБИТОВ Р. А., доктор юридических наук, профессор,
полковник милиции в отставке

СЕМЕНОВ А. И., кандидат исторических наук, доцент,
полковник милиции в отставке

ШАЙХУТДИНОВ Е. М., кандидат юридических наук,
заместитель председателя Арбитражного суда
Челябинской области

СУХОРУКОВА А. Х., руководитель УФССП России
по Челябинской области – главный судебный пристав

МАСКАЕВ В. И., председатель Челябинского
регионального Совета ветеранов органов
внутренних дел и внутренних войск МВД России,
полковник милиции в отставке

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
МАЙОРОВ А. В., кандидат юридических наук, доцент,
подполковник милиции в отставке

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ
ЗУЕВ С. В., доктор юридических наук, доцент,
подполковник милиции в отставке

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
БУРМИСТРОВА С. А., кандидат юридических наук,
доцент

ГОНЧАРОВ Д. Ю., доктор юридических наук, доцент,
полковник юстиции

МАХРОВА Т. К., доктор исторических наук, доцент,
полковник милиции в отставке

ТАНАЕВА З. Р., доктор педагогических наук, доцент,
полковник милиции в отставке

ВАНЮШИН Я. Л., кандидат юридических наук, доцент,
подполковник милиции

КАЗАРЦЕВА Г. А., кандидат педагогических наук,
доцент, полковник милиции в отставке

КОНДРАТЪЕВ С. М., кандидат юридических наук,
доцент

МИХАЙЛОВ К. В., кандидат юридических наук,
доцент, полковник внутренней службы в отставке

ОВЧИННИКОВА О. В., кандидат юридических наук,
доцент, подполковник милиции

ТЮЛЬПАНОВ Ф. М., кандидат юридических наук,
доцент, полковник внутренней службы в отставке

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ: ООО «ЭСКУЭЛА»
Россия, 454080, г. Челябинск, а/я 12500

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство **ПИ № ФС77-54870**
от 26 июля 2013 г.

Корректурa, верстка: **ЮЖАКОВА Е. В.**
Перевод: **ВОЛОШИНА М. А.**

Ответственность за аутентичность
и точность цитат, имен, названий
и иных сведений, а также за соблюдение
законов об интеллектуальной
и иной собственности несут авторы
публикуемых материалов

РЕДАКЦИЯ:
Россия, 454081, г. Челябинск,
ул. Артиллерийская, д. 100
Тел./факс: 8 (351) 231-09-91
E-mail: pravoporyadok74@bk.ru
Сайт: <http://pravoporyadok74.pf>

Подписано в печать: 30.12.2016
Формат 60x84/8. Усл. печ. л. 12,9
Тираж 150 экз. Заказ № 389

Отпечатано в типографии «СитиПринт»
ИП Мякотин И.В.

454080, г. Челябинск, ул. Энгельса, 61-а
Дата выхода в свет: 16.01.2017.

Цена свободная

© Редакция журнала «Правопорядок: история,
теория, практика», 2016

В НОМЕРЕ

К 60-летию доктора юридических наук, профессора Сергея Николаевича Сабанина

Гончаров Д. Ю.

О ВИДНОМ ИССЛЕДОВАТЕЛЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ 6

Административное право и процесс

Майоров В. И., Коркин А. В.

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРИНУЖДЕНИЕ: ПОНЯТИЕ, МЕСТО И ФОРМЫ
ВЫРАЖЕНИЯ 8

Дунаева О. Н., Полякова С. В., Спиридонова И. А.

ОБЩЕСТВЕННАЯ ОПАСНОСТЬ УПРАВЛЕНИЯ ТРАНСПОРТНЫМИ СРЕДСТВАМИ
В СОСТОЯНИИ ОПЬЯНЕНИЯ 21

Кондратьев С.М.

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИНСТИТУТА ДИСЦИПЛИНАРНОЙ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ 27

Актуальные вопросы правоприменительной деятельности

Ишмаева Т. П., Бобылева Ж. А.

АДВОКАТСКАЯ ТАЙНА: ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ 30

Конституционное и муниципальное право

Корецкая Т. П.

ОБЩЕСТВЕННОЕ ОБСУЖДЕНИЕ КАК СПОСОБ РЕАЛИЗАЦИИ НАРОДНОГО
СУВЕРЕНИТЕТА (ЧАСТЬ 1) 34

Международное право. Сравнительное правоведение

Винникова Р. В.

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ СПОР МЕЖДУ РОССИЕЙ И ЯПОНИЕЙ: ИСТОРИЯ ВОПРОСА
И МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ФОРМЫ УРЕГУЛИРОВАНИЯ 40

По итогам Всероссийской научно-практической конференции «Использование информационных технологий в уголовном судопроизводстве: проблемы теории и практики»

Вехов В. Б.

ЭЛЕКТРОННЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ 46

Зуев С. В.

ЭЛЕКТРОННО-ТЕХНИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО
ДОКАЗЫВАНИЯ 51

Зазулин А. И.

ОБОСНОВАННОСТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕРМИНА «ЭЛЕКТРОННЫЙ НОСИТЕЛЬ
ИНФОРМАЦИИ» В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ КОДЕКСЕ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ 54

Крюкова К. А., Шарафудинова А. М. ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СФЕРЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ В ОБЛАСТИ ПРАВИЛ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ.....	58
Крюкова Т. С. НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИЗЪЯТИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ НОСИТЕЛЕЙ ИНФОРМАЦИИ В ХОДЕ ПРОИЗВОДСТВА СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ: АНАЛИЗ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ.....	61
Медведева М. О. ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ АУДИОПРОТОКОЛИРОВАНИЯ В СУДАХ ОБЩЕЙ ЮРИСДИКЦИИ	64
Овчинникова О. В. СОБИРАНИЕ ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ, РАЗМЕЩЕННЫХ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ	67
Тиунова А. И. ВНЕДРЕНИЕ ЭЛЕКТРОННЫХ СРЕДСТВ В УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО НА ПРИМЕРЕ КОМПЛЕКСНОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ СУДОВ ОБЩЕЙ ЮРИСДИКЦИИ	71
Халиуллина Л. Г. ЭЛЕКТРОННАЯ ФОРМА ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ДОКУМЕНТОВ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ	75
ИТОГИ ПРОВЕДЕНИЯ ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ»	80
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	82
ПРАВИЛА ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ СТАТЕЙ В НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ «ПРАВОПОРЯДОК: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА».....	83

CONTENTS

For the 60th anniversary of Doctor of Law, Professor Sergey Sabanin

Goncharov D.
ABOUT PROMINENT RESEARCHER CRIMINAL LAW JUSTICE 6

Administrative Law and Proceeding

Mayorov V., Korkin A.
ADMINISTRATIVE COERCION: CONCEPT, PLACE AND FORMS OF EXPRESSION 8

Dunaeva O., Polyakova S., Spiridonova I.
PUBLIC DANGER OF DRIVING IN STATE OF INTOXICATION21

Kondratyev S.
MODERN ISSUES OF THE INSTITUTE OF DISCIPLINARY RESPONSIBILITY
OF MILITARY PERSONNEL.....27

Actual Issues Law Enforcement

Ishmaeva T., Bobyleva Z.
INFORMATION TECHNOLOGIES IN THE SPHERE OF PROOFS
OF TRAFFIC OFFENCES.....30

Constitutional and Municipal Law

Koretskaya T.
PUBLIC DISCUSSION AS A WAY OF IMPLEMENTING PEOPLE'S SOVEREIGNTY (part 1).....34

International Law. Comparative Jurisprudence

Vinnikova R.
TERRITORIAL DISPUTE BETWEEN RUSSIA AND JAPAN: HISTORICAL
BACKGROUND AND INTERNATIONAL LEGAL FORMS OF SETTLEMENT.....40

Following the Results of the All-Russian scientific-practical Conference «Use of information technologies in Criminal Procedure: Theory and Practice»

Vekhov V.
ELECTRONIC EVIDENCE: PROBLEMS OF THEORY AND PRACTICE.....46

Zuev S.
ELECTRONIC AND TECHNICAL MEANS OF CRIMINAL PROCEDURAL PROOF.....51

Zazulin A.
VALIDITY OF TERM «ELECTRONIC DATA STORAGE» IN CRIMINAL PROCEDURE
CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION54

Kryukova K., Sharafudinova A.
INFORMATION TECHNOLOGIES IN THE SPHERE OF PROOFS
OF TRAFFIC OFFENCES.....58

CONTENTS

Kryukova T. SOME ISSUES OF WITHDRAWAL OF ELECTRONIC DATA STORAGE DURING THE INVESTIGATIVE PROCEEDINGS: ANALYSIS OF COURT PRACTICE.....	61
Medvedeva M. PROBLEMS OF IMPLEMENTATION OF AUDIO MANDATED RECORDING IN COURTS OF GENERAL JURISDICTION.....	64
Ovchinnikova O. GATHERING OF ELECTRONIC EVIDENCE, PLACED IN THE INTERNET	67
Tiunova A. INTRODUCTION OF ELECTRONIC MEANS IN THE CRIMINAL JUSTICE ON THE EXAMPLE OF THE INTEGRATED INFORMATION SYSTEM OF COURTS OF GENERAL JURISDICTION.....	71
Haliullina L. THE ELECTRONIC FORM OF PROCEDURAL DOCUMENTS IN CRIMINAL PROCEEDINGS: PROBLEMS IN THEORY AND PRACTICE.....	75
RESULTS OF THE ALL-RUSSIAN SCIENTIFIC-PRACTICAL CONFERENCE «USE OF INFORMATION TECHNOLOGIES IN CRIMINAL PROCEDURE: THEORY AND PRACTICE»	80
LIST OF AUTHORS	82
RULES OF SUBMITTING OF MANUSCRIPTS OF ARTICLES IN SCIENTIFIC AND PRACTICAL MAGAZINE «LEGAL ORDER: HISTORY, THEORY, PRACTICE»	83

К 60-ЛЕТИЮ ДОКТОРА ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОРА СЕРГЕЯ НИКОЛАЕВИЧА САБАНИНА О ВИДНОМ ИССЛЕДОВАТЕЛЕ УГОЛОВНО- ПРАВОВОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ

Молодой, но уже состоявшийся ученый, Сергей Николаевич Сабанин в начале 1990-х годов стоял у истоков формирования постсоветской уголовно-правовой доктрины в России. В 1993 году им выносятся на защиту положения докторской диссертации на тему: «Реализация принципа справедливости в институте освобождения от уголовного наказания» [1]. При ознакомлении уже с первым из них бросается в глаза научная смелость их автора. В этом тезисе звучит обоснование неуместности института освобождения от уголовной ответственности в Уголовном кодексе России. Даже сейчас, спустя более двух десятков лет, при «живучести» института в действующем УК РФ, защищавшееся тогда положение настолько настораживает малоопытных исследователей, что мне, например, при изучении систематики законодательства о противодействии преступности, как говорится, «не хватило духу» для анализа в диссертации таких воззрений. За это я получил справедливое замечание одного из своих оппонентов, опытного научного деятеля, профессора Д.А. Шестакова [2]. Разумеется, это подтверждает отсутствие малодушия и дальновидности Сергея Николаевича, тогдашнего диссертанта. Не меньшими по научной дальновидности являются и положения об исключительном порядке декриминализации и освобождения от наказания, о дифференциации освобождения и ее интегративном принципе справедливости. Ведь сегодня именно фундаментальные вопросы о том, за что следует наказывать, а за что не следует, с новой силой будоражат умы представителей уголовно-правовой, да и смежных с ней, наук...

Профессор С.Н. Сабанин, возглавляя доверенные ему коллективы, на всех участках работы заслуживает небывалый авторитет. Лично я – один из счастливых, принятых в адъюнктуру по кафедре уголовного права Уральского юридического института МВД России (да еще и к самому С.Н. Сабанину

как научному руководителю), – когда у меня в первые недели по прибытии на обучение спрашивали, в какое подразделение я определен, отвечал просто: «На кафедру Сабанина». Но (удивительное дело!) при наличии такого авторитета я ни разу не почувствовал даже намека на какой бы то ни было авторитаризм. Все в действиях руководителя всегда было настолько убедительно и просто, что и кафедра, и каждый адъюнкт работали при оптимальном сочетании единоначалия и коллегиальности (если не сказать «саморегулирования», хоть это и не уголовно-правовой, а цивилистический термин). И наш шеф доверял нам. Когда в 2004 году мне через четыре дня после первой предзащиты кандидатской диссертации в другом вузе профессор Л.Я. Драпкин (великий тактик!) предложил через месяц защищаться вместо засомневавшегося в качестве своей работы другого диссертанта, С.Н. Сабанин только спросил у меня: «А мы в лужу не сядем?». Я легкомысленно ответил: «Успею!», но мой самонадеянный расчет тогда почему-то оправдался – повезло, – и я успел сначала написать и разослать автореферат, а потом, под автореферат, переработать и отправить оппонированным лицам и организации саму диссертацию (этот трюк я потом больше не повторял), которую впоследствии в присутствии коллег с родной кафедры защитил.

Сергей Николаевич любит ясность – он сам достаточно открыт, хотя при этом не настаивает на взаимности.

Его педагогическая деятельность (несмотря на его организаторский талант, думаю, все-таки она является главной для него) – пример самоотверженного труда для близких ему людей, ради них. И порой кажется, что круг этих людей, включающий его учеников, простирается до бесконечности.

Примите искренние поздравления с юбилеем, дорогой Сергей Николаевич!

Профессор, доктор юридических наук
Денис Юрьевич Гончаров

Примечания

1. Сабанин С. Н. Реализация принципа справедливости в институте освобождения от уголовного наказания : дис. ... д-ра юрид. наук. – Екатеринбург, 1993. – 262 с.
2. Отзыв официального оппонента Д.А. Шестакова о диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук Гончарова Дениса Юрьевича на тему: «Концептуальные основы межотраслевых взаимосвязей в законодательстве о противодействии преступности». – <http://criminologyclub.ru/news-club/173-2014-11-17-14-55-00.html>. Дата обращения: 27.09.2016.

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

УДК 342.9

№ 4 (11) / 2016, с. 8-20

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРИНУЖДЕНИЕ: ПОНЯТИЕ, МЕСТО И ФОРМЫ ВЫРАЖЕНИЯ

Владимир Иванович Майоров

доктор юридических наук, профессор,

Тюменский государственный университет, г. Тюмень, Российская Федерация

E-mail: 1955715@rambler.ru

Андрей Владимирович Коркин

кандидат юридических наук, доцент,

Уральский юридический институт МВД России, г. Екатеринбург, Российская Федерация

E-mail: 1955715@rambler.ru

В статье раскрыто содержание государственно-правового принуждения и правового института административного принуждения, сформулированы понятия правового института административного принуждения и меры административного принуждения, определены признаки и юридическая природа административного принуждения, раскрыты некоторые особенности применения мер административного принуждения сотрудниками полиции.

Ключевые слова: государственное принуждение, меры административного принуждения, полиция.

ADMINISTRATIVE COERCION: CONCEPT, PLACE AND FORMS OF EXPRESSION

Vladimir Mayorov

Doctor of Law, Professor,

Tyumen State University, Tyumen, Russian Federation

E-mail: 1955715@rambler.ru

Andrey Korkin

Candidate of Law, Associate Professor,

Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,

Ekaterinburg, Russian Federation

E-mail: 1955715@rambler.ru

In article the content of state and legal coercion and legal institute of administrative coercion is revealed, concepts «legal institute of administrative coercion» and «measures of administrative coercion» are formulated, characteristics and the legal nature of administrative coercion are defined, some features of application of administrative coercion measures by the police officers are revealed.

Keywords: state coercion, measures of administrative coercion, police.

Конституция Российской Федерации (далее – Конституция) закрепляет, что права и свободы человека определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются

правосудием¹. Эти конституционные положения основаны на международных договорах, которые являются составной частью

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.). – <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения 01.06.2016). – Ст. 2, 18.

правовой системы Российской Федерации² и ставят в качестве важнейшей задачи государства и общества содействие уважению основных прав и свобод человека и обеспечение их путем национальных и международных прогрессивных мероприятий, всеобщего и эффективного признания и осуществления.

Нормы Конституции и международных договоров нуждаются в дальнейшей конкретизации и обеспечении со стороны других отраслей законодательства, что реализуется, в частности, принятием и действием норм административного права. Сейчас, как и четверть века назад, когда впервые об этом было заявлено, актуальным остается мнение профессора В.А. Юсупова о том, что в современный период развитие административного права требует коренного переосмысления многих его положений, на первый план должны быть выдвинуты такие проблемы, как механизм обеспечения прав, свобод и достоинств личности [36, с. 159].

Наиболее часто права и свободы граждан ограничиваются или даже ущемляются со стороны исполнительных органов власти, поскольку необходимость вступать в правоотношения с ними возникает куда чаще, чем с иными государственными органами. В связи с этим наибольшую значимость на сегодняшний день приобретает исследование проблем содержания правового института административного принуждения.

Очевидно, что административное право демократического государства формируется, в том числе и для общественного контроля за деятельностью государственных органов с целью надлежащего соблюдения ими прав, свобод и законных интересов граждан. Не вызывает возражений и то, что даже во многом реформированное сегодня административное право является результатом деятельности самой государственной администрации. В связи с этим в настоящей статье уделено внимание применению мер административного принуждения с позиций эффективной защиты и соблюдения прав и свобод лиц, в отношении которых эти меры применяются.

Анализ правоприменительной практики показывает, что применение мер административного принуждения должностными лицами государственных органов исполнительной власти, а в особенности сотрудниками полиции, зачастую происходит с произвольным и расширительным толкованием своих полномочий по предупреждению правонарушений, поддержанию общественного

порядка и борьбе с преступностью. В настоящей статье раскрыто содержание государственно-правового принуждения и правового института административного принуждения, сформулировано его понятие, определены признаки и юридическая природа.

Исследовательский интерес к проблемам принудительных средств воздействия государства на общественные отношения вообще и проблемам административного принуждения в частности, а также, развитие правовых институтов ответственности в административном, налоговом, бюджетном и процессуальном законодательстве обусловлены целым рядом причин. Основными из которых, как и в других сферах правового регулирования, являются экономические, политические и правовые.

Изменение российского законодательства о принудительной деятельности государственных органов происходит сегодня быстрее, чем когда бы то ни было. Однако этот процесс сопровождают многочисленные противоречия:

1) нормативные установления одних актов бывают противоречащими другим актам;

2) формулировки, содержащиеся в законодательстве, часто оказываются нечеткими и некорректными;

3) принимается и действует множество ведомственных, подзаконных актов (инструкций, положений и т. д.), изданных зачастую без надлежащей юридической подготовки. В таком огромном числе правовых актов трудно разобраться не то что конкретному правоприменителю, но и юристу, занимающемуся научными исследованиями проблем государственного принуждения.

Все перечисленное затрудняет процесс реализации законодательства о принудительных средствах воздействия государства на общественные отношения, при этом с главными трудностями сталкиваются практические работники указанной сферы.

Несмотря на развитие законодательства и науки до сих пор не выработаны единые устоявшиеся подходы к пониманию и сущности принудительных средств воздействия государства на общественные отношения.

Знакомясь с проблемами правового принуждения в общетеоретической и отраслевой литературе, нельзя не обратить внимание на следующие встречающиеся точки зрения:

во-первых, многие авторы, обращающиеся в той или иной мере к проблемам принуждения, рассматривают его наряду с убеждением в качестве метода государственного

² Конституция Российской Федерации... – Ст. 15.

управления [8, с. 50, 63; 12, с. 8; 19, с. 25, 26; 20, с. 5; 27];

во-вторых, встречается рассмотрение принуждения, государственного принуждения и принуждения правового как явлений относительно самостоятельных, но все же связанных друг с другом более сложными отношениями, чем прямая обусловленность [23, с. 9; 32, с. 90];

в-третьих, в последнее время встречается понимание государственного принуждения в широком и узком смысле. В широком смысле государственное принуждение рассматривается как метод государственного руководства обществом, а в узком смысле представляет собой деятельность уполномоченных государственных органов и должностных лиц, выражающуюся в применении к субъектам мер принуждения, установленных нормами права [26, с. 45-46].

Некоторые исследователи обоснованно обращают внимание на разное содержание понятий «правовое принуждение» и «государственное принуждение», в частности, А.И. Козулин считает: «Понятие государственного принуждения отражает одно из проявлений активной роли государства в жизни общества. Понятие правового принуждения подчеркивает активную роль права по отношению к государственным органам, осуществляющим принудительное воздействие» [23, с. 2].

Представляется верным, что именно право играет ведущую роль в деятельности государства и его органов, но в настоящее время не вся государственная деятельность (в том числе и принудительная) в полной мере опосредована правом и соответствует его духу и принципам. В некоторых случаях государственная деятельность отрывается от права и не имеет правового содержания, правовой основы. В качестве примеров здесь прежде всего называют не основанное на законе государственное принуждение, а «злоупотребления властных структур, некомпетентность, халатность должностных лиц, то есть административный произвол» [12, с. 3]. В результате в настоящее время приходится говорить о самостоятельном существовании принудительной деятельности государственных органов в отрыве от права, о деятельности государства, основанной не на праве, а на чем-то другом. Безусловно, такое положение недопустимо. Тем более что в правовом демократическом государстве, каковым является Россия согласно ее Конституции, «любое использование принудительной силы требует строгой нормативно-законодательной регламен-

тации» [6, с. 147]. Но и сегодня, спустя более чем 20 лет, эти слова все еще следует рассматривать лишь как руководство к действию, как призыв, а не сущностную характеристику исследуемого явления.

Государственное и правовое принуждение, на наш взгляд, должны исследоваться на основе их взаимосвязи и взаимообусловленности. Государственная власть во всех ее проявлениях должна быть неразрывно связана с правовым регулированием, и эти явления не могут быть исследованы, а тем более поняты в отрыве друг от друга. Именно в праве проявления деятельности государства и его органов находят свое выражение, закрепляются их компетенция, формы деятельности и т. д.

Правовые и государственные институты не изолированы друг от друга, несмотря на их относительную самостоятельность. Все сказанное в полной мере относится и к принудительной деятельности государственных органов, государственному принуждению, которое одновременно должно являться и принуждением правовым. Все меры государственного принуждения должны быть подробно регламентированы правом и осуществляться в предусмотренных правом процедурно-процессуальных формах, хотя сейчас этого и не происходит. По нашему мнению, понятия «правовое принуждение» и «государственное принуждение» хоть и не тождественны, но во многом совпадают по своей наполненности.

Как мы уже определили, особенностью государственного принуждения в большинстве случаев является то, что оно связано с правом, базируется на праве и применяется для достижения государственных и политических задач, а также целей правового регулирования. Более того, С.С. Алексеев отмечает властность и принудительность как обязательные, непрменные свойства права, называет их «...самой начальной, исходной особенностью права» [5, с. 9, 13, 20 и далее]. В связи с этим вполне обоснованным выглядит деление принуждения по юридическому критерию на легальное (правовое) и нелегальное, не основанное на законе принуждение (насилие) [12, с. 3].

Представляется верным, что сущность государственного принуждения состоит в игнорировании, а часто и в подавлении воли лица, к которому оно применяется. Оправданным является выделение морального, имущественного, организационного и физического принуждения, применяемого государством в зависимости от сферы инте-

ресов лица, к которому применяются принудительные меры [9, с. 1].

Как и любое явление, государственное принуждение может быть охарактеризовано с точки зрения свойственных ему признаков, выявив которые на основе их обобщения, можно сформулировать понятие государственного принуждения. Учитывая вышеизложенные подходы к исследуемому понятию, можно предложить следующее понятие государственного принуждения – это разновидность социального принуждения, то есть осуществляемый на строго правовой основе особый вид деятельности специально уполномоченных на то субъектов, как правило, государственных органов исполнительной и судебной власти, а в случаях, прямо указанных в законе, – и общественных формирований, состоящий в непосредственном физическом, психическом, материальном или организационном воздействии на субъектов правоотношений (как индивидуальных, так и коллективных) путем применения конкретных мер, негативных по своему содержанию для лица, в отношении которого они используются.

Государственное принуждение применяется в следующих случаях:

- совершение правонарушений;
- особых условий в целях предупреждения, пресечения правонарушений;
- недопущение нежелательных для общества и государства последствий природного, социального и техногенного характера.

Государственное принуждение, единое по своей сути, в то же время предполагает деление на виды в зависимости от отраслевой принадлежности регулирующих его норм. Это вызвано неоднородностью регулируемых правом общественных отношений, а также различными по степени своей общественной опасности посягательствами на них. В силу указанных обстоятельств и возникает необходимость использования различных видов правового (государственного) принуждения, разнообразных в своих проявлениях и отличающихся друг от друга конкретным содержанием, по основаниям и порядку применения.

По сути, речь идет о классификации государственного принуждения, которое в зависимости от органа, его применяющего, принято делить на судебное и административное. В зависимости от характера регламентирующих его норм возможно дифференцировать меры принуждения по нормативному основанию на две группы: материальные и процессуальные. Для развития этой классифика-

ции в правовую науку вводится понятие «вид принуждения», под которым понимаются отраслевые виды принуждения: уголовное, уголовно-процессуальное, административное (в том числе материальное и дисциплинарное), гражданско-правовое, гражданско-процессуальное, по трудовому праву и самостоятельное процессуальное принуждение [13, с. 26-30]. В настоящее время эта классификация широко распространена и принята практически всеми учеными-правоведами.

Как отмечалось выше, к исследованию особенностей государственного принуждения в разное время обращалось достаточное количество ученых, но проблемы административного принуждения до настоящего времени не получили столь пристального внимания правоведов. Разумеется, что помимо общих черт, которыми обладает любой из отраслевых видов правового принуждения, каждому из них свойственны и свои специфические особенности и признаки. Особенности предмета и метода административно-правового регулирования и обуславливают своеобразие административного принуждения, выраженного в наличии присущих только ему характерных черт (признаков).

Перечислим наиболее часто встречающиеся и в той или иной степени общепризнанные черты административного принуждения.

1. Меры административного принуждения применяются в связи с антиобщественными деяниями, нарушающими правовые нормы, охраняемые административно-принудительными средствами [10, с. 445; 12, с. 8]. Однако, несмотря на последовательно отстаиваемую в течение ряда лет некоторыми учеными-административистами точку зрения о том, что административное принуждение применяется только в случаях совершения административных правонарушений [11, с. 257; 13, с. 33], а также в строго определенных случаях и совершения преступлений, не представляющих большой общественной опасности [32, с. 90], именно это мнение подвергается значительной критике со стороны многих юристов. Так, в частности, А.П. Ключниченко по этому поводу считает, что «...применение любой меры административного принуждения при отсутствии правонарушений (карантин, обязательное лечение и т. п.), осуществляется при отсутствии каких-либо правонарушений в целях упреждающего воздействия, однако каждая из них регламентирована, дозволена законом, а стало быть, всегда опирается на прочную правовую

основу» [21, с. 15]. Сходную позицию занимает и Ю.С. Рябов, убедительно отмечая: «...в известных случаях применяются меры принуждения и тогда, когда нет правонарушения. В подобных случаях применение мер принуждения вызывается потребностью обеспечения общественного порядка и общественной безопасности» [31, с. 16].

Мы тоже разделяем точку зрения тех авторов, которые в качестве основания административно-правового принуждения, кроме совершения правонарушений, называют и наступление особых или экстремальных социальных условий, а также объективно противоправные деяния и необходимость обеспечения общественного порядка [3, с. 299; 4, с. 19; 15, с. 22; 16, с. 169-171; 21, с. 14-19; 24, с. 216; 35, с. 55].

2. Исходя из этимологии слова «администрация» означающего «управление», административное принуждение является управленческим принуждением. В большинстве случаев оно применяется органами государственного управления и исполнительной власти, являясь, хотя в целом и монопольным, однако не исключительным их правом. Кроме того, меры административного принуждения могут применяться судами (судьями), негосударственными (общественными или муниципальными) органами и их представителями, но в порядке, установленном нормами административного права [15, с. 22; 24, с. 216; 32, с. 90].

3. Административное принуждение осуществляется, как правило, во внесудебном порядке и в рамках внеслужебного подчинения, то есть при отсутствии организационного, линейного подчинения между сторонами правоотношения. Оно применяется субъектами функциональной власти и является одним из способов реализации функциональной власти. Таким образом, отношения между принуждаемым и принуждающим являются властеотношениями, которые основываются на нормах административного права [3, с. 298-299; 7, с. 234; 12, с. 8; 21, с. 11; 22, с. 24; 24, с. 216; 32, с. 91]. «Субъекты реализации мер административного принуждения должны обладать специальными полномочиями по отношению к субъектам, непосредственно не подчиненным по службе. Они выполняют контрольно-надзорные функции (являются представителями власти)» [4, с. 19].

4. Для административного принуждения характерна множественность органов и должностных лиц, уполномоченных на его применение. Многие меры административного принуждения правомочны применять

все сотрудники полиции (проверка документов, использование транспортных средств и др.). Значительное количество органов и должностных лиц обладают в процессе применения мер административного принуждения юрисдикционными полномочиями, являются носителями административной юрисдикции, имеющими право рассмотрения и разрешения конкретных дел об административных проступках по существу [3, с. 297-298; 12, с. 8; 21, с. 17; 24, с. 216].

5. Административно-правовому принуждению подвергаются не только граждане, но и организации, коллективные субъекты [3, с. 298; 12, с. 8].

6. Административное принуждение осуществляется в рамках охранительных административно-правовых отношений, складывающихся в сфере государственного управления, направленных на охрану общественного порядка и общественной безопасности и характеризующихся неравенством сторон такого правоотношения. Применение административного принуждения преимущественно ограничивается сферой защиты общеобязательных правил поведения, не имеющих ведомственных границ, например, правил пожарной безопасности, безопасности дорожного движения, правил паспортно-регистрационной и лицензионно-разрешительной системы, природоохранных правил и т. д. [3, с. 298; 29, с. 7; 34, с. 40].

7. Упрощенный порядок применения административного принуждения по сравнению с иными видами государственного принуждения, характеризующийся быстротой принятия решения об использовании принудительных мер и оперативностью их применения. Реализация мер административного принуждения в большинстве случаев происходит без предварительной судебной оценки обоснованности и законности решения об их применении [3, с. 298; 15, с. 22; 22, с. 24].

8. Чаще всего административное принуждение по характеру своего воздействия менее значительно, чем иное государственное принуждение. Как правило, другие виды государственного принуждения, например меры уголовно-правового воздействия, применяемые к подозреваемому, обвиняемому, подсудимому, несравненно более суровы, связаны с существенными личностными и имущественными ограничениями [21, с. 19]. Однако такая группа мер административного принуждения, как специальные меры административного пресечения (применение физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия), что чаще всего осу-

ществляется сотрудниками государственных правоохранительных органов – это наиболее жесткий вид мер правового воздействия на личность, ни один другой отраслевой вид государственного принуждения не сравнится по степени существенности и оперативности вмешательства в права и свободы граждан.

9. Административное принуждение, порядок и основания его применения урегулированы административным законодательством [4, с. 18; 12, с. 8; 24, с. 216].

Разумеется, не со всеми приведенными в различное время в литературе особенностями административного принуждения следует согласиться сейчас. Наиболее спорным, по нашему мнению, является утверждение А.П. Ключниченко, который в качестве общей тенденции развития правового института административного принуждения отмечал «постепенное сокращение, сужение сферы его применения, постепенное перерастание в принуждение общественное, применяемое в порядке реализации средств общественного воздействия» [21, с. 19]. Представляется, что в настоящее время как никогда актуальными и распространенными в административной деятельности являются именно принудительные меры. Административное принуждение – это «...хотя и не главный, но важный и необходимый метод властвования» [12, с. 3], подобной точки зрения придерживаются и другие ученые, отмечая, что «...метод административного принуждения остается (и в будущем он будет также развиваться) одним из важнейших в правоприменительной деятельности государства» [30, с. 14]. Изложенное полностью согласуется с отмечаемой в правовой науке тенденцией ужесточения мер публичного принуждения [1, с. 748].

Учитывая приведенный выше практически исчерпывающий перечень признаков административного принуждения, основанный на мнениях известных авторов, все же выскажем некоторые свои соображения по поводу характерных черт исследуемого явления.

Во-первых, как уже было отмечено, для административного принуждения характерен широкий круг субъектов (государственных и негосударственных органов и их должностных лиц), уполномоченных на его применение. Но помимо этого для него характерно и большое число нормативных правовых актов, являющихся правовым основанием применения мер административного принуждения. Так, в вышедшем почти два десятилетия назад сборнике нормативных правовых актов, посвященных указанной теме, Ю.Н. Стариков при-

водит перечень из порядка 60 федеральных законов, являющихся правовой основой административного принуждения, не считая подзаконных актов (указов, постановлений, инструкций, писем и др.) [4], это подтверждается и другими авторами [14, с. 87].

Во-вторых, в настоящее время нормативные акты, регламентирующие административное принуждение, должны иметь форму исключительно федеральных (федеральных конституционных) законов. Так как, согласно ч. 3 ст. 55 Конституции, права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены только федеральным законом в указанных в этой статье целях. А реальное ограничение прав и свобод, различные лишения личного, организационного, имущественного, финансового характера и выступают, по общему мнению, содержанием административного принуждения. Следовательно, имеющаяся уже на протяжении более двадцати лет практика применения сотрудниками полиции мер административного принуждения, содержащихся не в федеральных законах, а в подзаконных, ведомственных актах (которые часто даже не опубликованы в источниках официального опубликования), не соответствует указанному конституционному требованию.

Очевидно, что подзаконные и ведомственные акты могут лишь конкретизировать механизм реализации установленных федеральным законом мер административного принуждения, но не устанавливать собственные принудительные меры. В противном случае речь идет не об административном принуждении, а об административном произволе.

Рассмотрим конкретный пример. Так, практически постоянно подразделения Госавтоинспекции территориальных органов МВД России проводят оперативно-профилактическое мероприятие «Тонировка». Его цель – выявление и привлечение к административной ответственности водителей, управляющих транспортным средством, на котором установлены стекла (в том числе покрытые прозрачными цветными пленками), светопропускание которых не соответствует требованиям законодательства, то есть совершивших административное правонарушение, предусмотренное частью 3.1 статьи 12.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ)³. Светопропускание ветрового стекла и

³ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : федер. закон от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ. – <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения 01.06.2016).

стекло, через которые обеспечивается передняя обзорность для водителя, должно составлять не менее 70%, что установлено в п. 4.3 приложения № 8 к техническому регламенту Таможенного союза «О безопасности колесных транспортных средств»⁴.

При этом до 15 ноября 2014 г. совершение административного правонарушения, предусмотренного ч. 3.1 ст. 12.5 КоАП РФ, являлось основанием для применения меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях – запрещение эксплуатации транспортного средства, которое заключалось в снятии государственных регистрационных знаков до устранения причины такого запрещения. В настоящее время эта мера обеспечения отменена⁵ [30], а в отношении водителей указанных транспортных средств назначается лишь административный штраф в размере 500 рублей.

Административный штраф, как и любое другое наказание, имеет цель «...предупреждения совершения новых правонарушений как самим правонарушителем, так и другими лицами»⁶. То есть формально призван предупреждать управление транспортным средством с излишне тонированными стеклами самим автовладельцем, а на его примере и владельцами других подобных транспортных средств. Однако, как показывает практика, такое предупреждение не всегда эффективно, и многие водители продолжают управлять излишне тонированными транспортными средствами, несмотря на неоднократное привлечение к административной ответственности. В связи с чем для борьбы с такими нарушителями Госавтоинспекция зачастую использует следующую схему: при вынесении постановления по делу об административном правонарушении по ч. 3.1 ст. 12.5 КоАП РФ одновременно водителю выдается и письменное законное требование сотруд-

⁴ О принятии технического регламента Таможенного союза «О безопасности колесных транспортных средств»: решение Комиссии Таможенного союза от 9 декабря 2011 г. № 877 // Официальный сайт Комиссии Таможенного союза. – <http://www.tsouz.ru/> (дата обращения 01.06.2016).

⁵ О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и отдельные законодательные акты Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации в связи с уточнением полномочий государственных органов и муниципальных органов в части осуществления государственного контроля (надзора) и муниципального контроля: федер. закон от 14 октября 2014 г. № 307-ФЗ. – <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения 01.06.2016).

⁶ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях... – Ст. 3,1. – Ч. 1.

ника полиции об устранении обстоятельств, послуживших основанием для привлечения его к административной ответственности. И если после вступления постановления по делу об административном правонарушении в силу светопропускание стекол не приведено в норму, тогда в случае повторного выявления такого водителя его опять привлекают к административной ответственности и за тонировку (по ч. 3.1 ст. 12.5 КоАП РФ), а также и за неповиновение законному распоряжению или требованию сотрудника полиции в связи с исполнением им обязанностей по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности (по ч. 1 ст. 19.3 КоАП РФ). А за последнее предусмотрен административный штраф в размере от пятисот до одной тысячи рублей или административный арест на срок до пятнадцати суток. В результате более половины водителей предпочитают избавиться от излишней тонировки на месте остановки транспортного средства, чем получить на руки письменное законное требование сотрудника Госавтоинспекции.

Понятно, что излишняя тонировка стекол транспортных средств создает возможность для перемещения в них лиц и грузов, которые не всегда преследуют общественно полезные цели. Федеральным законом «О полиции» (далее – Закон о полиции) на полицию возлагаются обязанности устранять угрозы безопасности граждан и общественной безопасности⁷, пресекать административные правонарушения и осуществлять производство по делам об административных правонарушениях⁸. Для этого полиции предоставлены права требовать от граждан прекращения противоправных действий⁹, останавливать транспортные средства и проверять документы на право пользования и управления ими¹⁰. Безусловно, что законные требования сотрудника полиции обязательны для выполнения гражданами и должностными лицами¹¹, как и то, что требования и указания должностных лиц Госавтоинспекции по вопросам, относящимся к их компетенции, обязательны для юридических лиц независимо от формы собственности и иных организаций, должностных лиц и граждан¹².

⁷ О полиции: федер. закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ. – <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения 01.06.2016). – Ст. 12. – Ч. 1. – П. 2.

⁸ Там же. – Ст. 12. – Ч. 1. – П. 11.

⁹ Там же. – Ст. 13. – Ч. 1. – П. 1.

¹⁰ Там же. – Ст. 13. – Ч. 1. – П. 20.

¹¹ Там же. – Ст. 30. – Ч. 3.

¹² Там же. – Ст. 12. – Ч. 1. – П. 2 (абз. 2).

И, конечно, одним из принципов деятельности полиции является законность, одно из требований которой заключается в том, что «применение сотрудником полиции мер государственного принуждения для выполнения обязанностей и реализации прав полиции допустимо только в случаях, предусмотренных федеральным законом»¹³. Но насколько законна вышеизложенная практика профилактики управления транспортными средствами с излишне тонированными стеклами?

Подтверждением законности такого опыта борьбы с водителями, не желающими привести светопропускание стекол своего транспортного средства в соответствие с требованиями технического регламента, является мнение профессора П.П. Серкова, выраженное в одном из постановлений в 2010 году¹⁴, т. е. до реформирования органов внутренних дел и начала действия Закона о полиции.

Современное обоснование этого подхода содержится в судебной практике применения КоАП РФ [28], где сделан вывод, что «...требование сотрудника ГИБДД об устранении нарушений в области дорожного движения, в том числе неисправностей и условий, при наличии которых эксплуатация транспортных средств запрещена, является законным» и с этим нельзя не согласиться. Аналогичный вывод в другом судебном решении основан на тезисе о том, что, если какие-либо действия сотрудника полиции по применению мер административного принуждения или составлению процессуального документа не предусмотрены каким-либо законом, это не является достаточным основанием считать действия сотрудника полиции противоречащим требованиям закона¹⁵. А это утверждение уже ничего, кроме недоумения не вызывает, ибо противоречит ч. 3 ст. 55 Конституции.

Также, судя по обсуждению рассматриваемой ситуации на тематических сайтах автовладельцев в информационно-телекомму-

никационной сети «Интернет», существует письмо Генеральной прокуратуры России от 15 июня 2015 г. № 74/2-292-2015, согласно которому действия сотрудников Госавтоинспекции, направленные на выдачу требования о прекращении противоправных действий, не противоречат законодательству.

С этим, конечно, сложно не согласиться. Но основано ли такое требование на действующем законодательстве? И предусмотрена ли за его невыполнение административная ответственность по ч. 1 ст. 19.3 КоАП РФ?

Представляется верным, что противоправные действия в виде управления транспортным средством с излишне тонированными стеклами пресекаются в момент его остановки. Последующее управление таким транспортным средством вновь образует состав ч. 3.1 ст. 12.5 КоАП РФ.

Само по себе наличие на транспортном средстве стекол, светопропускание которых не соответствует требованиям технического регламента, административным правонарушением не является. В отличие от ч. 3 ст. 12.2 КоАП РФ, предусматривающей административную ответственность за сам факт установки на транспортном средстве заведомо подложных государственных регистрационных знаков, или от ст. 12.4 КоАП РФ, предусматривающей административную ответственность за факт установки на транспортном средстве устройств для подачи специальных световых или звуковых сигналов, по ч. 3.1 ст. 12.5 КоАП РФ наказуемым является только управление транспортным средством, на котором установлены стекла, светопропускание которых не соответствует требованиям технического регламента. То есть установка таких стекол на транспортном средстве, если оно не движется, состава административного правонарушения не образует, и требовать приведения светопропускания стекол в соответствии с техническим регламентом в отношении остановленного транспортного средства, законодательство не позволяет.

Выдача должностным лицом Госавтоинспекции письменного требования водителю об устранении обстоятельств, послуживших основанием для привлечения его к административной ответственности, не предусмотрена нормативными правовыми актами, регламентирующими правоотношения с участием водителей транспортных средств. Равно как и не предусмотрено подобное со стороны сотрудников полиции в отношении граждан, не являющихся водителями, кроме указанных в Законе о полиции случаев, называемых предписаниями.

¹³ О полиции : федер. закон... – Ст. 6. – Ч. 5.

¹⁴ Судебные акты по делу об административном правонарушении, предусмотренном ч. 1 ст. 19.3 КоАП РФ, за неповиновение законному требованию сотрудника милиции об устранении обстоятельств, послуживших совершению административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 12.5 КоАП РФ, оставлены без изменения, так как факт совершения заявителем вменяемого административного правонарушения подтвержден материалами дела: постановление Верховного Суда Российской Федерации от 11 января 2010 г. № 12-АД09-3 // СПС КонсультантПлюс (дата обращения 01.06.2016).

¹⁵ Апелляционное определение Пермского краевого суда от 11 ноября 2015 г. по делу № 33-11999/2015. – <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения 01.06.2016).

Предусмотрены следующие предписания: об устранении выявленных нарушений, в том числе нарушений требований нормативных правовых актов в области обеспечения безопасности дорожного движения при строительстве, ремонте, реконструкции и содержании дорог, выдаваемые должностным лицам и индивидуальным предпринимателям¹⁶;

об устранении выявленных нарушений правил частной детективной (сыскной) и охранный деятельности¹⁷;

предписания, предусмотренные законодательством Российской Федерации о наркотических средствах, психотропных веществах и об их прекурсорах¹⁸.

Обязанность адресатов выполнить указанные предписания предусмотрена ч. 4 ст. 13 Закона о полиции.

Кроме Закона о полиции, еще и Положение о ГИБДД позволяет главным государственным инспекторам безопасности дорожного движения в письменной форме с указанием сроков представления информации о принимаемых мерах давать юридическим лицам и должностным лицам обязательные для исполнения предписания об устранении нарушений нормативных правовых актов в области обеспечения безопасности дорожного движения¹⁹. Субъекты этого права, равно как и адресат предписания, четко определены, и это не водители транспортных средств.

Что касается причин и условий, способствующих реализации угроз безопасности граждан и общественной безопасности, совершению административных правонарушений, то для их устранения действующее законодательство предоставляет сотрудникам полиции право вносить обязательные для исполнения руководителями и должностными лицами организаций соответствующие представления²⁰. Представление об устранении причин и условий, способствовавших совершению административного правонарушения, должно быть рассмотрено адресатом в течение месяца со дня его получения, о при-

нятых мерах должно быть сообщено должностному лицу полиции, внесшему представление²¹.

Другие федеральные законы, а также и подзаконные нормативные правовые акты о деятельности полиции или об обеспечении безопасности дорожного движения не предусматривают каких-либо иных, кроме вышеупомянутых, прав должностных лиц Госавтоинспекции, которые можно было бы рассматривать как письменное требование об устранении обстоятельств, послуживших основанием для привлечения к административной ответственности, или предписание об устранении нарушений, выявленных в действиях водителя.

Таким образом, с учетом требований действующего законодательства о деятельности полиции предупреждение управления транспортными средствами с излишне тонированными стеклами возможно путем внесения представлений. Если совершено административное правонарушение – представление об устранении причин и условий, способствовавших совершению административного правонарушения²², а если административного правонарушения нет – представление об устранении причин и условий, способствующих реализации угроз безопасности граждан и общественной безопасности²³. Адресатом такого представления является не водитель транспортного средства, а организация или должностное лицо. Очевидно, что это, например, руководители авторемонтных предприятий, осуществляющих услуги по установке на стекла транспортных средств покрытий, светопропускание которых не соответствует требованиям технического регламента. Наименование и местонахождение таких предприятий следует устанавливать сотрудникам Госавтоинспекции при составлении протокола по ч. 3.1 ст. 12.5 КоАП РФ. А затем, убедившись, что предприятие действительно оказывает такие услуги, выносить представление об устранении причин и условий, способствовавших совершению административного правонарушения. При этом за невыполнение требования об устранении данных причин и условий предусмотрена административная ответственность по ст. 17.7 КоАП РФ.

Конечно, описанный механизм профилактики управления транспортными средствами с излишне тонированными стеклами **выглядит несколько сложнее, чем вручение**

²¹ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях... – Ст. 29.13. – Ч. 2.

²² Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях... – Ст. 29.13

²³ О полиции : федер. закон... – Ст. 13. – Ч. 1. – П. 12.

водителям транспортных средств предписания непосредственно «на дороге», но действующее законодательство в контексте анализируемой практики иного способа не предусматривает.

В-третьих, несмотря на урегулированность административным законодательством, меры административного принуждения применяются, в том числе и за нарушения норм других отраслей законодательства. Поскольку некоторые отрасли законодательства, имея собственный предмет регулирования, не имеют собственных методов охраны этого предмета от посягательств и нарушений. В частности, нормы таких отраслей законодательства, как финансовое, таможенное, налоговое, градостроительное, земельное и других, регулируя соответствующую сферу общественных отношений, не имеют собственных охранительных норм, а используют в целях охраны нормы административного права, устанавливающие административную ответственность и меры административного принуждения. Иными словами, происходит «обслуживание» административно-правовым принуждением общественных отношений, урегулированных нормами другой отрасли законодательства, то есть имеется «...несовпадение предмета регулирования и объекта охраны» [2, с. 56].

В-четвертых, отмечая разнообразие внешних форм проявления административного принуждения, можно заметить, что перечень конкретных мер, являющихся его содержанием, здесь гораздо шире, чем у иных видов правового принуждения. Что существенно повышает эффективность деятельности полиции по его применению и обусловлено огромным разнообразием охраняемых с его помощью общественных отношений, основаниями и целями его применения, а также различием в правовом положении и компетенции органов, уполномоченных на его применение.

И, в-пятых, несмотря на разделяемое большинством авторов мнение о том, что «меры административного принуждения менее значительны по своей суровости, чем меры уголовного воздействия», попробуем не согласиться с ними и внести некоторые уточнения. Поскольку применение и использование огнестрельного оружия, специальных средств и физической силы сотрудниками полиции урегулировано нормами административного права, очевидно, что такие меры являются наиболее суровыми из применяемых к личности, поэтому можно утверждать о более жестком характере мер административного принуждения, применяемых к личности, по сравнению с иными видами отраслевого правового принуждения.

Учитывая изложенные признаки административного принуждения, анализируя и обобщая их суть, можно сформулировать понятие административного принуждения. Однако прежде обратим внимание на разное содержание понятий «административное принуждение» и «меры административного принуждения». По мнению А.С. Князькова, «эти два понятия соотносятся как содержание и форма. Внешнее проявление административного принуждения и есть та или иная административно-принудительная мера» [22, с. 27]. Т. е. административное принуждение как способ охраны правопорядка реализуется путем применения конкретных административно-правовых мер.

К пониманию административного принуждения, так же, как и принуждения государственного, правовая наука до сих пор не выработала единого подхода. В связи с этим уместно говорить о двух самостоятельных, но взаимосвязанных правовых явлениях. Это административное принуждение как правовой институт и меры административного принуждения как внешняя форма (способ) существования этого института. Предпосылки подобного понимания еще в середине 60-х годов прошлого века сформулированы В.Д. Ардашкиным: «...государственное принуждение, являясь дополнительным способом организации подчинения, воплощается в принудительных мерах, выражающих волю государства, его органов и применяемых к субъектам, способным к сознательным действиям» [8, с. 63-64].

Таким образом, посредством правовой регламентации отдельных мер административного принуждения происходит формирование правового института административного принуждения. Схожую точку зрения имеет и А.И. Каплунов, отмечая, что меры принуждения – это закрепленные законом способы, приемы и средства воздействия личного, имущественного и организационного характера, позволяющие заставить лицо исполнять юридические обязанности и соблюдать правовые запреты и состоящие из правовых ограничений, лишений, обременений, ответных действий, влекущих наступление правового урона, причинение морального, материального и физического вреда [17, с. 19-20].

В свою очередь под административным принуждением как отраслевым видом государственного принуждения А.И. Каплунов

понимает «метод государственного управления, состоящий в применении субъектами функциональной власти установленных нормами административного и административно-процессуального права принудительных мер воздействия, направленных на обеспечение неукоснительного выполнения юридических обязанностей лицами, в связи с совершением ими противоправных действий или при возникновении обстоятельств, угрожающих безопасности личности или общественной безопасности» [18, с. 96].

По нашему мнению, как правовой институт административное принуждение есть совокупность административно-правовых норм, регулирующих условия, основания и порядок применения мер административного принуждения, состоящих в негативных последствиях правоограничительного характера (психическом, материальном, организационном и физическом воздействии), применяемых к лицам (как физическим, так и юридическим) с целью предупреждения, пресечения правонарушений, обеспечения надлежащего порядка, привлечения к юридической ответственности, охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности уполномоченными на то органами государственной власти, общественными организациями и их должностными лицами.

А меры административного принуждения – это формы выражения правового института административного принуждения, т. е. конкретные виды воздействия на физических и юридических лиц, выраженные в психических, материальных, организационных и физических ограничениях, применяемых специально уполномоченными на то субъектами как в связи с правонарушением (преступлением), так и при его отсутствии для охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности.

Итак, в статье рассмотрены понятие и сущность государственного принуждения, а также административного принуждения, как одного из его видов. Государственное принуждение – это разновидность социального принуждения, то есть осуществляемый на строго правовой основе особый вид деятельности специально уполномоченных на то субъектов, как правило, государственных органов исполнительной и судебной власти, а в случаях, прямо указанных в законе, – и общественных формирований, состоящий в непосредственном физическом, психическом, материальном или организационном воздействии на субъектов правоотношений

(как индивидуальных, так и коллективных) путем применения конкретных мер, негативных по своему содержанию для лица, в отношении которого они используются. Государственное принуждение применяется в случае совершения правонарушений; наступления особых условий в целях предупреждения, пресечения правонарушений; а также для недопущения нежелательных для общества и государства последствий природного, социального и техногенного характера.

Государственное и правовое принуждение неразрывно связаны между собой и не могут быть исследованы в отрыве друг от друга. Меры государственного принуждения должны быть регламентированы правом и осуществляться исключительно в предусмотренных правом процедурно-процессуальных формах, однако в России этого не происходит – принудительная деятельность государственных органов во многом существует в отрыве от права.

Административное принуждение наряду с судебным является одним из видов государственного принуждения. Выделяются следующие признаки административного принуждения:

- применяется при совершении деяний, нарушающих правовые нормы, охраняемые административно-принудительными средствами;

- представляет собой управленческое принуждение;

- осуществляется во внесудебном порядке и в рамках внеслужебного подчинения;

- среди уполномоченных на применение большое число органов и должностных лиц;

- применяется к гражданам, организациям и юридическим лицам;

- осуществляется в рамках охранительных административно-правовых отношений;

- имеет упрощенный порядок применения;

- менее значительно, чем иные меры государственного принуждения;

- урегулировано административным законодательством.

На основании перечисленных признаков можно сформулировать определение административного принуждения как правового института – совокупность административно-правовых норм, регулирующих условия, основания и порядок применения мер административного принуждения, состоящих в негативных последствиях правоограничительного характера (психическом, материальном, организационном и физическом воздействии), применяемых к лицам (как физическим, так и юридическим) с целью предупрежде-

ния, пресечения правонарушений, обеспечения надлежащего порядка, привлечения к юридической ответственности, охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности уполномоченными на то органами государственной власти, общественными организациями и их должностными лицами.

Таким образом, административное принуждение представляет собой один из отраслевых видов правового принуждения со своими характерными особенностями, оно приме-

няется чаще, чем иные виды принуждения и отличается разнообразием внешних форм проявления. Административное принуждение может быть регламентировано лишь федеральными законами, поскольку только они могут ограничивать права и свободы граждан (ч. 3 ст. 55 Конституции РФ). Однако в настоящее время это положение Конституции часто не соблюдается, что составляет одну из серьезных проблем законности применения мер административного принуждения.

Примечания

1. Агапов А. Б. Публичное принуждение или общественная санация... // Административное и муниципальное право. – 2013. – № 7. – С. 743-752.
2. Административная ответственность в СССР : монография / коллектив авторов ; под ред. В. М. Манохина и Ю. С. Адушкина. – Саратов : Изд-во СГУ, 1988. – 168 с.
3. Административное право : учебник / под ред. Ю. М. Козлова, Л. Л. Попова. – М. : Юрист, 1999. – 728 с.
4. Административное принуждение и административная ответственность: Сборник нормативных актов / сост. Ю. Н. Старилов. – М. : Изд-во БЕК, 1998. – 848 с.
5. Алексеев С. С. Право – надежда наша : науч.-публицист. очерки. – Екатеринбург : Сред.-Ур. кн. изд-во, 1999. – 317 с.
6. Алексеев С. С. Уроки: Тяжкий путь России к праву. – М. : Юрист, 1997. – 326 с.
7. Алехин А. П., Кармолицкий А. А., Козлов Ю. М. Административное право Российской Федерации : учебник. – М. : ИКД «Зерцало-М», 2003. – 608 с.
8. Ардашкин В. Д. Меры защиты (пресечения) в советском административном праве : дис. ... канд. юрид. наук. – Свердловск, 1967. – 248 с.
9. Бахрах Д. Н. Административная ответственность : учеб. пособие. – М. : Юриспруденция, 1999. – 112 с.
10. Бахрах Д. Н. Административное право России : учеб. – М. : Изд. группа НОРМА-ИНФРА М, 2000. – 640 с.
11. Бахрах Д. Н. Административное право : учеб. – М. : БЕК, 1996. – 368 с.
12. Бахрах Д. Н. Принуждение и ответственность по административному праву : учеб. пособие. – Екатеринбург, 1999. – 144 с.
13. Бахрах Д. Н. Советское законодательство об административной ответственности : учеб. пособие. – Пермь : Пермский гос. ун-т, 1969. – 344 с.
14. Бахрах Д. Н., Кролис Л. Ю. Административная ответственность и финансовые санкции // Журнал российского права. – 1997. – № 8. – С. 85-90.
15. Дворяк А. И. Меры административно-процессуального пресечения, применяемые милицией : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1997. – 217 с.
16. Еропкин М. И., Попов Л. Л. Административно-правовая охрана общественного порядка. – Л. : Лениздат, 1973. – 328 с.
17. Каплунов А. И. Административное принуждение, применяемое органами внутренних дел (системно-правовой анализ) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2005. – 59 с.
18. Административное принуждение, применяемое органами внутренних дел: теория и практика : моногр. ; под общ. ред. В. П. Сальникова. – СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та МВД России, 2004. – 378 с.
19. Карташов Н. Н. Краткая энциклопедия основных понятий и категорий административно-правовых дисциплин. – Орел : Орлов обл. тип. «Труд», 1997. – 127 с.
20. Кисин В. Р. Меры административно-процессуального принуждения, применяемые милицией : учеб. пособие. – М. : МВШМ МВД СССР, 1987. – 59 с.
21. Ключниченко А. П. Меры административного принуждения, применяемые милицией (Особенности. Классификация. Системовыражение) : учеб. пособие. – Киев : НИ и РИО КВШ МВД СССР, 1979. – 88 с.
22. Князьков А. С. Применение и использование огнестрельного оружия сотрудниками милиции как мера административно-правового пресечения : дис. ... канд. юрид. наук. – Томск, 1998 – 260 с.
23. Козулин А. И. Правовое принуждение (правовые начала государственного принуждения в советском обществе) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Свердловск : Свердл. юрид. ин-т им. Р.А. Руденко, 1986. – 15 с.
24. Коренев А. П. Административное право России : учебник : в 3 ч. – М. : МЮИ МВД России : Изд-во Щит-М, 1999. – Ч. I. – 280 с.
25. Коренев А. П. Важные вопросы науки административного права // Государство и право. – 1993. – № 2.

26. Макарейко Н. В. Государственное принуждение как средство обеспечения общественного порядка : дис. ... канд. юрид. наук. – Новгород, 1996. – 249 с.
27. Общая теория права и государства : учебник / под ред. В. В. Лазарева. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Юристъ, 2001. – 520 с.
28. Панкова О. В. Правонарушения в области дорожного движения: судебная практика применения КоАП РФ // СПС КонсультантПлюс (дата обращения 01.06.2016).
29. Попов Л. Л. Убеждение и принуждение в административной деятельности советской милиции : автореф. ... дис. канд. юрид. наук. – М., 1965. – 16 с.
30. Розенфельд В. Г., Стариков Ю. Н. Административное принуждение; Административная ответственность; Административно-юрисдикционный процесс : учеб. пособие. – Воронеж, 1993. – 168 с.
31. Рябов Ю. С. Административно-предупредительные меры. Теоретические вопросы. – Пермь : Кн. изд-во, 1974. – 81 с.
32. Севрюгин В. Е. Проблемы административного права : учеб. пособие. – Тюмень : ТВШ МВД РФ : ТГУ, 1994. – 110 с.
33. Серегина В. В. Государственное принуждение по советскому праву ; науч. ред. И. А. Галаган. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1991. – 120 с.
34. Черников В. В. Административное принуждение в механизме обеспечения сохранности социалистической собственности // В кн. Правовое принуждение в борьбе с преступностью : межвуз. сб. науч. тр. – М., 1989. – С. 37-45.
35. Шергин А. П. Применение милиционером мер административного воздействия : учеб. пособие. – М., 1976. – 53 с.
36. Юсупов В. А. Труды по административному праву : в 3 т. – М. : НП «Евразийская акад. адм. наук», 2014. – Т. 3. – 356 с.

ОБЩЕСТВЕННАЯ ОПАСНОСТЬ УПРАВЛЕНИЯ ТРАНСПОРТНЫМИ СРЕДСТВАМИ В СОСТОЯНИИ ОПЬЯНЕНИЯ

Ольга Николаевна Дунаева

Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), г. Челябинск, Российская Федерация

E-mail: dunaevaon@gmail.com

Светлана Владимировна Полякова

Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), г. Челябинск, Российская Федерация

E-mail: vip.polyakovasv@mail.ru

Ирина Александровна Спиридонова

Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), г. Челябинск, Российская Федерация

E-mail: trans@susu.ac.ru

В статье рассматриваются актуальные вопросы в сфере обеспечения безопасности участников дорожного движения. Анализируется зарубежный и отечественный опыт. Приведены результаты авторского исследования. Отмечается важность не только законодательного ресурса, но и необходимость усиления комплексного решения проблемы безопасности дорожного движения, посредством активации превентивных мер (форм и методов) в проведении профилактических мероприятий противодействия «вождению в состоянии опьянения».

Ключевые слова: общественная безопасность, обеспечение безопасности участников дорожного движения, правовая ответственность.

PUBLIC DANGER OF DRIVING IN STATE OF INTOXICATION

Olga Dunayeva

South Ural State University (National Research University), Chelyabinsk, Russian Federation

E-mail: dunaevaon@gmail.com

Svetlana Polyakova

South Ural State University (National Research University), Chelyabinsk, Russian Federation

E-mail: maria.schiriaewa@mail.ru

Irina Spiridonova

South Ural State University (National Research University), Chelyabinsk, Russian Federation

E-mail: trans@susu.ac.ru

In article topical issues in the sphere of safety of participants of traffic are considered. Foreign and domestic experience is analyzed. Results of an author's research are given. Importance of not only a legislative resource, but also need of strengthening of a complex solution of the problem of traffic safety, by means of activation of preventive measures (forms and methods) in holding preventive actions of counteraction to «driving in state of intoxication» is noted.

Keywords: public safety, ensuring safety of participants of traffic, legal responsibility.

Управление водителем транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения является одной из распространенных причин дорожно-транспортных происшествий (ДТП) во всем мире. По инициативе России, Генеральная Ассамблея ООН объявила 2011-2020 годы «Десятилетием действий по обеспечению безопасности дорожного движения», в которое включилось 70 стран мира; одним из актуальных направлений работы предусмотрено противодействие вождению в состоянии опьянения.

Сфере безопасности дорожного движения посвящен ряд исследований известных отечественных правоведов-административистов, таких как Б.В. Россинский, В.В. Лукьянов, В.И. Майоров, В.В. Головкин, а также работы в смежных областях: медицине катастроф, транспортной психологии, педагогике (подготовка водителей) и др. [1]

Несомненно, в обеспечении общественной безопасности дорожного движения решающим фактором является правовая регламентация поведения участников дорожного движения, которая предусматривает административную, гражданскую и уголовную ответственность.

В процессе дорожного движения водитель является самым активным субъектом деятельности и именно на нем в большей степени лежит правовая ответственность за безопасность. Сама деятельность вождения в современных условиях предъявляет высокие требования к психике и когнитивной деятельности человека, к его знаниям и опыту, именно от водителя в большей мере зависит безопасность жизни и здоровья других участников движения (водителей, пассажиров, пешеходов) [5]. На сегодняшний день основной причиной ДТП является не технический, а человеческий фактор, в первую очередь нарушение правил дорожного движения, в том числе вождение транспортного средства в состоянии опьянения.

Алкоголь – один из самых коварных врагов всех участников дорожного движения (водителей, пешеходов, пассажиров), так как делает их беззащитным перед лицом возможной опасности. Основная проблема – психофизиологическая, и заключается в том, что человек в состоянии алкогольного опьянения не только не замечает опасности, но и склонен завышать свои способности к управлению транспортным средством, чувствовать себя умнее, рискованнее, удачливее.

При управлении автомобилем в условиях интенсивного городского движения водитель нередко работает на пределе своих возможностей, поэтому даже незначительное нарушение психофизиологических функций после приема небольших доз алкоголя становится причиной ошибок и ДТП.

Парадокс заключается в том, что участники дорожного движения (водители, пешеходы, пассажиры), не нарушающие требования ПДД, становятся «жертвами» нетрезвых водителей [6]. Чтобы не стать «жертвой» такого водителя необходимо знать особенности поведения водителей в состоянии алкогольного (или иного опьянения) и стараться заранее обнаружить их в транспортных потоках. Такие водители обычно запаздывают при старте у светофора, резко тормозят, движутся на запрещающий сигнал светофора, им присуща резкая и извилистая траектория движения. В целом перечисленные признаки создают отчетливую картину, что автомобилем управляет «опасный» водитель, который может быть в состоянии опьянения (но может быть просто новичок или человек, не знакомый с местными условиями). Управление транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения, а также под воздействием наркотических средств и психотропных или токсических веществ является самым опасным нарушением Правил дорожного движения (ПДД), так как приводит к ДТП с тяжелыми последствиями.

Результаты и обсуждение авторского исследования. В рамках научно-исследовательской работы студентов, нами была предпринята попытка изучения отношения студентов-водителей к вождению транспортного средства в состоянии алкогольного опьянения и распространенности этого явления. Была составлена мини-анкета (7 вопросов), в опросе приняли участие студенты 3 курса ЮУрГУ (НИУ), являющиеся водителями автотранспорта (дневная и заочная формы обучения, в количестве 31 человека, возраст 19-36 лет, 26 мужчин, 5 женщин) и обучающиеся по направлению подготовки «эксплуатация автомобильного транспорта».

Вопросы анкеты: 1. Социально-демографическая характеристика (социальное положение, пол, возраст, водительский стаж). 2. Как Вы оцениваете степень безопасности дорожного движения в нашей стране? (%). 3. На Ваш взгляд, какова доля ДТП, совершенных в состоянии алкогольного (или другого

опьянения)? (%). 4. Опасаетесь ли Вы (в качестве водителя, пешехода) стать «жертвой» пьяного водителя? (%). 5. Вы когда-нибудь «садились за руль автомобиля» в состоянии опьянения? (да/нет). 6. Привлекались ли Вы к административной ответственности за вождение в нетрезвом виде? (да/нет). 7. На Ваш взгляд, какие меры наиболее эффективны в преодолении данного явления? (свободный ответ).

Приводим краткий **анализ результатов**. Степень безопасности дорожного движения в нашей стране респонденты оценивают на 40%. Считают, что алкогольное опьянение водителей является причиной 60-65% ДТП. Возможность стать «жертвой» в дорожной ситуации из-за пьяного водителя, предполагают 40% опрошенных. 35% респондентов признались в том, что «садились за руль» в нетрезвом состоянии. Самыми эффективными методами противодействия такому явлению считают правовое «наказание»: более частое проведение специальных рейдов ГИБДД и внушительные штрафные санкции, лишение водительского удостоверения (их указали 70%), при более тяжелых последствиях уголовное наказание. Таким образом, вождение в состоянии опьянения является достаточно распространенным и опасным явлением, но из мер противодействия этому явлению называют только «наказание».

В то время как ряд авторов: В.И. Майоров, Е.Ю. Липатов, С.В. Ганзин, неоднократно указывали на возможность противодействия данной проблемы только путем ее комплексного решения, в частности усиления профилактических мер. В своих работах авторы пишут следующее: «Предотвращение чрезмерного употребления алкоголя начинается с наличия знаний об особенностях его воздействия на организм и, в частности, на способность управлять транспортным средством. Достаточная распространенность этих знаний не только удерживает самих водителей от поездки в нетрезвом виде, но и привлекает общественное мнение на борьбу с этим видом правонарушений, а также способствует повышению профессионализма лиц, осуществляющих профилактические мероприятия» [3; 2, с. 89]. В связи с этим имеет смысл подробнее рассмотреть некоторые наиболее важные изменения (стадия, степень), происходящие под воздействием алкоголя и влияющие на безопасность вождения транспортным средством.

Влияние алкоголя на психику и организм водителя. В период алкогольного опьянения у водителя происходят изменения на всех уровнях психики и во всех системах

организма. Суммарная оценка психофизического состояния опьяневшего определяется двумя основными эффектами алкоголя: психотропным и токсическим. В опьянении закономерно переплетаются полярные группы симптомов: эйфория и активность сменяются заторможенностью и нарастающим оглушением. Психомоторное возбуждение, в свою очередь, переходит в замедленные, плохо координированные движения и полную адинамию.

Дополнительным критерием оценки степени тяжести опьянения может быть уровень концентрации алкоголя в крови. Но следует сразу же отметить, что тяжесть клинических проявлений опьянения и величина концентрации алкоголя в крови не всегда коррелируют. Тяжесть проявлений алкогольного опьянения зависит от концентрации и количества принятого алкоголя, функционального состояния пьющего, характера пищи, условий, в которых происходит прием спиртного. Сам процесс опьянения проходит две стадии, которые по-разному влияют на психофизическое состояние человека.

Первая стадия опьянения. В начальной стадии алкогольного опьянения вероятность ошибки водителя возрастает именно за счет склонности к переоценке своих возможностей и возможностей автомобиля, при этом человек обычно чувствует прилив сил, движения его становятся более быстрыми, пропадает усталость, самочувствие хорошее, настроение приподнятое, кажется, что способен на все. Но жертвой алкоголя на данном этапе становится не двигательная активность человека, а его способность к оценке и принятию решения. Эти самые важные для водителя функции поражаются первыми.

На **второй стадии опьянения** значительно увеличивается процент ошибок, связанных с недооценкой опасности ситуации, что повышает риск ДТП. Объясняется это тем, что алкоголь начинает отрицательно воздействовать на качества водителя, которые необходимы для правильного и своевременного восприятия опасности: резко ухудшаются острота зрения, объем внимания, способность видеть в темноте и т. д. Например, время, необходимое водителю для восстановления видимости обстановки после его ослепления светом фар встречного автомобиля, увеличивается в 2-4 раза и становится равным 14-30 секундам. Представление водителя о скорости движения, расстоянии до препятствий, время реакции и понимание того, что происходит вокруг, во многом определяются скоростью, с которой он восприни-

мает и перерабатывает информацию. Даже незначительная доза алкоголя вызывает снижение скорости восприятия и мышления почти в 2 раза, а это значит, что половина информации будет упущена. Так, например, нетрезвому водителю кажется, что до пешехода осталось 30 метров, хотя фактическое расстояние не превышает 15-18 метров. Водителю кажется, что он мгновенно нажал на педаль тормоза, а на самом деле тормозит с опозданием. Если сравнить качество вождения нетрезвого и трезвого водителей, то можно зафиксировать следующие наиболее распространенные ошибки: резкие повороты рулевого колеса, грубое переключение передач, частые и неожиданные изменения скорости движения и др.

Степени алкогольного опьянения. Простое алкогольное опьянение разделяется по критерию тяжести на три степени: легкое, среднее, тяжелое.

Легкая степень алкогольного опьянения характеризуется преобладанием психотропного действия алкоголя над токсическим. Обычно легкой степени опьянения соответствует концентрация алкоголя в крови в пределах 0,5-1,5%. Признаки алкогольного отравления центральной нервной системы малозаметны: отмечается снижение точности мелких движений; повышается процент ошибок при выполнении любых видов деятельности, требующей внимания и сосредоточенности; удлиняется время восприятия; внимание легко отвлекаемо, поверхностно; снижается критическое отношение к себе и окружающей ситуации. Психотропные эффекты алкоголя в легкой степени опьянения сводятся к переживаниям состояния психологического комфорта. Зачастую его сопровождает эффект неспецифической стимуляции. Настроение чаще повышено, отмечается эйфория, поведение имеет экспрессивный характер, отмечается расторможенность влечений (пищевого, сексуального). У опьяневшего обычно наблюдаются изменения со стороны вегетативной нервной системы: покраснение кожных покровов, подъем артериального давления, учащение пульса, потливость. Продолжительность алкогольного опьянения легкой степени широко варьирует – от нескольких минут до часа и более, и зависит от врожденных индивидуальных качеств конституциональной толерантности организма. Вслед за этим, как правило, отмечаются некоторый спад настроения, вялость, небольшая двигательная заторможенность. В то же время концентрация алкоголя в органах и тканях, в частности в мозге, еще длительное

время остается высокой, что и способствует психотропным эффектам.

Средняя степень простого алкогольного опьянения представляет собой уже более сложную картину, основанную на сочетании компонентов токсического и психотропного эффектов алкоголя. Прежде всего, отмечается возрастание удельного веса симптомов отравления центральной нервной системы, психотропное действие алкоголя становится менее регулируемым. Средняя степень алкогольного опьянения чаще развивается при содержании 1,5-2,5% алкоголя в крови. Отмечаются нарушения координации движений: мелкие, точные движения невозможны и становятся порывистыми и размашистыми. Психические переживания утрачивают цельность. Ориентировка в ситуации также частично нарушена. Восприятие внешних событий затруднено, ассоциативные процессы расстроены. Повышается самооценка, резко снижается критическое отношение к своему состоянию и поведению. Само поведение становится все более импульсивным, порой неадекватным. Типичны колебания настроения, на смену эйфории легко приходят недовольство, раздражительность, обидчивость. Появляются депрессивно окрашенные переживания, на смену которым вновь может прийти эйфория. Опьянение нередко заканчивается сном. Ряд событий опьянения (обычно финальные эпизоды) вообще могут забываться (амнезироваться). При пробуждении отмечается выраженное интоксикационное состояние со сниженной работоспособностью.

Тяжелая степень простого алкогольного опьянения характеризуется преобладанием токсических эффектов алкоголя и явлений угнетения деятельности центральной нервной системы, концентрация алкоголя в крови – 2,5% и выше (свыше 5% может привести к смерти). Тяжелая степень алкогольного опьянения соответствует сопорозному состоянию, а при углублении интоксикации – коматозному. Ориентировка полностью утрачивается, отмечаются массивные нарушения со стороны всех систем организма (центральной нервной системы, сердечно-сосудистой, дыхательной и т. д.). При выходе из опьянения на протяжении нескольких суток отмечаются интоксикационные нарушения, снижение работоспособности, амнезия периода опьянения.

Допустимые промилле «за рулем» в зарубежных странах. Все знают, что безопасное вождение возможно только в трезвом виде, однако в силу сложившихся культурных различий и традиций в разных странах

наблюдается вариативность «допустимых границ» промилле за рулем. Для ее определения достаточно рассмотреть, как влияет определенная концентрация алкоголя на человека за рулем, и как изменится его поведение, если предварительно употребить алкоголь.

0,2-0,5‰ (промилле). В этом случае источники движущегося света уже воспринимаются с ошибками. Способность к оценке ситуации замедляется, но желание ускориться увеличивается. Водитель склонен к превышению скорости и утрачивает осторожность и аккуратность. Такой автомобиль для окружающих представляет опасность, так как движется рискованно, не соблюдается безопасный интервал и дистанция.

0,5-0,8‰ – расстояние до объектов водитель не ощущает, нарушенное равновесие приводит к ошибкам в движении и управлении. Сбой в оценке ситуации выражен отчетливо. Освещенность, дистанция, сигналы светофоров и других транспортных средств не оцениваются адекватно.

0,8-1,2‰ – данный уровень в крови сказывается расслабляющим действием. Уменьшается угол зрения, водитель характеризуется слабой реакцией на сигналы и окружающие изменения в действительности – действия слабые и неверные. Пропадает способность к концентрации внимания, водитель в таком состоянии очень опасен.

1,2-2,4‰ – такое опьянение не только не позволяет управлять автомобилем, но и пребывать в ясном сознании. Нарушается зрение, реакция замедлена до предела, ориентация в пространстве искаженная.

2,4-3,2‰ и более – ступор, сильная апатия. Возможен летальный исход из-за паралича дыхательных путей.

В мировой практике, при общем отрицательном подходе к вождению в состоянии алкогольного опьянения существуют различия, в том числе на уровне законодательных актов, однако «порог терпимости» в разных странах значительно варьируется:

0 промилле – в Чехии, Словакии, Венгрии и Румынии;

0,1 промилле – в Албании;

0,2 промилле – в Норвегии, Швеции, Польше, Эстонии, Украине;

0,3 промилле – в России, Молдавии, Боснии и Герцеговине;

0,4 промилле – в Литве;

0,5 промилле – в Австрии, Белоруссии, Бельгии, Болгарии, Хорватии, Дании, Финляндии, Франции, Германии, Испании, Италии, Исландии, Латвии, Греции, Македонии,

Нидерландах, Португалии, Сербии, Словении, Швейцарии, Турции;

0,8 промилле – в Ирландии, Великобритании, Люксембурге, Мальте.

Исследования, проведенные специалистами в области безопасности дорожного движения, показывают, что при концентрации содержания алкоголя в крови, даже если это один промилле (один промилле – это один грамм чистого алкоголя в одном литре крови), что приблизительно соответствует употреблению водителем 150 граммов водки, вероятность совершения ДТП в 10 раз больше, чем в случаях полного отсутствия алкоголя. При этом вероятность погибнуть в ДТП увеличивается более чем в 2,5 раза, а получить травму – более чем в 2 раза. При уровне алкоголя в крови, равном 1,5 промилле, вероятность совершить ДТП увеличивается в 55 раз, а погибнуть – в 16 раз.

В России количество ДТП, совершенных нетрезвыми водителями, достаточно велико. На основе анализа ДТП, совершенными водителями в состоянии алкогольного опьянения, проведенного ГУ ОБДД МВД России, самыми «опасными» днями считаются суббота и воскресенье, а также понедельник, менее опасным (на 50%) – среда. Статистика также показывает, что наиболее дисциплинированными являются «профессиональные» водители автобусов и грузовых автомобилей (0,4-3%, от общего числа ДТП, совершенных водителями в состоянии алкогольного опьянения), водители легковых автомобилей – основной источник опасности (79%). Анализ ГИБДД показывает, что более 30 тыс. водителей, «пойманных» за вождение в состоянии опьянения, ранее уже привлекались к ответственности за идентичное правонарушение, а некоторые из них – многократно.

Правовая ответственность участников дорожного движения. Законодательство в данной области постоянно совершенствуется, создаются новые нормативные акты, вносятся изменения в существующие. Наиболее «строгим» стал закон о пьянстве за рулем – Федеральный закон № 528 от 31 декабря 2014 г. «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу усиления ответственности за совершение правонарушений в сфере безопасности движения»¹ начал действовать с 1 июля 2015 года.

¹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу усиления ответственности за совершение правонарушений в сфере безопасности дорожного движения: Федеральный закон от 31 декабря 2014 г. № 528-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2015. № 1 (часть I). – Ст. 81.

В соответствии с законом езда повторно в пьяном виде считается уголовным преступлением. Для водителей в состоянии алкогольного опьянения при повторном нарушении установлен штраф в размере от 200 000 рублей до 300 000 рублей или лишение свободы на срок до 2-х лет. В случае ДТП со смертельным исходом по вине пьяного водителя установлен нижний предел срока лишения свободы от 2-х лет. При отказе прохождения медицинского освидетельствования предусмотрен штраф 30 000 рублей и лишение прав от 18 до 24 месяцев. В случае передачи права управления лицу в состоянии алкогольного опьянения – штраф в размере 30 000 рублей и лишения права управления на срок от 18 до 24 месяцев.

Выводы:

Во-первых, как подтверждает авторское исследование, вождение в состоянии алкогольного (или другого) опьянения является

достаточно распространенным явлением и служит причиной ДТП с тяжелыми последствиями для участников дорожного движения.

Во-вторых, как подтверждает авторитетное мнение А.В. Майорова: «Профилактическое воздействие на виктимность участников дорожного движения со стороны отечественных правоохранительных органов, незначительно, и Россия уступает зарубежным странам в организации этой деятельности и ее эффективности» [4, с. 87].

В-третьих, на основе позитивного опыта «противодействия вождению в состоянии опьянения» в зарубежных странах, важно усилить профилактическую составляющую и превентивные меры (просветительские, социально-психологические, технические, медицинские и др.), в комплексном решении данной проблемы, что действительно приведет к эффективному результату.

Примечания

1. Клеббельсберг Д. Транспортная психология / пер. с нем. А. Б. Тарасова ; под ред. В. Б. Мазуркевича. – М. : Транспорт, 1989. – 367 с.
2. Майоров В. И., Липатов Е. Ю., Ганзин С. В. Профилактика управления транспортными средствами в состоянии опьянения: обзор мирового опыта // Проблемы права. – 2016. – № 1. – С. 87-97.
3. Майоров В. И., Липатов Е. Ю., Ганзин С. В. Зарубежный опыт применения мер противодействия управлению автотранспортными средствами в состоянии алкогольного опьянения. – <http://www.mtc-aj.com/academic-journal>
4. Майоров А. В. Виктимологическое обеспечение безопасности в области дорожного движения // Право и безопасность. – 2009. – № 2. – С. 86-88.
5. Полякова С. В. Стратегические приоритеты обеспечения безопасности участников дорожного движения // Правопорядок: история, теория, право. – 2015. – № 3. – С. 85-89.
6. Полякова С. В. К вопросу о безопасности участников дорожного движения // Конституция и жизнь современного общества: сб. науч. ст. / под общ. ред. В. И. Майорова. – Челябинск : Цицеро, 2015. – С. 158-163.

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИНСТИТУТА ДИСЦИПЛИНАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

Сергей Михайлович Кондратьев

кандидат юридических наук,
г. Москва, Российская Федерация
E-mail: sergey.diss@yandex.ru

В рассматриваемой статье дается понимание дисциплинарной ответственности военнослужащих. При обобщении дисциплинарной практики воинских частей и военных судов выявлен ряд теоретических и прикладных проблем института дисциплинарной ответственности военнослужащих. При анализе и теоретическом осмыслении существующих проблем дисциплинарной ответственности военнослужащих представлены возможные варианты их решения.

Ключевые слова: дисциплинарная ответственность военнослужащего, дисциплинарная практика, дисциплинарное разбирательство, теоретические и прикладные проблемы дисциплинарной ответственности военнослужащих.

MODERN ISSUES OF THE INSTITUTE OF DISCIPLINARY RESPONSIBILITY OF MILITARY PERSONNEL

Sergey Kondratyev

Candidate of Law,
Moscow, Russian Federation
E-mail: sergey.diss@yandex.ru

The article presents the notion of disciplinary responsibility of military personnel. While generalizing the disciplinary practice of the military units and military courts a number of theoretical and applied disciplinary military institute of responsibility issues was identified. During the analysis and theoretical understanding of the problems of disciplinary responsibility of military personnel its possible solutions are presented.

Keywords: disciplinary responsibility of military personnel, disciplinary practice, disciplinary proceedings, theoretical and applied problems of disciplinary responsibility of military personnel.

Понятие дисциплинарной ответственности военнослужащих отсутствует в законодательстве, хотя ее определение и нормативное закрепление имеет как научно-теоретическое, так и практическое значение. Ю.Н. Туганов под дисциплинарной ответственностью военнослужащих предложил понимать «возложение на них установленной в законодательстве обязанности, как членов организационно оформленных воинских коллективов, соблюдать требования воинской дисциплины, общественного порядка и норм международного гуманитарного права, а в случае нарушения этих требований (совершение воинского дисциплинарного проступка) –

претерпеть неблагоприятные последствия своего противоправного поведения в виде мер дисциплинарной ответственности (дисциплинарных взысканий), налагаемых в порядке служебного подчинения компетентными лицами органов военного управления» [3, с. 44]. В этом определении налицо смешение понятия воинской дисциплины и существенных признаков дисциплинарной ответственности. Кроме того, в нем не учтено то обстоятельство, что меры дисциплинарной ответственности применяются в ряде случаев взамен административной ответственности, а иногда и одновременно, хотя объект противоправного посягательства

выступает иным¹. Дисциплинарный арест как один из видов дисциплинарных взысканий налагается судьями гарнизонных военных судов, а не в порядке служебного подчинения. Особые сомнения вызваны необходимостью соблюдения военнослужащими норм международного гуманитарного права, о содержании которых военнослужащие могут и не знать (здесь Ю.Н. Тугановым за основу взяты положения ст. 3 Дисциплинарного устава Вооруженных Сил Российской Федерации). С учетом собственной концепции воинской дисциплины полагаем, что военнослужащие не должны привлекаться к дисциплинарной ответственности за проступки, не входящие в круг обязанностей военнослужащего, т. е. находящиеся за пределами военно-служебных отношений. Здесь согласимся с А.В. Сергеевым, что «правонарушения иных видов (в т. ч. административные) не могут служить основанием для применения мер дисциплинарной ответственности» [2, с. 7], кроме случаев специальной законодательной правовой регламентации.

Дисциплинарная ответственность всех военнослужащих в РФ наступает именно перед государством в лице компетентного должностного лица или судьи, и здесь нельзя говорить об ином субъекте, как, например, – при наступлении ответственности работника перед работодателем, самостоятельно применяющим меры дисциплинарного воздействия не от лица государства за нарушение трудовой дисциплины в законодательно установленном порядке

Таким образом, под дисциплинарной ответственностью военнослужащих предложено понимать итоговую правовую оценку от имени государства в лице полномочных должностных лиц и суда противоправных виновных нарушений воинской дисциплины и последующее применение к виновным в установленном законом порядке мер дисциплинарного принуждения в целях претерпевания ими определенных негативных последствий за содеянное, общей и частной превенции дисциплинарных правонарушений. Обобщая дисциплинарную практику воинских частей и военных судов необходимо отметить ряд теоретических и прикладных проблем института дисциплинарной ответ-

ственности военнослужащих. Федеральный закон «О статусе военнослужащих» и Дисциплинарный устав ВС РФ не регламентируют такие вопросы, как: понятие дисциплинарной ответственности военнослужащих; не определено, кто и каким образом должен выявлять дисциплинарные проступки военнослужащих; отсутствует надлежащим образом регламентированная процедура проведения дисциплинарного разбирательства; не установлен срок доведения до военнослужащего решения о наложении дисциплинарного наказания. В связи с этим представляется необходимым уточнить соответствующие положения военно-дисциплинарного законодательства, восполнить существующие пробелы и принять нормативный акт, регулирующий порядок проведения разбирательства по делу о дисциплинарном проступке военнослужащего, либо внести соответствующие изменения в Дисциплинарный устав ВС РФ.

Самым проблемным и неурегулированным, на наш взгляд, вопросом дисциплинарной ответственности, представляется соответствие примененного дисциплинарного взыскания содеянному. В системе государственной и военной службы России отсутствует нормативно закреплённая классификация дисциплинарных проступков служащих государства, и соответствующие им меры воздействия. Создать исчерпывающий перечень дисциплинарных проступков, пусть даже только для сферы государственной и муниципальной службы, не получится никогда. Такое положение обусловлено чрезмерно широким кругом правонарушений, которые могут быть допущены в служебной деятельности, чтобы их можно было зафиксировать в правовых актах.

Дискреционные полномочия соответствующих должностных лиц по наложению (неприменению) дисциплинарных взысканий, базирующиеся в том числе на принципе целесообразности, определены лишь рамочно. Логическим подтверждением этой концепции является следующее мнение Н.М. Коркунова: «Всякое нарушение служебного долга, в каких бы оно ни выражалось формах, предусмотренных или непредусмотренных законом, может влечь за собой дисциплинарное взыскание» [1, с. 725]. Как это ни парадоксально, но за одно и то же деяние один военнослужащий может вообще не привлекаться к ответственности, а другой будет подвергнут самому строгому дисциплинарному взысканию. Иначе говоря, законодатель, по общему правилу, не обуславливает примене-

¹ Здесь идет речь о так называемом дисциплинарно-административном правонарушении, как одном общем правонарушении, представляющем собой идеальную совокупность дисциплинарного и административного проступка, за которое могут применяться одновременно и дисциплинарные, и административные взыскания без какого-либо поглощения одного вида ответственности другим.

ние определенных санкций совершением конкретных дисциплинарных нарушений и не устанавливает очередности наложения взысканий. Такой же порядок вещей существует и с применением мер поощрения.

Теоретическое осмысление существующих проблем дисциплинарной ответственности военнослужащих обусловило следующие возможные варианты их решения:

1. Обязательная письменная форма разбирательства, процедура которого должна быть нормативно регламентирована, при грубом нарушении военнослужащим служебной дисциплины;

2. В случае выявления признаков деяния, за которое возможно наступление уголовной ответственности, привлечения за это деяние к дисциплинарной ответственности следовать не должно, и дисциплинарное производство подлежит прекращению;

3. Квалифицировать как грубое нарушение служебной дисциплины лишь те административные правонарушения, где санкциями определены лишение специального права, административный арест, обязательные работы;

4. Наложение наиболее строгих дисциплинарных взысканий, существенно затрагивающих права военнослужащих, возможно только решением суда и только при совершении грубого или систематических нарушений служебной дисциплины²;

5. Невозможность применения одновременно административных и дисциплинарных наказаний к военнослужащим при совершении ими деяния, одновременно носящего признаки административного правонарушения и грубого дисциплинарного проступка, при одном объекте противоправного посягательства.

Примечания

1. Коркунов Н. М. Русское государственное право / под ред. М. Б. Горенберга. – 6-е изд. – СПб. : Тип. М.М. Стасюлевича, 1909. – Т. 2. – 739 с.

2. Сергеев А.В. Актуальные вопросы ответственности государственных гражданских служащих по административному праву: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2005. – 25 с.

3. Туганов Ю.Н. Институт дисциплинарной ответственности и его развитие в военном праве России // Российский судья. – 2005. – № 9. – С. 42-45.

4. Буравлев Ю. М. Виды юридической ответственности в системе государственной службы: монография. – М. : Юрист, 2008. – С. 44.

5. Куракин А. В. Административно-правовые аспекты юридической ответственности в механизме противодействия коррупции в системе государственной службы РФ // Административное и муниципальное право. – 2008. – № 5. – С. 37.

² Мысль о необходимости передачи определенной части полномочий по наложению дисциплинарных взысканий на государственных служащих специализированным органам высказывается и другими авторами [См., например: 4; 5].

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОО ПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

УДК 347.962

№ 4 (11) / 2016, с. 30-33

АДВОКАТСКАЯ ТАЙНА: ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ

Татьяна Павловна Ишмаева

Челябинский государственный университет, г. Челябинск, Российская Федерация

E-mail: t.p.ish@mail.ru

Жанна Анатольевна Бобылева

Челябинский государственный университет, г. Челябинск, Российская Федерация

E-mail: zhan.boom@yandex.ru

В статье рассматривается проблема обеспечения адвокатской тайны в современных реалиях. Законодательство недостаточно детально регулирует институт адвокатской тайны, являющийся гарантом соблюдения прав и интересов граждан, обратившихся к адвокату. Помимо проблем правоприменения, существуют проблемы, касающиеся морально-этических аспектов деятельности адвокатов, в частности когда речь идет о соблюдении норм права и моральных норм.

Ключевые слова: адвокатская тайна, правовой статус адвоката, правовой режим адвокатской тайны, защита прав и законных интересов человека и гражданина, право на защиту.

ISSUES OF PROVIDING AN ATTORNEY-CLIENT PRIVILEGE

Tatyana Ishmayeva

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russian Federation

E-mail: t.p.ish@mail.ru

Zhanna Bobyleva

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russian Federation

E-mail: zhan.boom@yandex.ru

In article the problem of providing an attorney-client privilege in modern realities is considered. The legislation insufficiently in details regulates the institute of an attorney-client privilege which is the guarantor of respect for the rights and interests of the citizens who addressed the attorney. Besides law enforcement problems, there are problems concerning moral and ethical aspects of activity of attorneys, in particular so far as concerns observance of rules of law and moral standards.

Keywords: attorney-client privilege, legal status of attorney, legal regime of attorney-client privilege, protection of the rights and legitimate interests of the person and citizen, right of defence.

Развитый институт адвокатуры в государстве – это показатель его современности, реального признания прав и свобод человека и гражданина. Правовое государство должно обеспечивать защиту своих граждан, ибо именно таким способом формируется и функционирует гражданское общество. Конституция Российской Федерации дает каждому право на квалифицированную юридическую помощь (ст. 48).

Сущность такого института, как адвокатура заключается в защите прав и законных интересов отдельной личности от государства. Возможно, такое резкое определение сущности данного института нуждается в толковании и пояснении. Во-первых, как правило, именно отдельная личность является объектом защиты адвоката, эта защита может проявляться в разных видах и формах: от юридической консультации до назначения

адвоката в качестве защитника в уголовном процессе. Во-вторых, предметом являются права и законные интересы личности, так в ч. 1 ст. 1 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» говорится, что цель адвокатской деятельности – это защита прав, свобод законных интересов лиц, а также обеспечение доступа к правосудию¹. Можно сказать, что такая трактовка говорит о презумпции нарушения прав и свобод лица, обратившегося за помощью лица. В-третьих, защита личности, а именно ее (личности) прав и свобод, от государства.

Итак, если рассматривать в целом, то независимо от фактического нарушителя права лица именно государство предоставляет возможность защитить свои интересы законными способами, будь то гражданский процесс, уголовный процесс или административное судопроизводство. В любом случае государством предусмотрена возможность защиты, легальной защиты. Исходя из этого, можно сказать, что институт адвокатуры как бы противопоставлен государству в той части, что именно с помощью данного института лицо самостоятельно решает вопросы своей защиты. Адвокатура, не являясь государственным органом и вообще не имеющая отношения к власти и управлению государством, выступает своего рода саморегулируемой организацией, цель которой – помочь в осуществлении своих прав гражданам.

Сущность института адвокатуры обуславливает логичный вывод о важности и значимости данного института в гражданском обществе. Можно сказать, что активное формирование института адвокатуры началось именно в современной России, т. к. прежняя защита прав и интересов оставляла желать лучшего. Адвокатура как неотъемлемый институт правового демократического государства основан на деятельности компетентных лиц, имеющих статус и право заниматься данной деятельностью – адвокатов. Адвокаты занимаются, как логично предположить, адвокатской деятельностью, которая регламентирована законодательством Российской Федерации (далее – РФ), начиная с Конституции РФ и заканчивая актами адвокатских палат. Данный вид деятельности строится на общепризнанных принципах, закрепленных как в нормах права, так и в теориях и догмах («Теория адвокатуры»).

Одним из неоднозначных аспектов адвокатской деятельности выступает конфиден-

¹ Об адвокатской деятельности и адвокатуре : федер. закон // Российская газета. – 2002. – 05 июня.

циальность, выражающаяся в сохранении так называемой адвокатской тайны.

Понятие адвокатской тайны, закреплено в ч. 1 ст. 8 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», который гласит: «адвокатской тайной являются любые сведения, связанные с оказанием адвокатом юридической помощи своему доверителю»². Помимо законодательно установленного понятия, содержание адвокатской тайны определяет также «Кодекс профессиональной этики адвоката»: факт обращения к адвокату, включая имена и названия доверителей; все доказательства и документы, собранные адвокатом в ходе подготовки к делу; сведения, полученные адвокатом от доверителей; информация о доверителе, ставшая известной адвокату в процессе оказания юридической помощи; содержание правовых советов, данных непосредственно доверителю или ему предназначенных; все адвокатское производство по делу; условия соглашения об оказании юридической помощи, включая денежные расчеты между адвокатом и доверителем; любые другие сведения, связанные с оказанием адвокатом юридической помощи»³.

Разумеется, в целях реализации такой обязанности адвоката, законодатель устанавливает гарантии, предоставляемые адвокату, в частности: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) в п. 3 ч. 3 ст. 56 гласит, что не подлежат допросу в качестве свидетеля ... адвокат – об обстоятельствах, которые стали ему известны в связи с оказанием юридической помощи»⁴. «Кодекс профессиональной этики адвоката» в ч. 3 ст. 6 также содержит в себе следующее требование: «адвокат не может быть освобожден от обязанности хранить профессиональную тайну никем, кроме доверителя. Согласие доверителя на прекращение действия адвокатской тайны должно быть выражено в письменной форме в присутствии адвоката в условиях, исключающих воздействие на доверителя со стороны адвоката и третьих лиц»⁵. Аналогичные положения содержатся и в других законодательных актах РФ. Специфичность данного института состоит в том, что ответственность в сохранении адвокатской тайны возникает у адвоката только перед доверителем (клиентом), при этом не имеет значения чем связаны сто-

² Об адвокатской деятельности и адвокатуре...

³ Кодекс профессиональной этики адвоката // Первый Всероссийский съезд адвокатов 31.01.2003.

⁴ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 18 декабря 2001 г. №174-ФЗ // Российская газета. – 2001. – 22 декабря.

⁵ Кодекс профессиональной этики адвоката ...

роны: договором, соглашением или законом (например, в случаях назначения защитника). Также в случае если адвокат оказывает услуги на основании партнерского договора, то при оказании юридической помощи он должен руководствоваться правилом о распространении тайны на всех партнеров.

Вопрос соблюдения и охраны адвокатской тайны является весьма дискуссионным и вызывает неоднозначное толкование. Именно неоднозначное толкование и вызвало к жизни жалобу А.В. Баляна, М.С. Дзюбы, С.В. Николаева, В.В. Парначева, Д.В. Петрова, В.В. Прохорова, М.В. Рожкова и Л.В. Юрченко в Конституционный суд в 2015 году. Суть жалобы состоит в том, что заявители утверждают: суд неправомерно удовлетворил ходатайство следователя о производстве в нежилых помещениях, занимаемых некоммерческой организацией «Новосибирская городская коллегия адвокатов», адвокатами других адвокатских образований, а также ООО «Аудиторская служба «Нобл Компани», обыска с целью отыскания и изъятия документов, подтверждающих оплату юридической помощи по уголовному делу, адвокатских производств и иных предметов и документов (в том числе хранящихся на электронных носителях), имеющих значение для уголовного дела. Таким образом производство данного следственного действия создает возможность несоразмерного ограничения прав и свобод человека и гражданина, препятствует профессиональной деятельности адвоката и тем самым противоречит статьям 2, 15 (часть 4), 17, 18, 23 (часть 1), 24 (часть 1), 45, 46 (часть 1), 48 (часть 1) и 55 Конституции Российской Федерации. В результате рассмотрения жалобы Конституционный суд вынес Постановление от 17 декабря 2015 г. № 33-П, в котором прямо указал, что обеспечение конфиденциальности сведений, сообщаемых адвокату его доверителем – это необходимая составляющая права пользоваться помощью адвоката (защитника). Кроме того, обеспечение конфиденциальности сведений, сообщаемых адвокату его доверителем, является не привилегией адвоката, а гарантией законных интересов его доверителя, подлежащих защите в силу Конституции Российской Федерации, предусматривающей право каждого на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну (статья 23, часть 1), запрещающей сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия (статья 24, часть 1), закрепляющей право обвиняемого считаться невиновным, пока его виновность

не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда (статья 49, часть 1), а также право не свидетельствовать против самого себя (статья 51, часть 1), которое означает не только отсутствие у лица обязанности давать против себя показания в качестве свидетеля, подозреваемого, обвиняемого или предоставлять такие сведения в какой бы то ни было иной форме, но и запрет на принудительное изъятие и использование таких сведений, если они были ранее доверены лицом адвокату под условием сохранения их конфиденциальности в целях обеспечения защиты своих прав и законных интересов. Также Конституционный суд отметил, что обязанность хранить адвокатскую тайну в равной степени лежит и на адвокатских образованиях, включая коллегии адвокатов, и в связи с этим существует ряд условий для проведения обыска в помещении, занимаемом адвокатами⁶.

Казалось бы, действующее законодательство достаточно детально регулирует институт адвокатской тайны, являющийся гарантом соблюдения прав и интересов граждан, обратившихся к адвокату. Однако вопросы все-таки остались, и они являются той проблемой, о которую могут «споткнуться» и правоприменители и граждане, а именно – определение правового статуса и правового режима адвокатской тайны. И решение указанной проблемы кроется в совершенствовании ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре». В частности, категория «адвокатская тайна» должна иметь правовой статус и правовой режим, следовательно, должны быть достаточно подробно определены сведения и данные, входящие в предмет адвокатской тайны. Контроль за соблюдением режима адвокатской тайны должен ложиться не только на адвокатские образования, но и на правоохранительные органы непосредственно. Несмотря на определенное противопоставление государства и адвокатуры, государственный контроль обеспечивает защиту своих граждан, прибегнувших к помощи адвоката. В свою очередь, на адвокатское сообщество возлагается обязанность следить за соблюдением морально-этического облика адвоката как защитника прав и законных интересов граждан-доверителей.

Однако это лишь «одна сторона медали». Есть и еще одно направление – морально-этические проблемы сохранения адвокат-

⁶ Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 17 декабря 2015 г. № 33-П // Российская газета. – 2015. – 30 декабря.

ской тайны. Ценность и важность сохранения адвокатской тайны определяется в первую очередь нравственно-этическими категориями. Соблюдение профессиональной тайны является безусловным приоритетом деятельности адвоката, так как адвокат – это лицо, защищающее своего доверителя от посягательств со стороны третьих лиц, в том числе государства, обеспечивающее такое состояние защищенности у доверителя, при котором он смело может реализовать свои законные права и исполнить обязанности.

При исполнении долга по обеспечению защиты адвокат может попасть в ситуацию, которую невозможно решить посредством применения закона – это случаи, когда перед адвокатом стоит вопрос нарушить адвокатскую тайну или сохранить. Помимо существующих гарантий, имеющих в отечественном законодательстве: ст. 6 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре», ст. 53 УПК РФ, ст. 161 УПК РФ, ст. 310 УК РФ и др. адвокат не защищен в случаях, когда он владеет информацией, касающейся совершения преступления, от своего доверителя. Допустим, доверитель обвиняется в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления, и он доносит эту информацию до адвоката. В свою очередь доверитель не признается в совершении данного преступления, надеясь, что адвокат выстроит необходимую линию защиты, и он избежит наказания. Помимо этого, он (доверитель) сообщает адвокату, что совершенные преступления являются групповыми и соучастники продолжают заниматься пре-

ступной деятельностью. В приведенной ситуации у адвоката безусловно возникает конфликт между моралью и законом.

В соответствии с законом, адвокат не имеет права раскрыть адвокатскую тайну исходя из ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре», «Кодекса профессиональной этики адвоката», он понимает, что своими действиями он может пресечь преступления, но и сам понесет ответственность. Думается, что в указанной ситуации может быть следующее решение – обеспечить возможность адвокату раскрывать адвокатскую тайну, если речь идет об интересах общества, которые могут быть существенно нарушены преступными посягательствами. Здесь речь идет, в первую очередь, о преступлениях тяжких и особо тяжких, помимо этого необходимо законодательно закрепить перечень условий, при которых принцип адвокатской тайны может быть нарушен. Однако, безусловно, указанное развитие ситуации возможно допустить лишь в исключительных случаях, четко указанных в законе.

Институт адвокатуры – это неотъемлемая часть гражданского общества, которая имеет свои особенности и закономерности развития. Упрочивается правовая связь между гражданами и адвокатами, повышается правовая грамотность населения, правовой нигилизм изживает себя. Доверие к правоохранительным органам в целом возрастает, гражданин, встретившийся с государством один на один, знает, что его право на защиту будет обеспечено должным образом.

КОНСТИТУЦИОННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

УДК 342.572

№ 4 (11) / 2016, с. 34-39

ОБЩЕСТВЕННОЕ ОБСУЖДЕНИЕ КАК СПОСОБ РЕАЛИЗАЦИИ НАРОДНОГО СУВЕРЕНИТЕТА (ЧАСТЬ 1)

Татьяна Павловна Корецкая

Челябинский государственный университет, Челябинск, Российская Федерация

E-mail: tat-0579@yandex.ru

Рассматриваются порядок и особенности применения процедуры общественного обсуждения с использованием интернет-технологий и без их применения как способов осуществления гражданами Российской Федерации народного суверенитета путем непосредственного волеизъявления. Определяются проблемы, связанные с организацией проведения общественного обсуждения, и предлагаются меры, направленные на преодоление этих недостатков.

Ключевые слова: народный суверенитет, субъекты Российской Федерации, общественный контроль, общественное обсуждение, интернет-технологии.

PUBLIC DISCUSSION AS A WAY OF IMPLEMENTING PEOPLE'S SOVEREIGNTY (PART 1)

Tatiana Koretskaya

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russian Federation

E-mail: tat-0579@yandex.ru

Considers the procedure and peculiarities of application of the procedure of public discussion with the use of Internet technologies and without their use as methods of implementation by citizens of the Russian Federation of sovereignty of the people by direct vote. Identifies not only the problems of their application, but also offers clear steps to overcome these shortcomings.

Keywords: people's sovereignty, the subjects of the Russian Federation, public control, public discussion, Internet technologies.

Российское общество все чаще ищет ответы на один из самых острых вопросов политической жизни страны, а именно о том, как реализовать народный суверенитет. Это вопрос о том, каким образом гражданин Российской Федерации может повлиять на работу органов государственной власти и органов местного самоуправления или как он может принять участие в подготовке ими решений вопросов, которые прямо или косвенно затрагивают его собственные интересы и/или интересы его социальной либо профессиональной группы.

Народный суверенитет как основополагающий принцип конституционализма, исходя из Конституции Российской Федерации¹, имеет две формы проявления. Первой формой является представительная демократия, когда народ осуществляет власть посредством выборных полномочных пред-

¹ Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. – 2014. – 4 августа. – № 31. – Ст. 4398.

ставителей, которые принимают решение, выражающее волю тех, кто их выбирал, то есть народа, населения, проживающего на какой-либо конкретной территории. Вторая же форма народного суверенитета представляет собой непосредственное волеизъявление народа по самым различным вопросам государственной или общественной жизни.

Высшей формой непосредственного выражения власти народа являются референдум и свободные выборы, которые тесно переплетаются с представительной демократией, а результат референдума имеет общеобязательное значение для органов государственной власти и органов местного самоуправления. Но помимо них есть достаточно широкий спектр самых разнообразных и имеющих большое значение видов непосредственной демократии. Согласно Федеральному закону от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» это: отзыв депутата, члена выборного органа местного самоуправления, выборного должностного лица местного самоуправления; сход граждан; правотворческая инициатива граждан; территориальное общественное самоуправление; публичные слушания; собрания граждан; конференция граждан (собрание делегатов); опрос граждан; обращения граждан в органы местного самоуправления; жалобы и предложения². Кроме того, непосредственная демократия проявляется в виде наказов депутатам, отчетов депутатов; митингов; шествий; пикетирований; демонстраций; маршей; петиций и так далее.

Наконец, непосредственная демократия может осуществляться в виде общественного контроля, который наиболее соответствует современному уровню развития общественных отношений и согласно ст. 18 Федерального закона от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации»³ (далее ФЗ № 212-ФЗ) реализуется посредством общественного мониторинга, общественной проверки, общественной экспертизы, общественного обсуждения и общественных (публичных) слушаний, в иных формах, не противоречащих настоящему Федеральному закону. Одним

² Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации : федер. закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ // Российская газета. – 2003. – 8 октября.

³ Об основах общественного контроля в Российской Федерации : федер. закон от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ // Российская газета. – 2014. – 23 июля.

из наиболее демократических вариантов осуществления общественного контроля является общественное обсуждение. Согласно ст. 24 данного федерального закона общественное обсуждение представляет собой используемое в целях общественного контроля публичное обсуждение общественно значимых вопросов, а также проектов решений органов государственной власти, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных организаций, иных органов и организаций, которые осуществляют различного рода публичные полномочия. При этом в общественном обсуждении обязаны принимать участие уполномоченные лица указанных органов и организаций, представители граждан и общественных объединений, интересы которых затрагиваются соответствующим решением.

К участию в общественном обсуждении привлекаются представители различных профессиональных и социальных групп. К ним также относятся лица, права и законные интересы которых затрагивает или может затронуть решение, выносимое на общественное обсуждение. Само общественное обсуждение проводится открыто и публично. Любой участник общественного обсуждения имеет право свободно высказывать собственное мнение, а также формулировать предложения по тем вопросам, которые вынесены на обсуждение. Их общественное обсуждение может быть проведено через средства массовой информации, в том числе информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет» (далее сеть «Интернет»).

Порядок проведения общественного обсуждения устанавливается организаторами строго в соответствии с ФЗ № 212-ФЗ, нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации, а также муниципальными нормативными правовыми актами. Заблаговременно организаторы общественного обсуждения в соответствии с данным федеральным законом обязаны обнародовать информацию о вопросе или вопросах, выносимых на общественное обсуждение, сроках, порядке его проведения и определения его результатов. Для того чтобы все желающие смогли принять участие в обсуждении, организатор должен обеспечить всем участникам общественного обсуждения свободный доступ к имеющимся в его распоряжении материалам, касающимся вопроса, выносимого на общественное обсуждение. После завершения общественного обсуждения организаторы составляют итоговый протокол, направляемый на рас-

смотрение в органы государственной власти или органы местного самоуправления, а затем обнародуют в соответствии с Федеральным законом № 212-ФЗ, в том числе размещается в сети «Интернет».

Впервые общественное обсуждение исключительно с применением интернет-технологий было проведено в 2010-2012 гг. задолго до принятия ФЗ № 212-ФЗ. Когда к 2009 г. назрела необходимость реформы милиции и системы образования в России, разгорелась настолько серьезная и острая дискуссия, что летом 2010 г. было принято решение об организации в августе и сентябре 2010 г. общественного обсуждения проекта федерального закона «О полиции» с использованием сети «Интернет». Для этого был специально создан интернет-ресурс «Общественное обсуждение законопроектов» <http://zakonoproekt2010.ru> (позднее данный ресурс был переименован на <http://zakonoproekt2012.ru>) (далее интернет-ресурс). Затем в декабре 2010 – январе 2011 гг. подобная процедура была повторно применена при проведении общественного обсуждения проекта федерального закона «Об образовании»⁴.

В процессе общественного обсуждения проекта федерального закона «О полиции» было оставлено более 1,5 млн комментариев, а активное и конструктивное участие в обсуждении законопроекта приняло не менее 16 тысяч человек, которые оставили около 40 тысяч комментариев и голосов за них. Авторы «Аналитического обзора (доклада) по комментариям, полученным в ходе общественного обсуждения проекта федерального закона «О полиции»⁵ выделили четыре основные группы активных участников обсуждения. К первой категории относились граждане, обеспокоенные соблюдением гражданских прав и законодательных норм. Во вторую группу можно было включить сотрудников правоохранительных органов и членов их семей, обсуждавших социально-

⁴ Об образовании в Российской Федерации: Доклад об итогах общественного обсуждения проекта федерального закона // Общественное обсуждение законопроектов. Официальный портал. – <http://www.zakonoproekt2011.ru/N%law/edu> (дата обращения: 05.01.2016); Общественные консультации по проекту федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» // Общественная экспертиза нормативных документов в области образования. Официальный портал. – <http://edu.crowdexpert.ru/N%ode/64> (дата обращения: 05.01.2016).

⁵ О полиции: Доклад об итогах общественного обсуждения проекта федерального закона // Общественное обсуждение законопроектов. Официальный портал. – <http://edu.zakonoproekt2010.ru/police/> (дата обращения: 05.01.2016).

экономические проблемы работников милиции (полиции). Третья группа состояла из экспертов различного уровня, внесших наиболее продуктивный вклад в дискуссию. Последнюю группу представляли опытные блоггеры. На основании полученных замечаний и предложений законопроект «О полиции» был доработан, внесен на рассмотрение Государственной Думы РФ 27 октября 2010 г., принят Государственной Думой РФ 28 января 2011 г., одобрен Советом Федерации РФ 2 февраля 2011 г., подписан Президентом РФ 7 февраля 2011 г. и вступил в силу с 1 марта 2011 г.⁶

В обсуждении проекта федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» участвовали почти 12 млн человек, но содержательных, обстоятельных и аргументированных комментариев оказалось 10912. В завершении этого общественного обсуждения Комиссия для рассмотрения замечаний и предложений, поступивших в ходе обсуждения проекта федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» (далее Комиссия) подвела итоги⁷ и пришла к выводу о необходимости в срок до 30 июня 2011 г. доработать законопроект с учетом полученных замечаний и предложений, а затем представить законопроект на обсуждение образовательному сообществу и направить его осенью 2011 г. на рассмотрение в заинтересованные федеральные органы исполнительной власти, субъекты Российской Федерации, профсоюзы и объединения работодателей. Кроме того, было необходимо инициировать широкую кампанию по информированию населения о принятых решениях.

При этом уже переработанные проекты федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» за 2011-2012 гг. еще дважды выставлялись на различных интернет-площадках для общественных консультаций⁸. Так для общественных консультаций по доработанной версии законопроекта

⁶ О полиции : федер. закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ // Российская газета. – 2011. – 8 февраля; 10 февраля.

⁷ Об образовании в Российской Федерации: Доклад об итогах общественного обсуждения проекта федерального закона // Общественное обсуждение законопроектов. Официальный портал. – <http://www.zakonoproekt2011.ru/N%law/edu> (дата обращения: 05.01.2016).

⁸ Общественные консультации по проекту федерального закона «Об образовании в Российской Федерации». – <http://zakon.government.ru/laws/ob-obrazovaniiv-rossiyskoj-federacii/> (дата обращения: 05.01.2016); Об образовании в Российской Федерации: Доклад об итогах общественного обсуждения проекта федерального закона // Общественное обсуждение законопроектов. Официальный портал. – <http://www.zakonoproekt2011.ru/N%law/edu> (дата обращения: 05.01.2016).

«Об образовании в Российской Федерации» в 2011 г. был создан интернет-ресурс под названием «Общественная экспертиза нормативных документов в области образования»⁹, активно действующий до сих пор. По итогам всех трех обсуждений законопроект был переработан и 29 декабря 2012 г. Президентом Российской Федерации уже был подписан Федеральный Закон «Об образовании в Российской Федерации», вступивший в силу с 1 сентября 2013 г.¹⁰

Сложно определить эффективность общественного обсуждения проектов федерального закона «Об образовании в Российской Федерации», так как оно проводилось на нескольких различных интернет-ресурсах, в связи с чем участникам каждого предыдущего обсуждения необходимо было снова и снова регистрироваться на последующих площадках новых обсуждений для осуществления своего права на участие в них. Представляется, что общественное обсуждение необходимо осуществлять на одном целевом сетевом ресурсе. Это должно позволить намного шире и глубже проработать проект обсуждаемого нормативного правового акта в связи с тем, что заинтересованные граждане Российской Федерации получают возможность наблюдать за прохождением проектом нормативного правового акта всего пути – от первого обсуждения данного проекта и до завершения последнего из проводимых по нему обсуждений, а также опубликования на этом же ресурсе уже обнародованного нормативного правового акта со всеми реквизитами действующего документа. Соответственно, членам экспертной комиссии организаторов, которая после каждого этапа общественного обсуждения должна проанализировать, обработать и собрать в общий аналитический отчет наиболее конструктивные и существенные комментарии и замечания, будет намного проще отследить динамику участия граждан в общественном обсуждении, а также преемственность комментариев и замечаний.

В результате, исходя из положительного опыта использования пилотного проекта новой площадки для общественного обсуждения, 9 февраля 2011 г. Президент Российской Федерации Д.А. Медведев подписал Указ № 167 «Об общественном обсуждении проек-

⁹ Общественные консультации по проекту федерального закона «Об образовании в Российской Федерации». – <http://zakon.government.ru/laws/ob-obrazovanii-v-rossiyskoy-federacii/> (дата обращения: 05.01.2016).

¹⁰ Об образовании в Российской Федерации : федер. закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ // Российская газета. – 2012. – 31 декабря.

тов федеральных конституционных законов и федеральных законов»¹¹ (далее Указ Президента № 167), который закрепил за Президентом Российской Федерации право, в целях совершенствования законотворческой деятельности и обеспечения учета общественного мнения при подготовке проектов федеральных конституционных законов и федеральных законов, выносить данные законопроекты на общественное обсуждение, в том числе с использованием сети Интернет, снабжая их необходимыми сопровождающими материалами.

Однако следует отметить, что, во-первых, это относится не ко всем проектам федеральных законов и федеральных конституционных законов, а только к проектам, затрагивающим основные направления государственной политики в области социально-экономического развития. Во-вторых, решающее слово относительно необходимости подвергнуть данный проект общественному обсуждению остается за Президентом. И, в-третьих, согласно п. «б» ст. 1 анализируемого Указа Президента РФ № 167, в соответствии с поручением Президента Российской Федерации федеральные государственные органы, разработавшие (или принимавшие участие в разработке) законопроект, вынесенный на общественное обсуждение, обязаны, в первую очередь, разместить в сети Интернет на своих официальных или специально созданных сайтах тексты законопроекта с сопроводительной документацией, включая пояснительные записки и финансово-экономическое обоснование, а также информацию о порядке направления гражданами на соответствующий сайт замечаний и предложений по законопроекту с указанием сроков проведения общественного обсуждения. Во вторую очередь, ответственные лица обязаны обеспечивать гражданам, принимающим участие в общественном обсуждении законопроекта, возможность ознакомиться с поступившими на соответствующий сайт замечаниями и предложениями по законопроекту. В третью очередь, по истечении 90 дней со дня завершения общественного обсуждения законопроекта представлять Президенту Российской Федерации доклад о результатах его обсуждения.

Трудно недооценить или переоценить значение этого Указа Президента РФ, так как вовлечение в общественное обсуждение не только лиц, непосредственно связанных

¹¹ Об общественном обсуждении проектов федеральных конституционных законов и федеральных законов : указ Президента РФ от 9 февраля 2011 г. № 167 // Российская газета. – 2011. – 11 февраля.

с реформируемыми сферами общественных отношений, но и неопределенного круга граждан, привело к переоценке самим обществом его возможностей влиять на решения органов государственной власти. Этому не в меньшей степени способствовал еще один Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления»¹² (далее Указ Президента РФ № 601), который обязал Правительство Российской Федерации до 1 сентября 2012 г. сформировать систему раскрытия информации о разрабатываемых проектах нормативных правовых актов, результатах их общественного обсуждения, реализовав несколько мероприятий.

Во-первых, это создание единого ресурса в сети Интернет для размещения информации о разработке федеральными органами исполнительной власти проектов нормативных правовых актов, процессе и результатах их общественного обсуждения. Во-вторых, использование федеральными органами исполнительной власти в целях общественного обсуждения проектов нормативных правовых актов различных форм публичных консультаций, включая ведомственные ресурсы и специализированные ресурсы в сети Интернет. И, в-третьих, предоставление не менее 60 дней для проведения публичных консультаций. Федеральные министерства и органы государственной власти субъектов Российской Федерации с 2011 года стали формировать нормативную базу для организации и проведения общественных обсуждений. Во многом благодаря этим обстоятельствам был принят Федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации».

Таким образом, несмотря на незначительный период времени активного применения процедуры общественного обсуждения, а также действия Указа Президента РФ № 601 и ФЗ № 212-ФЗ, накоплен солидный опыт реализации общественных обсуждений как без применения интернет-технологий, так и с использованием исключительно интернет-технологий. Следовательно, есть возможность сравнить оба способа осуществления общественного обсуждения, выявить их достоинства и недостатки и сформулировать предложения по устранению недостатков.

Предмет общественного обсуждения без применения интернет-технологий в Феде-

ральном законе № 212-ФЗ определен очень расплывчато и достаточно широко, так как связан с большим объемом неопределенного круга вопросов, подлежащих общественному обсуждению¹³. Невозможно и даже нецелесообразно составлять точный список таких в связи с тем, что это может создать препятствия для организации общественного обсуждения по проблемам, не вошедшим в данный перечень. В отдельных субъектах РФ в качестве предмета общественного обсуждения, например, выступают проекты нормативных правовых актов конкретного субъекта РФ. Так в Архангельской области это проекты нормативных правовых актов Архангельской области¹⁴.

Предметом же общественного обсуждения с применением исключительно интернет-технологий, первоначально, согласно Указу Президента РФ № 167, были только проекты федеральных конституционных законов и федеральных законов, но не всех, а тех, которые связаны с социально-экономической государственной политикой. Однако каждое федеральное министерство, агентство, иное ведомство или другой орган государственной власти Российской Федерации выносит на общественное обсуждение с использованием исключительно интернет-технологий самые разные документы, как их называет, например, Министерство Культуры РФ¹⁵, которые входят в их компетенцию и связаны не только с вопросами социально-экономического развития государства. В то же время львиную долю решений органов государственной власти РФ и субъектов РФ можно включить в перечень социально-экономических вопросов. Именно поэтому в ряде субъектов РФ подошли к проблеме определения предмета общественного обсуждения с применением интернет-технологий следующим образом. Например, Правительство Брянской области пишет о региональных правовых актах¹⁶;

¹³ Об основах общественного контроля в Российской Федерации...

¹⁴ Об общественном обсуждении проектов нормативных правовых актов Архангельской области : закон Архангельской области от 29 октября 2012 г. № 562-34-03 (ред. от 24 октября 2014 г.) // Волна. – 2014. – 4 ноября.

¹⁵ Правила общественного обсуждения // Министерство культуры Российской Федерации. Официальный сайт. Дата обновления: 12.02.2016. – <http://mkrf.ru/rule/> (дата обращения 01.10.2016).

¹⁶ Аналитический обзор (доклад) по комментариям, полученным в ходе общественного обсуждения проекта федерального закона «О полиции» // Общественное обсуждение законопроектов. Официальный портал. – <http://www.zakonoproekt2011.ru/№doc/police/10> (дата обращения: 05.01.2016).

Правительство Республики Коми выносит на обсуждение проекты законов Республики Коми, а также нормативные правовые акты Правительства Республики Коми и органов исполнительной власти Республики Коми¹⁷; а Губернатор Забайкальского края закрепляет за собой обязанность выносить на общественное обсуждение с использованием интернет-технологий проекты законов Забайкальского края, разрабатываемые исполнительными

органами государственной власти Забайкальского края¹⁸.

Таким образом, предметом общественно-го обсуждения с применением исключительно интернет-технологий и без их использования можно считать неопределенный круг нормативных правовых актов органов государственной власти Российской Федерации и субъектов РФ, а также органов местного самоуправления.

¹⁷ О порядке раскрытия информации о подготовке органами в системе исполнительной власти Республики Коми проектов нормативных правовых актов Республики Коми и результатах их общественного обсуждения : постановл. Правительства РК от 29 декабря 2014 г. № 560 (в ред. Постановления РК от 7 мая 2015 г. № 206) // Комитет информатизации и связи Республики Коми. Официальный сайт. – <http://infosvyaz.rkomi.ru/page/12946/> (дата обращения 28.09.2016).

¹⁸ Об утверждении Порядка проведения общественного обсуждения проектов законов Забайкальского края, вносимых Губернатором Забайкальского края : постановл. Губернатора Забайкальского края от 7 ноября 2012 г. № 30 (ред. от 10 июля 2013 г.) // Сайт Губернатора Забайкальского края. – http://губернатор.зabayкальскийкрай.рф/poriadok_obhgalovania.html (дата обращения 01.10.2016).

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО. СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ

УДК 341

№ 4 (11) / 2016, с. 40-45

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ СПОР МЕЖДУ РОССИЕЙ И ЯПОНИЕЙ: ИСТОРИЯ ВОПРОСА И МЕЖДУНАРОДНО- ПРАВОВЫЕ ФОРМЫ УРЕГУЛИРОВАНИЯ

Рушания Васильевна Винникова

кандидат юридических наук, доцент,

Челябинский государственный университет, г. Челябинск, Российская Федерация

E-mail: rushana_v@inbox.ru

В статье рассматриваются юридические и фактические основания разрешения российско-японского спора о государственной принадлежности Курильских островов, анализируются положения международных договоров, документальные материалы и исторические факты, служащие обоснованием территориальных претензий, раскрывается международно-правовая регламентация форм урегулирования территориальных споров.

Ключевые слова: принцип мирного урегулирования территориальных споров, Курильские острова.

TERRITORIAL DISPUTE BETWEEN RUSSIA AND JAPAN: HISTORICAL BACKGROUND AND INTERNATIONAL LEGAL FORMS OF SETTLEMENT

Rushaniya Vinnikova

Candidate of Law, Associate Professor

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russian Federation

E-mail: rushana_v@inbox.ru

In article the legislative and actual bases of permission of the Russian-Japanese dispute on the state ownership of the Kuril Islands are considered, provisions of international treaties are analyzed, the documentary materials and historic facts serving as justification of territorial claims. The international legal regulation of forms of settlement of territorial disputes is revealed.

Keywords: principle of peaceful settlement of territorial disputes; Kuril Islands.

Желание и готовность Японии и России предпринять новые шаги к урегулированию территориальной проблемы, озвученные в сентябре 2016 года на пресс-конференции по итогам G20 в Ханчжоу, вызвали очередной всплеск интереса к данной проблеме. Наиболее широкая дискуссия в отечественной и зарубежной литературе по поводу принадлежности Южного Сахалина и Курильских островов развернулась в начале 1990-х гг.¹

¹ Тогда, после многолетнего отрицания факта существования территориального спора, СССР впервые официально признал наличие проблемы принадлежности островов Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомаи в Совместном заявлении 1991 года, подписанном по итогам визита Президента СССР в Японию.

в ходе которой были даны различные, порой противоположные, оценки международно-правовых оснований территориальной ситуации на Дальнем Востоке. Участники дискуссии подвергли анализу пять документов на предмет их юридической силы и сферы действия: решения трех конференций – Каирской, Крымской, Потсдамской 1943-1945 гг. – и два международных договора, заключенные в Сан-Франциско и Москве в 1951 и 1956 годах.

Основные положения названных документов, относящиеся к данной проблеме, заключаются в следующем.

Каирская декларация, подписанная США, Великобританией и Китаем 27 ноября 1943 г.,

содержала положение, что «... Цель союзных держав заключается в том, чтобы лишить Японию всех островов на Тихом океане, которые она захватила или оккупировала с начала Первой мировой войны 1914 года... Япония должна быть также изгнана со всех других территорий, захваченных ею благодаря насилию и алчности»².

Крымское соглашение Советского Союза, США и Великобритании по вопросам Дальнего Востока, подписанное 11 февраля 1945 г. в Ялте, предусматривало вступление СССР в войну против Японии и передачу Советскому Союзу Курильских островов после победы над Японией³.

Потсдамская декларация США, Великобритании и Китая от 26 июля 1945 г., к которой присоединился Советский Союз, зафиксировала, что японский суверенитет будет ограничен островами Хонсю, Хоккайдо, Кюсю, Сикоку и менее крупными островами, которые укажут союзники⁴.

Из этих трех документов актом, вызвавшим наибольшие споры, стало Крымское соглашение. Давая ему оценку, одни юристы-международники считали, что оно необязательно для Японии [4, с. 27], другие утверждали, что благодаря Крымскому соглашению было получено юридическое подтверждение передачи Советскому Союзу Курильских островов, включая Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомаи [5, с. 180].

В ходе военных действий в августе 1945 г. Советский Союз занял Южный Сахалин и острова Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомаи, которые 2 февраля 1946 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР были включены в состав РСФСР.

Мирный договор, подписанный 8 сентября 1951 г. в Сан-Франциско, в ст. 2 зафиксировал положение о том, что «Япония отказывается от всех прав, правооснований и претензий на Курильские острова и на ту часть Сахалина и прилегающие к ней острова, над которыми Япония приобрела суверенитет в соответствии с Портсмутским договором от 5 сентября 1905 г.» [6, с. 318-334].

Факт отказа Японии от территорий, указанных в Договоре, казалось бы, лишает Японию всяких юридических оснований на территориальные притязания. Но японская сторона настаивала на том, что острова

² Сборник документов. Каирская декларация, Крымское соглашение, Потсдамская декларация, решение Московского совещания и другие документы, связанные с капитуляцией Японии. 1943-1945 гг. – М., 1947. – С. 7.

³ Там же. – С. 19.

⁴ Там же. – С. 23.

Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомаи не входят в состав Курильских островов, от которых Япония отказалась по Сан-Францисскому мирному договору 1951 года.

Это утверждение единодушно признается юридически не обоснованным, поскольку не соответствует ни истории предыдущих русско-японских переговоров, ни «географической» реальности. На довоенных японских картах административного деления северной части Японии Итуруп, Кунашир и Шикотан обозначались как входящие в состав Курильских островов.

Кроме того, ситуацию в правовом смысле, для целей толкования Сан-Францисского мирного договора, осложнили два обстоятельства: в Договоре не установлено, к какому государству переходят названные территории, и второй момент – советская делегация на Сан-Францисской конференции отказалась подписать текст мирного договора.

Это позволило японской стороне неоднократно заявлять, что Советский Союз не вправе ссылаться на этот документ.

По мнению советских юристов-международников, указанные обстоятельства не могли лишить СССР права на Южный Сахалин и Курильские острова, базирующегося на решениях о применении международной ответственности к милитаристской Японии, хотя высказывалось и другое мнение, что «перераспределение территориальных прав нельзя признать справедливым» [7, с. 107].

Поскольку СССР не подписал Сан-Францисский договор, правительства обеих стран вступили в переговоры для поиска путей формального урегулирования своих отношений и заключения двустороннего мирного договора.

Из-за расхождения позиций мирный договор заключить не удалось, но была подписана Совместная декларация СССР и Японии 19 октября 1956 г., которая прекращала состояние войны, восстанавливала дипломатические отношения, а также предусматривала передачу Японии островов Хабомаи и Шикотан после заключения мирного договора⁵. Декларация вступила в силу и обрела силу международного договора 12 декабря 1956 года.

После заключения в 1960 г. нового японо-американского договора о безопасности СССР аннулировал обязательства, взятые на себя декларацией 1956 года. Советский Союз дополнительно обусловил возвраще-

⁵ Совместный сборник документов по истории территориального размежевания между Россией и Японией. – М.: МИД Российской Федерации; МИД Японии, 1992. – <http://www.ru.emb-japan.go.jp/RELATIONSHIP/MAINDOCS/compilation.html>

ние Японии островов Хабомаи и Шикотан выводом с японской территории всех иностранных войск. В записке в адрес правительства Японии в январе 1960 г. говорилось, что, соглашаясь на передачу островов, СССР учитывал национальные интересы Японии и миролюбивые намерения страны. А эти намерения поставили под сомнения американские войска, которые появились в Японии на постоянной основе.

В ответ правительство Японии заявило, что международный документ не должен меняться в одностороннем порядке. В официальной ноте также отмечалось, что на момент заключения декларации с СССР в Японии уже были иностранные войска.

С этого момента на несколько десятилетний советско-японский диалог прекратился, переговоры зашли в тупик. Каждая сторона стояла на своем: Япония – на передаче всей южной части Курил, а СССР, отрицая существование территориальной проблемы, заявлял о своем суверенитете над южными Курильскими островами, основанном на итогах Второй мировой войны.

Первым совместным документом после долгого молчания стала Токийская декларация о российско-японских отношениях, подписанная Президентом России и премьер-министром Японии 13 октября 1993 г. Документ констатировал, что стороны «провели серьезные переговоры по вопросу о принадлежности островов Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомаи. Стороны соглашаются о том, что следует продолжать переговоры с целью скорейшего заключения мирного договора путем решения указанного вопроса, исходя из исторических и юридических фактов, и на основе выработанных по договоренности между двумя странами документов»⁶.

Эти договоренности были воплощены в «Совместном сборнике документов по истории территориального размежевания между Россией и Японией», опубликованном Российской и Японской Сторонами в сентябре 1992 года.

В сборник были включены наиболее важные международные договоры, а также ряд других документов и материалов, имеющих отношение к данной проблеме.

Туда вошли:

Совместное советско-японское заявление о визите премьер-министра Японии в СССР от 10 октября 1973 г.;

⁶ Сборник документов. Каирская декларация, Крымское соглашение, Потсдамская декларация, решение Московского совещания и другие документы, связанные с капитуляцией Японии. 1943-1945 гг. ...

Московская декларация об установлении созидательного партнерства между Японией и Российской Федерацией от 3 ноября 1998 г.;

Совместная декларация Союза Советских Социалистических Республик и Японии от 19 октября 1956 г.;

Пакт о нейтралитете между СССР и Японией от 13 апреля 1941 г.

Мирный Договор между Россией и Японией, заключенный в Портсмуте 23 августа (5 сентября) 1905 г.;

Договор о торговле и мореплавании, заключенный между Россией и Японией 27 мая (8 июня) 1895 г.;

Русско-японский договор об обмене Курильских островов на Сахалин, заключенный в Санкт-Петербурге 25 апреля (7 мая) 1875 г.;

Русско-японский трактат о торговле и границах, заключенный в Симодэ 26 января (7 февраля) 1855 г.

Что касается исторических фактов, то первооткрывателями Курил, по разным источникам, считаются голландцы⁷ или русские⁸.

Исконными жителями Курильских островов являлись айны, которых сейчас практически не осталось. В середине XVII века острова были нанесены на карты голландцами и японцами⁹. В 1644 г. была составлена первая японская карта Сахалина и Курильских островов по итогам экспедиций 1635-1637 гг. при правлении Сехо. Многие ученые считают ее очень приблизительной и даже неверной.

Появление Курильских островов на географических картах с их очертаниями, близкими к современным, – заслуга русских мореплавателей.

Освоение Курильских островов русскими экспедициями шло с севера, японскими – с юга. В конце XVIII в. Россия установила контроль над островами до Урупа¹⁰, Япония кон-

⁷ Первые европейцы побывали на Курилах в середине XVII века. В 1643 г. острова были обследованы голландской экспедицией во главе с Мартином Фризом [См. 3].

⁸ «...приоритет открытия Курильских островов принадлежит русским». Подробнее см.: Курильские острова. Их открытие и присоединение к России (1711-1778 гг.) // Дипломатия России. От посольского приказа до наших дней. Историко-документальный департамент МИД России. – http://www.idd.mid.ru/inf/inf_53.html

⁹ Карта Японии периода Сехо 1644 г. опубликована в Совместном сборнике 1992 г. как первая в мире карта островов Кунашир, Итуруп, Хабомаи и Шикотан, изготовленная вручную на японской бумаге; в обложке; размеры: 227,5 x 253,7.

¹⁰ Из материалов Совместного сборника документов по истории территориального размежевания между Россией и Японией 1992 г. «5. Из указа императора Александра I от 4 сентября 1821 г.: «1. Производство торговли китовой и рыбной ловли и всякой промышленности на островах, в портах и заливах и вообще

тролировала Итуруп и Кунашир¹¹. Фактически сложившаяся граница между владениями двух государств была юридически зафиксирована в Симодском трактате о торговле и границах 1855 г., где было установлено, что острова Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомаи являются территорией Японии, а острова к северу от Урупа – территорией России.

По российско-японскому Трактату, заключенному в Санкт-Петербурге 25 апреля (7 мая) 1875 г., Россия уступала Японии все Курильские острова в обмен на уступку Японией России прав на остров Сахалин.

С заключением Трактата о торговле и мореплавании 1895 г. Симодский трактат утратил силу, но одновременно была подтверждена действительность Трактата 1875 г.

По Портсмутскому мирному договору 1905 г. Россия уступила Японии южную часть острова Сахалин (южнее пятидесятой параллели северной широты).

В Конвенции об основных принципах взаимоотношений между СССР и Японией от 20 января 1925 г., установившей дипломатические отношения между странами,

по всему Северо-Западному берегу Америки, начиная от Берингова пролива до 51' Северной широты, также по островам Алеутским и по Восточному берегу Сибири; так как по островам Курильским, то есть начиная от того же Берингова пролива до Южного мыса острова Урупа, и именно до 45' 50' Северной широты предоставляется в пользование единственно Российским поданным. 2. По сему, воспрещается всякому Иностранному судну не только приставать к берегам и островам, подвластным России, в предыдущей статье обозначенным; но и приближаться к оным в расстоянии менее ста итальянских миль». (Полное собрание законов Российской империи, т. XXX VII, 1821 г., с. 904)». См. подробнее: Документы для сборника материалов по истории территориального размежевания между Россией и Японией. Материалы, относящиеся к периоду до 1855 г. – <http://www.ru.emb-japan.go.jp/RELATIONSHIP/MAINDOCS/1855.html#5>

¹¹ Из материалов Совместного сборника документов по истории территориального размежевания между Россией и Японией 1992 г. «4. Эффективное управление Японией четырьмя северными островами в конце 18 – начале 19 века. В 11-м году эпохи Кансэй (1799 г.) центральное правительство Японии направило в связи с управлением землей Эдзо указ княжествам Намбу и Цугару. В нем предписывалось, что, учитывая важное стратегическое значение земли Эдзо, княжествам при необходимости надлежит направлять на землю Эдзо свои гарнизоны и что прежде всего в этом же году княжество Цугару должно направить из своего гарнизона в Хакодате 3 офицеров и 50 солдат-пехотинцев, а княжество Намбу – 3 офицеров и 20 солдат-пехотинцев. («Новая история Хоккайдо», изд. Губернаторства Хоккайдо, 1937 г., т.2, с.416-417)» См. подробнее: Документы для сборника материалов по истории территориального размежевания между Россией и Японией. Материалы, относящиеся к периоду до 1855 г. – <http://www.ru.emb-japan.go.jp/RELATIONSHIP/MAINDOCS/1855.html#5>.

Советский Союз согласился, что Портсмутский договор 1905 г. остается в силе.

В свете российских и японских документов и материалов, относящихся к периоду до 1905 г., принадлежность островов Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомаи сторонами не оспаривалась.

Спор возник после территориальных изменений по итогам Второй мировой войны, не признанных Японией, и аннулированием СССР Декларации 1956 г.

Принятие Токийской декларации 1993 г. существенно активизировало переговорный процесс, была создана Совместная Российско-Японская комиссия по вопросам заключения мирного договора, подписан ряд документов, включая межправительственное Соглашение о некоторых вопросах сотрудничества в области промысла морских живых ресурсов от 21 февраля 1998 г., обмен нотами, касающихся безвизовых поездок с целью оказания экстренной гуманитарной помощи от 18 сентября 1998 г., Московскую декларацию об установлении созидательного партнерства между Российской Федерацией и Японией от 13 ноября 1998 года, Санкт-Петербургское заявление Президента Российской Федерации и премьер-министра Японии по проблеме мирного договора от 29 апреля 2000 г., Иркутское заявление о дальнейшем продолжении переговоров по проблеме мирного договора от 25 марта 2001 г. и др.

В тексте последнего документа впервые определяется «базовый юридический документ, положивший начало процессу переговоров о заключении мирного договора после восстановления дипломатических отношений между двумя странами» – Декларация 1956 г.¹² 5 сентября 2016 г. российский Президент, говоря о возможности достижения компромисса по курильской проблеме, также рассматривает Декларацию 1956 г. как отправную точку [2].

Поскольку это единственный документ, ратифицированный и Россией, и Японией после окончания Второй мировой войны, Декларация 1956 г. могла бы выступить в качестве основы для начала переговоров.

И Россия, и Япония заинтересованы в окончательной нормализации двусторонних отношений, что невозможно без заключения мирного договора и урегулирования территориального спора.

¹² Иркутское заявление Президента Российской Федерации и Премьер-министра Японии О дальнейшем продолжении переговоров по проблеме мирного договора. – http://www.mid.ru/ru/maps/jp/-/asset_publisher/zMUsqsVU9NDU/content/id/587296

Международно-правовая доктрина и практика выработали две основные формы урегулирования территориальных разногласий: судебную и согласительную (договорную). Процедура каждой из форм имеет свои особенности, но формы не противопоставляются друг другу. Основой обеих форм урегулирования выступает принцип мирного урегулирования территориальных споров. В каждой из форм применяются общие основания разрешения спора и процедуры доказывания, и судебная и согласительная формы имеют единую конечную цель – определение правового статуса территории.

Основания разрешения споров в научной литературе традиционно делят на юридические и фактические.

К первым относят договоры, односторонние акты или нормативные акты государства, обладающего суверенитетом (основания юридического титула).

К основаниям фактического титула относят эффективное владение и управление территорией, молчаливое признание, приобретающую давность.

Судебная форма придерживается приоритета оснований юридического титула, в рамках договорной формы большее значение имеют неюридические факторы, включая политические.

Судебная форма отличается высокой степенью формализации процедуры. Спор разрешается на основе тех источников права, которые суд сочтет применимыми, и которые одновременно являются средствами доказывания. Как было отмечено выше, в основном, суд придерживается формально-юридических оснований принадлежности территории. Только при их отсутствии или недостаточности суд учитывает фактический титул.

Решение суда устанавливает юридическую обоснованность претензий одной из сторон спора и может иметь правоподтверждающий характер (подтверждение принадлежности территории одной из сторон) или правоустанавливающий характер (фиксация изменения государственной принадлежности территории).

Договорная форма понимается как процесс переговоров с целью заключить соглашение, исключающее территориальные разногласия. Эта форма наиболее свойственна международному праву, в ней наглядно проявляется согласительная природа международного права.

Если судебная процедура детально урегулирована, и суд при установлении правового титула связан процессуальными и материаль-

ными нормами международного права, то стороны более свободны при выработке взаимоприемлемого решения и могут договориться об учете обстоятельств, не имеющих юридического характера. Соглашение сторон по территориальному вопросу является не столько результатом установления правовых оснований, сколько итогом взаимных уступок, компромиссом.

В отличие от суда, стороны, как обладатели суверенитета над территорией, могут договориться в соглашении об изменении принадлежности территории.

В ряде случаев сторонам выгоднее разрешить дело на основании компромиссного соглашения даже с частичными потерями, чем добиваться принятия решения судом формально разрешающего спор, но осложняющего дальнейшие отношения.

Выбор сторонами договорной или судебной формы урегулирования спора определяет применяемые к существу спора материально-правовые основания, что способно привести к диаметрально противоположным решениям аналогичных территориальных разногласий. В ряде случаев необдуманный выбор формы может полностью исключить возможность урегулирования конфликта.

Что касается данного конкретного спора, то стороны явно тяготеют к выбору согласительной формы урегулирования разногласий.

По мнению экспертов, вариантов решения проблемы может быть несколько. В соглашении может быть зафиксировано, что часть островов перейдет под юрисдикцию Японии через определенный период времени, например, через 50 или 100 лет. Возможен вариант, что Японии будут переданы острова, но прилегающее к ним морское пространство, а также ресурсы останутся в собственности России. Стороны также могут договориться о том, что судоходство в акватории было бы доступно лишь для кораблей России и Японии. Часто обсуждается вариант совместной эксплуатации островов.

Вне зависимости от вариантов требуется, чтобы японская сторона отошла от непримиримой позиции. Один из экспертов, бывший заместитель главы МИДа Георгий Кунадзе, который в 1990-е годы участвовал в переговорах с японской стороной, считает, что никакого компромисса по проблеме спорных островов достигнуто не будет, поскольку японцам нужны не сами острова как таковые, а «принцип» [2]. За долгие годы среди японской общественности сложился абсолютный консенсус о принадлежности Японии спорных островов.

Однако российская сторона готова к продолжению поиска решения проблемы, которое должно быть взаимоприемлемым и получить поддержку общественности и парламентов

обеих стран. Как отметил в своем интервью Путин, это решение должно гарантировать, что «ни одна из сторон не будет чувствовать себя ни побежденной, ни проигравшей» [1].

Примечания

1. Бондаренко М. Путин допустил компромисс с Японией по Курилам. – <http://www.rbc.ru/politics/02/09/2016/57c8e7789a7947195ae56914>
2. Братерский А. Курилы перед разменом. Как Россия и Япония могут решить курильскую проблему. – https://www.gazeta.ru/politics/2016/09/04_a_10176425.shtml
3. Дайрабаев В. У., Лохманов Д. В. Международно-правовой статус Курильских островов в историческом аспекте // Современный юрист. – 2014. – № 1.
4. Еремин В. Территориальная проблема: поиск решения. – М., 1992. – 189 с.
5. Ермошин В. В. Право России на Южный Сахалин и Курильские острова // Российский ежегодник международного права. 1993-1994. – СПб., 1995. – С. 173-196.
6. Международное право в избранных документах / сост.: Л. А. Моджорян, В. К. Собакин ; отв. ред. В. Н. Дурденевский. – М. : Изд-во ИМО, 1957. – Т. 3. – 415 с.
7. Пунжин С. М. СССР – Япония: можно ли при помощи права решить проблему «северных территорий»? // Советское государство и право. – 1991. – № 7.

ПО ИТОГАМ ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ»

УДК 343.13

№ 4 (1) / 2016, с. 46-50

ЭЛЕКТРОННЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Виталий Борисович Вехов

доктор юридических наук, профессор,
член-корреспондент РАН, Заслуженный деятель науки и образования,
Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана
(национальный исследовательский университет), г. Москва, Российская Федерация
E-mail: v-vehov@mail.ru

С позиций изменившегося уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации в статье исследуются актуальные теоретические и прикладные вопросы, связанные с определением понятия электронных доказательств, построением их классификационной системы и определением ее элементов. Рассматриваются проблемы, возникающие в деятельности органов предварительного расследования при работе с доказательствами названного вида.

Ключевые слова: электронные доказательства, компьютерная информация, электронные документы.

ELECTRONIC EVIDENCE: PROBLEMS OF THEORY AND PRACTICE

Vitaly Vekhov

Doctor of Law, Professor,
Corresponding Member of RAN, Honored Worker of Science and Education,
Moscow State Technical University named after N.E. Bauman (national research university),
Moscow, Russian Federation
E-mail: v-vehov@mail.ru

Current theoretical and applied issues related to the definition of «electronic evidence», building its classification system and defining its elements are examined in the article from a position of changed criminal and procedural legislation of the Russian Federation. The problems arising in the activities of preliminary investigation bodies while dealing with called evidence are discussed.

Keywords: electronic evidence, computer information, electronic documents.

Известно, что доказательствами по делу являются любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в определенном процессуальном законода-

тельством порядке устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по делу, а также иных обстоятельств, имеющих зна-

чение для правильного рассмотрения и разрешения дела (ч. 1 ст. 74 УПК РФ, ч. 1 ст. 59 КАС РФ, ч. 1 ст. 55 ГПК РФ, ч. 1 ст. 64 АПК РФ)¹. Данные сведения могут быть зафиксированы на любом материальном носителе как человеком (являться продуктом (отражением) мысленной деятельности конкретного лица), так и автоматом (без участия человека по установленному алгоритму), т. е. быть результатом (отражением) работы программы для электронных вычислительных машин (далее – ЭВМ). В обоих указанных случаях рассматриваемые сведения могут быть представлены в электронном виде – в форме компьютерной информации. В соответствии с примечанием 1 к ст. 272 УК РФ она определена как сведения (сообщения, данные), представленные в форме электрических сигналов, независимо от средств их хранения, обработки и передачи.

Синтезируя изложенные юридические определения, представляется возможным сформулировать родовое понятие рассматриваемой дефиниции. Электронные доказательства – это любые сведения (сообщения, данные), представленные в электронной форме, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в определенном процессуальном законодательством порядке устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения дела.

Продолжая исследование выделенной проблематики, отметим, что в последнее время компьютерная информация все чаще становится предметом и средством совершения различных правонарушений, выступает в качестве доказательств в уголовном, административном, гражданском и арбитражном процессах. Например, лица, участвующие в деле, вправе представлять в суд документы, полученные с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет, а также в электронном виде, в том числе

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 19 декабря 2016 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921; Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации : федер. закон от 08 марта 2015 г. № 21-ФЗ (ред. от 03 июля 2016 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2015. – № 10. – Ст. 1391; Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 19 декабря 2016 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 46. – Ст. 4532; Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 19 декабря 2016 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 30. – Ст. 3012.

в форме электронного документа, подписанного электронной подписью (п. 2 и 4 ст. 45 КАС РФ, п. 1.1. и 1.2. ст. 35 ГПК РФ, п. 1 ст. 41 АПК РФ). Такие документы выполняются в форме, установленной для этих документов законодательством Российской Федерации, или в свободной форме, если она для них не установлена.

При соблюдении требований, определенных п. 1 ст. 70 КАС РФ, п. 1 ст. 71 ГПК РФ и п. 3 ст. 75 АПК РФ, электронные документы признаются письменными доказательствами. Причем в административном и гражданском судопроизводстве законодатель разрешает использовать в качестве доказательств аудио- и (или) видеозаписи на электронном носителе. При этом лицо или организация, их предоставляющие либо заявляющие ходатайство об их истребовании, обязаны указать, когда, кем и в каких условиях осуществлялись записи (п. 1 ст. 76 КАС РФ и ст. 77 ГПК РФ). По этому поводу заметим, что в соответствии с Государственным стандартом Российской Федерации ГОСТ Р 51141-98 «Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения» фотодокументом является изобразительный документ, созданный фотографическим способом, а аудиовизуальным – документ, содержащий изобразительную и звуковую информацию.

В отличие от относительно унифицированных административного, гражданского и арбитражного, отечественное уголовно-процессуальное законодательство более консервативно в вопросах, регламентирующих работу с доказательствами исследуемой категории. Анализ ч. 2 ст. 74 УПК РФ и смежных с ней статей показывает, что компьютерная информация допускается в качестве доказательств в уголовном судопроизводстве лишь как вещественные доказательства (ст. 81 УПК РФ) и иные документы (ст. 84 УПК РФ), а именно, если она:

- использовалась в качестве средства совершения преступления;
- сохранила на себе следы преступления;
- является предметом преступления;
- может служить средством для обнаружения преступления и установления обстоятельств уголовного дела;
- содержит сведения, имеющие значение для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу [1, с. 23].

Результаты, полученные в ходе изучения действующего отечественного законодательства в сфере информации, информационных технологий, защиты информации и

электронного документооборота, позволили нам предложить следующую классификацию электронных доказательств [2, с. 14-15].

1. Файл – поименованная область электронных записей на материальном носителе, где в закодированном виде хранится строго определенная информация с реквизитами, позволяющими ее идентифицировать.

2. Сетевой адрес – идентификатор в сети передачи данных, определяющий при оказании телематических услуг связи абонентский терминал или иные средства связи, входящие в информационную систему.

3. Доменное имя – обозначение символами, предназначенное для адресации сайтов в сети Интернет в целях обеспечения доступа к информации, которая в ней размещена.

4. Электронное сообщение – информация, переданная или полученная пользователем информационно-телекоммуникационной сети. К ним относятся так называемые сообщения «электронной почты», «SMS», «MMS» и др.

5. Электронный документ – документированная информация, представленная в электронной форме, то есть в виде, пригодном для восприятия человеком с использованием ЭВМ, а также для передачи по информационно-телекоммуникационным сетям или обработки в информационных системах.

6. Информационная система – совокупность содержащейся в базах данных информации и обеспечивающих ее обработку информационных технологий и технических средств.

7. Сайт в сети Интернет – совокупность программ для ЭВМ и иной информации, содержащейся в информационной системе, доступ к которой обеспечивается посредством информационно-телекоммуникационной сети Интернет по доменным именам и (или) по сетевым адресам, позволяющим идентифицировать сайты в этой сети.

8. Страница сайта в сети Интернет – часть сайта в сети Интернет, доступ к которой осуществляется по указателю, состоящему из доменного имени и символов, определенных владельцем сайта.

9. Электронная подпись – информация в электронной форме, которая присоединена к другой информации в электронной форме (подписываемой информации) или иным образом связана с ней и используемая для определения лица, подписавшего информацию. По юридической силе законодатель различает простую и усиленную электронные подписи. Последняя в свою очередь подраз-

деляется на неквалифицированную и квалифицированную. Простая электронная подпись – это коды, пароли или иные средства, например «логин» и соответствующий ему пароль, номер платежной карты и «ПИН-код» к ней, которые подтверждают факт формирования подписи определенным лицом. В качестве «логина» для идентификации лица часто используются абонентский номер мобильного телефона или адрес «электронной почты». Неквалифицированной признается электронная подпись, которая:

1) получена, как мы подробно писали ранее, в результате криптографического преобразования информации с использованием ключа электронной подписи [3];

2) позволяет определить лицо, подписавшее электронный документ;

3) позволяет обнаружить факт внесения изменений в электронный документ после момента его подписания;

4) создается с использованием средств электронной подписи.

Квалифицированная электронная подпись обладает всеми перечисленными признаками и в дополнении к ним имеет два следующих:

ключ ее проверки указан в квалифицированном сертификате;

для ее создания и проверки используются средства электронной подписи, имеющие подтверждение соответствия требованиям, установленным Федеральным законом «Об электронной подписи»².

С позиций доказывания большое значение имеют следующие обстоятельства:

1) информация в электронной форме, подписанная квалифицированной электронной подписью, признается электронным документом, равнозначным документу на бумажном носителе, подписанному собственноручной подписью, и может применяться в любых правоотношениях в соответствии с законодательством Российской Федерации, кроме случая, если федеральными законами или принимаемыми в соответствии с ними нормативными правовыми актами установлено требование о необходимости составления документа исключительно на бумажном носителе;

2) электронной подписью могут быть подписаны несколько связанных между собой электронных документов, объединенных в пакет, и при этом каждый из них считается подписанным данной подписью.

² Об электронной подписи : федер. закон от 06 апреля 2011 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 15. – Ст. 2036.

10. Программа для ЭВМ (компьютерная программа) – это представленная в объективной форме совокупность данных и команд, предназначенных для функционирования ЭВМ и других компьютерных устройств в целях получения определенного результата, включая подготовительные материалы, полученные в ходе ее разработки, и порождаемые ею аудиовизуальные отображения.

11. База данных – это представленная в объективной форме совокупность самостоятельных материалов (статей, расчетов, нормативных актов, судебных решений и иных подобных материалов), систематизированных таким образом, чтобы они могли быть найдены и обработаны с помощью ЭВМ.

12. Электронный журнал – документ или совокупность документов в электронной форме, сформированный (сформированных) банкоматом и (или) электронным терминалом за определенный период времени при совершении операций с использованием данных устройств.

13. Электронные денежные средства – денежные средства, которые предварительно предоставлены одним лицом (лицом, предоставившим денежные средства) другому лицу, учитывающему информацию о размере предоставленных денежных средств без открытия банковского счета (обязанному лицу), для исполнения денежных обязательств лица, предоставившего денежные средства, перед третьими лицами и в отношении которых лицо, предоставившее денежные средства, имеет право передавать распоряжения исключительно с использованием электронных средств платежа.

Поскольку названные доказательства находятся в сложных материальных формах на электронных носителях информации, на что мы обращали внимание ранее [4, с. 157], работа с ними осуществляется в рамках процессуальных действий, к производству которых, как правило, привлекаются специалисты, обладающие знаниями, умениями и навыками в сфере компьютерной информации и электронного документооборота. В отдельных случаях участие в них специалиста является обязательным. Так, например, электронные носители, содержащие доказательственную информацию, возвращаются их законному владельцу после осмотра и производства других необходимых следственных действий, если это возможно без ущерба для доказывания. Однако в случае невозможности их возврата содержащаяся на них информация копируется по ходатайству законного владельца или ее обладателя – лица, само-

стоятельно создавшего информацию либо получившего на основании закона или договора право разрешать или ограничивать доступ к информации, определяемой по каким-либо признакам³. Копирование происходит с участием ее законного обладателя или владельца изъятых электронных носителей и (или) его представителя и специалиста в присутствии понятых в подразделении органа предварительного расследования или в суде. Она копируется на другие электронные носители в условиях, исключающих возможность ее утраты или изменения. При этом копирование информации не производится, если это может воспрепятствовать расследованию преступления (п. 5 ч. 2 ст. 82 УПК РФ). По результатам осуществления этого нового процессуального действия составляется протокол (ч. 2.1. ст. 82 УПК РФ), к которому могут прилагаться электронные носители, содержащие информацию, которая была получена или скопирована с других электронных носителей в ходе производства следственного действия (ч. 8 ст. 166 УПК РФ).

При производстве обыска и выемки электронные доказательства также изымаются только с участием специалиста. По ходатайству их законного обладателя или владельца материального носителя, на котором они находятся, специалистом в присутствии понятых осуществляется их копирование на другие электронные носители. Копирование не допускается, если это может воспрепятствовать расследованию преступления либо, по заявлению специалиста, повлечь за собой утрату или изменение электронных доказательств. Об этом в протоколе обыска или выемки делается соответствующая запись (ч. 9.1. ст. 182, ч. 3.1. ст. 183 УПК РФ).

Схожий порядок работы с информацией, находящейся на электронных носителях и имеющей доказательственное значение, имеет место при производстве отдельных оперативно-розыскных мероприятий. Например, в ходе проведения сотрудниками органов внутренних дел такого гласного оперативно-розыскного мероприятия, как обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств, перед изъятием информации названного вида сотрудник полиции обязан предоставить лицу, у которого она изымается, возможность изготовить ее копию. При этом должны быть приняты меры к недопущению уничтожения

³ Об информации, информационных технологиях и о защите информации : федер. закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ // Российская газета. – 2006. – 29 июля. – Ст. 2, п. 5.

информации, находящейся на изымаемых электронных носителях⁴.

Изложенные новеллы отечественного уголовно-процессуального законодательства обусловили возникновение ряда проблем, имеющих как теоретическое, так и прикладное значение. По нашему мнению, наиболее значимыми являются следующие из них.

1. Отсутствие законодательного определения понятия «электронный носитель информации», что позволяет с позиций формальной юридической логики отнести к этой категории достаточно широкий круг предметов и документов. Например, стиральную или кофемашину, микроволновую печь, телевизор, паспорт гражданина Российской Федерации, электронный полис обязательного медицинского страхования, электронный ключ от домофона или системы зажигания автомобиля и др.

2. Малое число и недостаточная доступность для органов предварительного расследования и судов компетентных специалистов, без которых невозможно в установленном уголовно-процессуальным законом порядке провести отдельные следственные действия, связанные с изъятием электронных носителей и копированием с них компьютерной информации, имеющей доказательственное значение.

3. Отсутствие полноценных научно обоснованных рекомендаций по оптимальному получению, оценке и использованию электронных доказательств. В связи с чем в правоприменительной практике очень часто возникают различные процессуальные ошибки. Например, установление вида, юридической силы, срока действия и возможностей использования электронной подписи для удостоверения документов в тех или иных информационных системах (общего

пользования или корпоративных) очень часто осуществляется путем назначения судебной компьютерно-технической экспертизы, что является неправильным. Эти задачи необходимо решать, базируясь на положениях ст. 2 Федерального закона «Об электронной подписи» следующим образом:

1) путем направления письменного запроса в адрес удостоверяющего центра – юридического лица, индивидуального предпринимателя либо государственного органа или органа местного самоуправления, осуществляющего функции по созданию и выдаче сертификатов ключей проверки электронных подписей, а также иные функции, предусмотренные законодательством Российской Федерации в этой области (п. 7);

2) путем получения показаний владельца сертификата ключа проверки электронной подписи, т. е. лица, которому в установленном законом порядке выдан сертификат ключа ее проверки – электронный документ или документ на бумажном носителе, выданный удостоверяющим центром либо его доверенным лицом и подтверждающий принадлежность ключа проверки электронной подписи владельцу сертификата ключа проверки электронной подписи (п. 4 и 2).

По нашему мнению, одним из вариантов выхода из сложившейся негативной ситуации является систематизация имеющихся знаний по данной проблематике в науках юридического цикла, установление науковедческих связей между существующими теориями (учениями) и выработка общих точек зрения на один и тот же предмет в целях комплексного решения проблем, связанных с получением, фиксацией и использованием электронных доказательств. Все это можно осуществить в рамках одной гипотезы, именуемой «Теория электронных доказательств».

Примечания

1. Вехов В. Б. Работа с электронными доказательствами в условиях изменившегося уголовно-процессуального законодательства // Российский следователь. – 2013. – № 10. – С. 22-24.

2. Вехов В. Б., Смагоринский Б. П., Ковалев С. А. Электронные следы в системе криминалистики // Судебная экспертиза. – 2016. – № 2 (46). – С. 10-19.

3. Вехов В. Б. Криминалистически значимые сведения об электронной цифровой подписи // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2008. – № 1. – С. 71-80.

4. Вехов В. Б. Понятие, виды и особенности фиксации электронных доказательств // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения: сб. науч.-практ. тр. – М.: Академия Следственного комитета Российской Федерации, 2016. – № 1. – С. 155-158.

⁴ Об утверждении Инструкции о порядке проведения сотрудниками органов внутренних дел гласного оперативно-розыскного мероприятия обследования помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств: приказ МВД России от 30 марта 2010 г. № 249.

ЭЛЕКТРОННО-ТЕХНИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ДОКАЗЫВАНИЯ

Сергей Васильевич Зуев

доктор юридических наук, доцент

Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), г. Челябинск, Российская Федерация

E-mail: zuevsergej@inbox.ru

В статье рассматриваются электронные средства уголовно-процессуального доказывания, призванные обеспечить эффективное уголовное судопроизводство. Проведен анализ судебной практики, исследованы мнения ученых по вопросам применения технических средств для обработки информации, представленной в электронной форме. Обращается внимание на то, что уголовное судопроизводство должно развиваться с учетом современных информационных телекоммуникационных отношений в обществе.

Ключевые слова: доказывание, уголовный процесс, электронная информация, технические средства, истина.

ELECTRONIC AND TECHNICAL MEANS OF CRIMINAL PROCEDURAL PROOF

Sergey Zuev

Doctor of Law, Associate Professor,

South Ural State University (National Research University), Chelyabinsk, Russian Federation

E-mail: zuevsergej@inbox.ru

The article deals with electronic evidence of criminal procedure urged to ensure the effective criminal proceedings. The analysis of judicial practice is carried out, the scientists' opinions on the use of technical means for processing the information provided in electronic form are studied. It is noted that criminal proceedings should be developed considering modern information communication relations in society.

Keywords: proof, criminal proceedings, electronic information, technical means, truth.

Развивающиеся информационные телекоммуникационные отношения в обществе медленно, но уверенно внедряются в современное уголовное судопроизводство. Все чаще в доказывании по уголовным делам используются различные электронные средства, тому имеется масса примеров в судебной практике и опубликованных материалах.

Так, например, неизвестный заманил малолетнего ребенка О. в автомобиль и увез в неизвестном направлении. Органы расследования располагали только информацией о промежутке времени совершенного преступления и участке местности. Следователь обратился через СМИ к владельцам автомобилей, оборудованных видеорегистраторами, которые проезжали по дороге в момент похищения ребенка с просьбой предоставить видеозапись. Несколько водителей откликнулись и предоставили видеорегистраторы

своих автомашин. В ходе осмотра записей, их сопоставления и анализа был установлен автомобиль преступника, а девочка найдена. Аналогичный прием применялся при расследовании изнасилования и убийства двух студенток в Подмоскowie. Видеорегистратор автомобиля одного из водителей зафиксировал автомашину, в которую садились погибшие. В результате удалось установить преступника и раскрыть особо тяжкое преступление [1, с. 6].

При этом надо отметить, что в большинстве случаев применяется изъятие видеозаписи с видеорегистратора автомобиля¹. Как правило, изъятию на длительный срок подлежит сам видеорегистратор или его карта памяти. В любом случае это вряд ли совпадает с интересами их владельца. По данным МВД России, в феврале 2016 года в станице

¹ Уголовное дело № 10-368/2014. Архив Челябинского областного суда.

Ленинградской Краснодарского края сотрудники уголовного розыска совместно с авиационным отрядом специального назначения и при силовой поддержке СОБР «Беркут» ГУ МВД России по Краснодарскому краю с помощью беспилотника задержали подозреваемых в совершении серии краж².

В данном случае в доказывании по уголовному делу необходимо использовать электронную видеозапись. При этом согласно действующему законодательству электронные носители информации признаются вещественными доказательствами. Однако закон не предусматривает порядок их возврата владельцу или собственнику. Последние могут получить копию информации. Согласно ч. 3.1 ст. 183 УПК РФ по ходатайству законного владельца изымаемых электронных носителей информации или обладателя содержащейся на них информации специалистом, участвующим в выемке, в присутствии понятых с изымаемых электронных носителей информации осуществляется копирование информации на другие электронные носители информации, предоставленные законным владельцем изымаемых электронных носителей информации или обладателем содержащейся на них информации.

В последнем рассмотренном примере в качестве электронного носителя, по всей видимости, выступает ноутбук. Но его изъятие в определенной степени препятствует нормальной работе указанных спецслужб. И это не единственный случай. На практике изъятие электронных носителей все чаще создает трудности хозяйствующим субъектам и физическим лицам³.

Заслуживает внимания предложение о признании электронного копирования информации в качестве самостоятельного следственного действия. Такое предложение основано на различиях в фактической природе обыска, выемки, осмотра, с одной стороны, и электронного копирования информации – с другой. В.А. Семенцов, поддерживая эту идею в целом, пишет: «... в практике расследования возникает необходимость электронного копирования информации, и этот новый познавательный прием соответствует требованиям закона, морали и социальным закономерностям общественного развития. Необходимо только включить электронное копирование в систему процессуальных действий, предназначенных для собирания доказательств» [5, с. 36].

Актуальным также является проблема использования компьютерных технологий в принятии судебных решений. Тема сама по

² <https://мвд.рф/news/item/7149953/>

³ Решение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области по делу № А56-640/2013 // URL: <http://base.garant.ru/41122724/>

себе не нова. С.Г. Ольков еще в 2003 году разработал математическую модель юридической ответственности. Тот же автор рассматривает судебные приговоры в свете теорем истинности, справедливости и определенности биссекториальности, применяя математические основы [3]. Для этого требуется компьютерное программное обеспечение.

В.А. Семенцов считает ошибочным и нелогичным запрет на применение полиграфа в уголовном судопроизводстве при одновременном признании возможности его реализации в других сферах правоохранительной деятельности. Если использование полиграфа не связано с нарушением уголовно-процессуального закона, то нет и основания для признания полученного доказательства недопустимым [6, с. 119].

Приговором Кунцевского районного суда города Москвы от 19 октября 2015 года Мамалиев был осужден по ст. 110 УК РФ. Судом апелляционной инстанции были также проверены все доказательства, в том числе и справка об исследовании № 411 от 12 марта 2015 года, по проведению психофизиологического исследования с использованием полиграфа Мамалиева. Каждому из доказательств дана надлежащая оценка, не согласиться с которой оснований не имеется⁴.

В другом примере ходатайство Писарева и его адвоката об исследовании показаний Писарева с помощью полиграфа органами следствия были удовлетворены. Писарев дал добровольное согласие на участие в проведении опроса. По результатам опроса установлено, что Писарев обладает виновными знаниями по делу и дает неправдивые показания⁵.

Есть и другая позиция суда. Так, например, в качестве одного из доказательств, оспариваемых защитником, в обжалуемом приговоре приведено заключение специалиста, проводившего психофизиологическое исследование Казанцева с использованием полиграфа. По мнению судебной коллегии, указанное заключение не может рассматриваться в качестве доказательства по уголовному делу, поскольку, будучи основанным на исследовании и интерпретации психофизиологических реакций лица на задаваемые вопросы, не поддается проверке и оценке по правилам, предусмотренным ст. 87 и 88 УПК РФ, и не отвечает требованиям логической аргументации.

По сути, целью проведения психофизиологических исследований с использованием полиграфа является выработка и проверка

⁴ Постановление Московского городского суда от 27 апреля 2016 года. Дело № 4-1477/2016.

⁵ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Челябинского областного суда. Дело № 22-6856/2012.

оперативно-следственных версий, возникающих в ходе предварительного расследования, при производстве которого в установленном уголовно-процессуальном законом порядке осуществляется собирание доказательств⁶.

Электронное уголовное дело может успешно заменить бумажное, традиционное [2, с. 144]. Это позволит: улучшить качество расследования, снизит риск возможной фальсификации доказательств; облегчит проверку материалов уголовного дела руководителями подразделений и органов, прокурором; сократит документооборот, а значит и сроки расследования; облегчит процедуру ознакомления с материалами уголовного дела; обеспечит сохранность материалов уголовного дела.

Интерес представляют некоторые положения УПК Украины. Согласно п. 2 ч. 1 ст. 103 данного закона процессуальные действия в ходе уголовного производства могут фиксироваться на носители информации, на котором с помощью технических средств зафиксированы процессуальные действия. В случае фиксации процессуального действия во время досудебного расследования с помощью технических средств об этом указывается в протоколе. Если с помощью технических средств фиксируется допрос, текст показаний может не вноситься в соответствующий протокол при условии, что ни один из участников следственного действия не настаивает на этом. В таком случае в протоколе отмечается, что показания зафиксированы на носителе информации, который прилагается к нему (ч. 2 ст. 104 УПК Украины). Фиксирование с помощью технических средств уголовного производства в суде является обязательным (ч. 4 ст. 107 УПК Украины).

В Российской Федерации это не является обязательным. Согласно п. 18 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 13 декабря 2012 года № 35 «Об открытости и гласности судопроизводства и о доступе к информации о деятельности судов» при наличии технической возможности судам надлежит осуществ-

лять фиксацию хода судебного разбирательства с использованием средств аудиозаписи и иных технических средств, а в случае недостаточной вместимости зала судебного заседания, в котором проводится слушание дела, осуществлять в здании суда трансляцию хода судебного заседания в режиме реального времени с использованием технических средств. Материалы фиксации хода судебного разбирательства, осуществляемого судом (например, носитель аудиозаписи), приобщаются к делу⁷.

Современное уголовное судопроизводство отличается строгой процессуальной формой, несоблюдение которой ведет к признанию доказательств недопустимыми. Приоритеты в обществе расставлены таким образом, что соблюдение формальных правил становится важнее интересов потерпевшего. Установить истину по делу – непростая задача, а иногда, в силу объективных и субъективных причин, это сделать не представляется возможным. Правосудие выглядит так, будто кому-то это так удобно. Особой ценностью становятся права обвиняемого. Во главе угла оказывается даже не требование закона, а судебское усмотрение с элементами правотворчества. Важным элементом также признается убедительность судьи, даже если за этим кроется чей-то обман.

Что касается других (альтернативных) способов установления истины, так они отданы на откуп энтузиастам и тем, кто верит, что когда-нибудь ценность информации будет определяться независимо от судебного субъективизма, а согласно четко выработанным критериям. Представляется, что использование ценной информации в доказывании по уголовным делам не может всецело находиться в зависимости от способа ее получения. Кроме того, в целом вопросы правового регулирования применения электронно-технических средств в доказывании по уголовным делам требуют большего внимания со стороны законодателя.

Примечания

1. Дмитриев Е. Г., Котенков А. В. О некоторых особенностях использования информации систем видеонаблюдения в ходе расследования преступлений // Российский следователь. – 2013. – № 1. – С. 5-9.
2. Мещерякова О. А. Организационно-процессуальные меры предупреждения утраты уголовных дел в системе профилактики преступности // Юридический вестник ДГУ. – Т. 14. – 2015. – № 2. – С. 141-145.
3. Ольков С. Г. Судебные приговоры в свете теорем истинности, справедливости и определенности биссекториальности // Актуальные проблемы экономики и права. – 2016. – № 2. – С. 247-263.
4. Ольков С. Г. Юридический анализ (исследовательская юриспруденция) : в 2 т. – Тюмень, 2003. – Т. 1. – С. 164-183.
5. Семенцов В. А. Следственные действия в досудебном производстве (общие положения теории и практики) : монография. – Екатеринбург, 2006. – 298 с.
6. Семенцов В. А. Судебная экспертиза в уголовном судопроизводстве: некоторые современные проблемы // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2014. – № 4 (31). – С. 114-121.

⁶ Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Челябинского областного суда. Дело №10-2199/2014.

⁷ Российская газета. 2012. 19 декабря.

ОБОСНОВАННОСТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕРМИНА «ЭЛЕКТРОННЫЙ НОСИТЕЛЬ ИНФОРМАЦИИ» В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ КОДЕКСЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Анатолий Игоревич Зазулин

Уральский государственный юридический университет,

г. Екатеринбург, Российская Федерация

E-mail: zazulin.aspirant.uslu@gmail.com

Статья посвящена анализу термина «электронный носитель информации», используемого в ряде положений Уголовно-процессуального кодекса РФ. В результате обращения к техническим представлениям о носителях цифровой информации обосновывается вывод о наличии и других, помимо электронных, носителей цифровой информации, особенности изъятия которых не урегулированы процессуальным законом. Предлагается введение в Уголовно-процессуальный кодекс РФ более универсального понятия «цифровой носитель информации» вместо «электронный носитель информации».

Ключевые слова: цифровая информация, доказывание, электронный носитель информации, цифровой носитель информации.

VALIDITY OF TERM «ELECTRONIC DATA STORAGE» IN CRIMINAL PROCEDURE CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Anatoly Zazulin

Ural State Law University, Ekaterinburg, Russian Federation

E-mail: zazulin.aspirant.uslu@gmail.com

Article is devoted to the analysis of the term «electronic data storage» used in a number of provisions of the of the Russian Federation. As a result of the appeal to technical ideas of carriers of digital information a conclusion about existence and others, besides electronic, carriers of digital information is proved. The features of withdrawal of such carriers are not settled by the procedural law. Introduction to the Criminal Procedure Code the Russian Federation of more universal concept «digital data storage» instead of «electronic data storage» is offered.

Keywords: digital information, proof, electronic data storage, digital data storage.

В настоящее время информационно-телекоммуникационные технологии не только достигли невероятных технологических высот, но и плотно вошли в повседневную жизнь, получив тотальное распространение по всему миру. Интернет, электронная почта, виртуальный документооборот и государственные услуги стали неотъемлемой частью жизни обычных граждан и работы государственных служащих, сотрудников банков и других частных организаций. Теперь важная и необходимая информация хранится и передается в цифровом виде, причем не на бумаж-

ных носителях, а на жестких дисках компьютеров, USB-носителях, оптических дисках и т. п.

Результатом таких изменений стало активное использование носителей цифровой информации в преступной деятельности. Как пишет Ю.Н. Соколов, все большее число преступников для совершения противоправной деятельности используют современные средства связи [9, с. 13]. С помощью различных цифровых устройств осуществляется распространение порнографии, разжигание межнациональной розни, клевета, незаконный доступ к информации, составляющей

государственную, коммерческую или банковскую тайну. Организованная преступность для своих целей также использует сеть Интернет и съемные носители компьютерных данных.

Все это привело к необходимости внесения изменений в уголовно-процессуальное законодательство, в том числе в части доказывания. В Уголовно-процессуальный кодекс РФ был введен термин «электронный носитель информации», который используется в ч. 4 ст. 81, ч. 1 ст. 81.1, п. 5 ч. 2 ст. 82, ч. 8 ст. 166, ч. 9.1 ст. 182, ч. 3.1 ст. 183 Кодекса. Все указанные нормы регламентируют порядок изъятия электронных носителей информации в ходе следственных действий, их хранения в материалах уголовного дела и копирования записанной на них информации.

Однако УПК РФ не содержит определения такого важного для судебной и следственной практики понятия, как электронный носитель информации. Не найти его определения и в других законодательных актах РФ, в том числе Федеральном законе «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» или Федеральном законе «О связи».

Между тем данный термин получил также широкое распространение в уголовно-процессуальной литературе. Так, данный термин используется А.П. Рыжаковым [7] и Р.И. Оконенко [6, с. 37]. Л.Б. Краснова рассматривает электронные носители информации в качестве особой группы вещественных доказательств в силу их «определенной электронной специфики» [5, с. 254], однако в последующем не поясняет, в чем же заключается данная специфика. И.С. Федотов и П.Г. Смагин идут дальше и задают вопрос о том, какие предметы являются электронными носителями информации [10, с. 195]. Отвечая на данный вопрос, они пишут: «безусловно к электронным носителям информации можно отнести устройства хранения данных (накопители на жестких магнитных дисках, флеш-накопители, компакт-диски и др.), однако на современном этапе развития устройство хранения и воспроизведения информации содержится и в ряде предметов, которые на первый взгляд к электронным носителям информации отнести можно весьма условно. К их числу относятся электронные планшеты, сотовые телефоны, плееры, а также «умные» холодильники, бортовые компьютеры автомашин и др.». Опять-таки перечисление данных «умных» устройств не дает общего понятия об отличиях

особенностях «электронного носителя информации» от носителей иных видов.

Некоторые авторы за неимением законодательной дефиниции понятия электронного носителя информации начинают широко толковать данный термин, распространяя его на любые носители сведений, доступных обработке компьютерными устройствами. Например, И.В. Казначей [4, с. 42] сформировал свое определение электронного носителя информации, под которым он понимает техническое средство, предназначенное для записи, хранения, воспроизведения и использования сведений при помощи электронных вычислительных машин (приборов).

Между тем для правильного понимания содержания понятия «электронный носитель информации» мы вынуждены обратиться к техническим наукам, а именно информатике и электротехнике.

В данных областях знания под компьютерной информацией понимается любая информация, записанная в двоичной системе счисления, то есть цифровая информация. Цифровая информация может быть записана на различные типы носителей, воспринимаемые компьютерным устройством, однако в настоящее время свое наибольшее распространение получила ее запись на магнитные, оптические и электронные носители информации [8, с. 9]. Все указанные виды носителей объединяются под общей категорией цифровых носителей информации.

Магнитные носители информации являются самыми ранними и с успехом используются до сих пор. Наиболее известным примером таких носителей являются жесткие диски современных компьютерных устройств («винчестеры»). В конце прошлого века популярны также были гибкие диски (дискеты) и ленточные накопители (стримеры) [8, с. 10].

Жесткие диски (HMDD – hard magnetic disk drive) покрыты ферромагнитным веществом, в кристаллах которого выделяются области-домены, которые могут изменять вектор намагниченности в результате воздействия электрического тока [3, с. 42]. Направление данного вектора позволяет кодировать информацию, при помощи изменения направления магнитного потока в течение определенного промежутка времени.

Оптические носители информации представляют собой лазерные диски – поликарбонатные пластины с отверстием в центре. Запись и считывание информации с данных дисков осуществляется за счет разной отражающей способности отдельных участ-

ков диска. Информация на них записывается на спиральной дорожке, идущей от центра к периферии посредством нанесения на отражающий слой впадин («питов») нагретой матрицей. Чередование впадин образует дорожку лазерного диска (код), которая считывается при помощи полупроводникового лазерного луча: если луч лазера попадает на пит, то приемное устройство регистрирует отсутствие сигнала (0), если на пространство между питами – максимальный световой сигнал (1) [1, с. 23].

Электронные носители информации. В данных носителях цифровой информации используется электронный способ записи, передачи и хранения информации. В основе данного способа лежат физико-химические свойства полупроводника электрического тока – кристалла кремния. Весь процесс записи заключается в изменении состояния полупроводника за счет воздействия на него импульса (напряжения), что напоминает эффект вспышки при создании фотографии, за что источники цифровой памяти, записанной таким путем, получили название флеш-памяти (от англ. «Flash» – вспышка) [2, с. 13].

Среди носителей данного типа выделяют карты памяти (MiniSD, Memory Stick, MicroSD, RS MMS) и флеш-диски USB

Именно электронные носители информации фигурируют в УПК РФ, при этом другие разновидности носителей (магнитные или оптические) в нем не указаны. Данное упущение приводит к парадоксальным последствиям, создает практические препятствия при производстве следственных действий и поле для злоупотребления правом со стороны органов следствия.

Например, согласно ч. 91.1 ст. 182 УПК РФ, при производстве обыска электронные носители информации изымаются с участием специалиста, а по ходатайству их владельца информация из них может быть скопирована на другой электронный носитель информации. Из данной нормы следует, что при изъятии жесткого диска компьютера (магнитного, а не электронного носителя цифровой информации) участие специалиста не требуется; владелец жесткого диска не может требовать копирования информации, содержащейся на нем.

Другой пример. Согласно буквальному смыслу той же нормы в совокупности с ч. 4 ст. 81 УПК РФ, цифровая информация не может быть скопирована на оптический диск и приобщена к материалам дела, так как оптический диск не является электронным носителем информации.

Из-за отсутствия единой правовой терминологии сам правоприменитель зачастую путает понятия «цифровой носитель информации» и «электронный носитель информации», используя каждое из них интуитивно и толкуя на уровне бытовых представлений о принципах работы компьютерной техники.

Так, Московский городской суд в своем апелляционном постановлении № 10-14255/15 от 19.10.2015 полностью отождествляет электронные и цифровые накопители информации: «положениями ст. 217 УПК РФ и ст. 47 УПК РФ, не предусмотрено снятие и получение обвиняемым при ознакомлении с материалами уголовного дела копии информации, содержащейся на признанных по делу вещественными доказательствами электронных накопителях... принимая во внимание установленные по делу обстоятельства невозможности снятия копий с цифровых и иных носителей информации, вывод следователя об отсутствии оснований для удовлетворения данного ходатайства, соответствует требованиям уголовно-процессуального закона и является обоснованным»¹.

В рамках другого уголовного дела следственный орган, наоборот, различает два данных понятия. Старший следователь следственного отдела по Орджоникидзевскому району г. Перми следственного управления следственного комитета РФ по Пермскому краю обратился в Орджоникидзевский районный суд г. Перми с постановлением о возбуждении ходатайства о производстве обыска в жилище подозреваемых с целью обнаружения следов преступления, в том числе для отыскания «системных блоков персональных компьютеров, ноутбуков и иных электронных и цифровых носителей информации»² [12 сноска].

В связи с этим представляется, что использование в УПК РФ термина «электронный носитель информации» необоснованно сужает круг предметов, в отношении которых может быть осуществлено изъятие (при участии специалиста) и копирование компьютерной информации. Указание в тексте закона наряду с данным термином также терминов «магнитный носитель информации» и «оптический носитель информации» также видится неоправданным, так как в недалеком будущем могут быть разработаны новые виды носителей цифровой информации.

¹ Апелляционное постановление Московского городского суда № 10-14255/15 от 19.10.2015 // СПС «Гарант».

² Кассационное определение Пермского краевого суда № 22-3595 от 26.05.2011 // СПС «Гарант».

Вместо этого, на наш взгляд, в УПК РФ необходимо внести более общий термин «цифровой носитель информации», который бы подразумевал различные типы носителей цифровой информации и обеспечил единый для всех носителей режим изъятия и копирования содержащейся на них информации.

Примечания

1. Бахур В. С. Запись CD и DVD: профессиональный подход : учеб.-популярное издание. – СПб.: Питер, 2006. – 352 с.
2. Водовозов А. М. Микроконтроллеры для систем автоматики : учеб. пособие. – М. : Инфра-Инженерия, 2016. – 164 с.
3. Диков А. В. Компьютер изнутри : учеб. пособие. – М. : Директ-Медиа, 2015. – 126 с.
4. Казначей И. В. Использование технических средств коммуникации в уголовном судопроизводстве (пути совершенствования) : дис. ... канд. юрид. наук. – Волгоград, 2014. – 256 с.
5. Краснова Л. Б. Электронные носители информации как вещественные доказательства // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2013. – №4-2. – С. 254-260.
6. Оконенко Р. И. Электронные доказательства и проблемы обеспечения прав граждан на защиту тайны личной жизни в уголовном процессе: сравнительный анализ законодательства Соединенных Штатов Америки и Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2016. – 158 с.
7. Рыжаков А. П. Обыск и выемка: основания и порядок производства // СПС Консультант Плюс, 2013.
8. Сенкевич Г. Е. Искусство восстановления данных. – СПб. : БХВ-Петербург, 2011. – 304 с.
9. Соколов Ю. Н. Электронное наблюдение в уголовном судопроизводстве и оперативно-розыскной деятельности. – Екатеринбург : Оптима-Проф, 2006. – 164 с.
10. Федотов И. С., Смагин П. Г. Электронные носители информации: «вещественные доказательства» или «иные документы»? // Вестник ВГУ. Серия: Право. – 2014. – № 3. – С. 191-199.

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СФЕРЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ В ОБЛАСТИ ПРАВИЛ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ

Ксения Андреевна Крюкова

Российский государственный университет правосудия, Уральский филиал,
г. Челябинск, Российская Федерация
E-mail: Kryukowa.ksenia@yandex.ru

Альмира Маратовна Шарафудинова

Российский государственный университет правосудия, Уральский филиал,
г. Челябинск, Российская Федерация
E-mail: sharf25@outlook.com

Научный руководитель – **Алена Владимировна Тищенко**

Российский государственный университет правосудия, Уральский филиал

В данной статье рассматриваются проблемы использования видеозаписи с видеорегистратора и камер видеофиксации на дорогах в качестве доказательств и приобщения их к материалам дела. А также использование современных технологий в сфере доказательств административных правонарушений.

Ключевые слова: информационные технологии, видеорегистратор, камеры видеофиксации, квадрокоптер, современные технологии, автомобильные дороги.

INFORMATION TECHNOLOGIES IN THE SPHERE OF PROOFS OF TRAFFIC OFFENCES

Kseniya Kryukova

Russian State University of Justice, Uralian branch, Chelyabinsk, Russian Federation
E-mail: Kryukowa.ksenia@yandex.ru

Almira Sharafudinova

Russian State University of Justice, Uralian branch, Chelyabinsk, Russian Federation
E-mail: sharf25@outlook.com

Student advisor – **Alyona Tyshchenko**

Russian State University of Justice, Uralian branch

In this article problems of use of a video from the video recorder and surveillance cameras on roads as proofs and its attaching to case papers are considered. And also use of modern technologies in the sphere of proofs of administrative offenses is considered.

Keywords: information technologies, video recorder, surveillance cameras, quadcopter, modern technologies, highways.

Техника, с каждым днем заполняет нашу жизнь все больше и больше, и такая, казалось, привычная для любого автолюбителя

вещь, как видеорегистратор, сегодня собирает в себе множество новейших технологий. Видеорегистратор – устройство, предназна-

ченное для записи, хранения и воспроизведения видеoinформации [3]. Нам предлагают всевозможные видеорегистраторы: разных дизайнов, маленьких размеров, малого веса, с расширенной камерой, со встроенной камерой и так далее. Всем известно, что ситуации, которые случаются сегодня на автомобильных дорогах, довольно непредсказуемы и опасны. В таких случаях видеорегистратор – это вещь полезная и необходимая для автомобилистов, ведь видеозапись с него является явным свидетельством вашей виновности или невиновности.

Мы провели в сети Интернет на сайте Анкетолог.ги небольшой опрос водителей об информационных технологиях в сфере ПДД, в результате которого мнения поделились: 40% полностью не доверяют видеофиксации на дорогах, 22% – доверяют полностью. На вопрос: Помог ли Вам видеорегистратор, если вы попали в ДТП? – 66% хотели приобщить запись к делу, но им не дали возможности по ряду причин, оговоренных далее, 22% не видят необходимости в приобщении видеозаписи, 12% запись помогла решить конфликт, 38% опрошенных не исключают ошибку фиксации нарушения. На вопрос: «Хотели бы видеть, кроме обычных камер, на дорогах квадрокоптеры?» – опрошенные не смогли дать ответа, так как не знали, что это такое [2].

Этот опрос выявил ряд проблем в использовании видеозаписи в качестве допустимого доказательства при разрешении материалов о происшествии.

Если Вам удалось заснять происшествие, необходимо отразить этот факт в протоколе, а также сделать запись о передаче ее сотруднику органов внутренних дел. Допускается ситуация, когда забыли отразить факт съемки в протоколе. В таком случае самостоятельно заявляется ходатайство о приобщении видеозаписи к материалам дела. Как правило, видеорегистратор продолжает съемку и после аварии, поэтому желательно сделать так, чтобы в кадр попал прибывший сотрудник ГИБДД, а также зафиксировать номерной знак его служебного автомобиля. Не следует передавать сотруднику ГИБДД единственный экземпляр носителя с записью, поскольку она попросту может потеряться или оказаться случайно удаленной.

В ходе опроса также стало известно, что не все водители смогли приобщить видеозапись с регистратора к материалам дела. Если инспектор отказывается приобщать запись к делу, следует сделать отметку об этом в протоколе и подписать.

В соответствии с Федеральным законом от 26 апреля 2016 г. № 114-ФЗ «О внесении изменения в статью 26.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» документы признаются доказательствами, а к ним «могут быть отнесены материалы фото- и киносъемки, звуко- и видеозаписи, информационных баз и банков данных и иные носители информации. Доказательствами по делу об административном правонарушении являются любые фактические данные... имеющие значение для правильного разрешения дела¹.

В случае отказа судом в рассмотрении видеозаписи в качестве доказательства, суд обязан дать мотивированное разъяснение в письменном виде. Это, в свою очередь, может стать подспорьем при ходатайстве о пересмотре дела и, как следствие, исправлении допущенных в процессе приобщения к делу видеозаписи «ошибок».

В настоящее время записи видеорегистратора должны использоваться и используются как при разрешении конфликтов в досудебном порядке или в судах. Но видеорегистратор не единственная информационная технология в сфере правонарушений ПДД. Технологии совершенствуются, делая существующие средства обнаружения и предупреждения беспомощными.

Многие перекрестки города оснащены камерами видеофиксаций нарушений. Основное предназначение всех технических нововведений – держать нарушителей ПДД в страхе и тем самым призвать их к порядку². Нарушения фиксируются при помощи средств видеозаписи, фото- и киносъемки, которые работают исключительно в автоматическом режиме.

В соответствии с приказом МВД № 185 «Об утверждении административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации исполнения государственной функции по контролю и надзору за соблюдением участниками дорожного движения требований в области обеспечения безопасности дорожного движения» применение средств автоматической фиксации с 1 июля 2013 г. в местах, где ограничения движения установлены дорожными знаками и разметкой 1.24.4³, не всегда есть сведения о наличии камер.

¹ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : федер. закон от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Российская газета. – 2001. – 31 декабря.

² Им видно все. – <http://www.sec.ru>

³ О Правилах дорожного движения (вместе с «Основными положениями по допуску транспортных средств к эксплуатации и обязанности должностных лиц по обеспечению безопасности») : постановл. Правительств РФ от 23 октября 1993 г. № 1090 (ред. от 10 сентября 2016 г.) // СПС КонсультантПлюс.

Также проблема с камерой может быть и чисто механическая: осевшая пыль или налипшая грязь. При условии хорошей освещенности с задачей зафиксировать номера несущегося авто, они, вероятно, справятся, а вот в сумерках и ночью, скорее всего, большинство из них окажутся бесполезными.

Некоторые считают, что их оштрафовывали незаслуженно. Например, система зафиксировала, что автомобиль Ford Focus промчался по улицам г. Орел со скоростью 1418 километров в час, что превышает максимальную скорость автомобиля. Это пример технической ошибки в работе комплексов автоматической фиксации. И такой штраф должен аннулироваться сотрудниками ГИБДД.

На смену камерам видеофиксации на дорогах приходят новые современные технологии. Эксперты говорят, что они намного результативнее справляются со своими функциями. Так, в США и Германии давно популярна фиксация ДТП с помощью квадрокоптеров.

В России 30 марта 2016 г. вступили в силу поправки в Воздушный кодекс Российской Федерации, согласно которому с помощью беспилотников можно осуществлять видеофиксацию [1]. В Хабаровске начали использовать квадрокоптеры для мониторинга дорожного движения и видеофиксации нарушений. В первые же минуты было зафиксировано несколько нарушений – движение

по обочине и нарушение правил обгона. Но если пересечение сплошной линии разметки достаточно запечатлеть на камеру (либо пересек, либо нет), то как определить, безопасную дистанцию или безопасный боковой интервал? Разве в правилах сказано, что на скорости 40 км/ч безопасная дистанция составляет 3 метра? Соотнести скорость машины, ускорения, амплитуды перемещения, да еще с учетом особенностей рельефа? Потребуется программное обеспечение, последующая юстировка техники, обучение персонала и так далее – бешеные расходы. Это как со стационарными камерами автоматической фиксации, на установку и обслуживание, которых уходит немалая доля собираемых «штрафных» денег.

Исходя из вышесказанного, информационные технологии в сфере доказательств административных правонарушений в области правил дорожного движения заключаются в использовании средств видеофиксации, которые со временем совершенствуются и вытесняют менее эффективные средства доказывания правонарушений. В России на сегодняшний день не хватает финансовых средств и технических усилий для оснащения средствами видеофиксации, обеспечивающими эффективное разрешение проблем, связанных с их объективностью и законностью.

Примечания

1. Конев В. Н., Рубин Д. Т., Стариковский А. В. Разработка квадрокоптеров со специальными свойствами для проведения разведывательных операций // Спецтехника и связь. – 2014. № 1.
2. Крюкова К. А., Шарафудинова А. М. Ваше отношение к средствам видеофиксации автомобильных дорог. – <https://anketolog.ru> (дата обращения 25.10.16.)
3. Хаустов С. Н. Современные системы видеонаблюдения, этапы развития // Вестник Воронежского института МВД России. – 2012. – № 1.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИЗЪЯТИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ НОСИТЕЛЕЙ ИНФОРМАЦИИ В ХОДЕ ПРОИЗВОДСТВА СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ: АНАЛИЗ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ

Татьяна Сергеевна Крюкова

Санкт-Петербургский государственный университет,

г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

E-mail: tanya7877@yandex.ru

Статья посвящена ряду проблем, связанных с процессуальным регулированием порядка изъятия электронных носителей информации в ходе производства следственных действий. Эмпирическую основу исследования составляют результаты обобщения практики судов по уголовным делам за период после внесения в УПК РФ изменений Федеральным законом от 28 июля 2012 г. № 143-ФЗ. В целях обеспечения большей репрезентативности выборки для анализа использована практика различных регионов РФ.

Ключевые слова: электронный носитель информации, цифровая информация, копирование, уголовное судопроизводство, следственное действие.

SOME ISSUES OF WITHDRAWAL OF ELECTRONIC DATA STORAGE DURING THE INVESTIGATIVE PROCEEDINGS: ANALYSIS OF COURT PRACTICE

Tatyana Kryukova

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

E-mail: tanya7877@yandex.ru

The article is devoted to the number of problems related to procedural regulation of withdrawal of electronic data storage during the investigative proceedings. Empiric basis of research consists of the results of generalization of court practice on criminal cases over the period of amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation made by the Federal Law of the Russian Federation № 143-FZ of 28 July 2012. The practice of various regions of the Russian Federation was used in order to assure the highest level of the representativeness of the sample.

Keywords: electronic data storage, digital information, copying, criminal proceedings, investigative action.

В самом общем виде выделяют следующие способы получения цифровой информации в ходе производства следственных действий: изъятие электронных носителей информации с последующим исследованием представленной на них информации и копирование представляющей интерес для уголовного дела цифровой информации на электронные носители следователя без изъятия самих носителей.

И первый и второй способ имеет свои плюсы и минусы, которые предопределяют возможность выбора того или иного варианта на практике.

Тем не менее, как показывает анализ судебной практики, основным способом получения цифровой информации в ходе следственных действий является изъятие электронных носителей информации: такой способ составляет около 96% случаев. И только 4% приходится на копирование цифровой информации на электронные носители следователя.

Особенности порядка проведения следственных действий, в ходе которых изымаются электронные носители информации, были учтены законодателем и воплощены в нормах, введенных Федеральным законом

от 28 июля 2012 г. № 143-ФЗ¹. Заметим, что регулирование затронуло ограниченный круг следственных действий – обыск и выемку. Действительно, необходимость изъятия электронных носителей информации возникает, прежде всего, в ходе упомянутых следственных действий. Об этом свидетельствуют результаты обобщения практики: подавляющее число случаев изъятия электронных носителей приходится именно на обыск и выемку (52% и 41% соответственно). Однако нельзя игнорировать тот факт, что изъятие электронных носителей может потребоваться и в ходе иных следственных действий (осмотр места происшествия, проверка показаний на месте и др. – 7% случаев).

Анализ практики показал, что суды не идут по пути аналогии уголовно-процессуального закона и решают вопрос о необходимости участия специалиста и предоставлении возможности копирования информации в иных следственных действиях отрицательно. Однако надо принять во внимание, что в таком случае могут быть не обеспечены права законных владельцев электронных носителей. В частности, им будет отказано в осуществлении копирования информации с изымаемых электронных носителей.

Внесение в УПК РФ положений о порядке изъятия электронных носителей информации в статьи, посвященные порядку проведения иных следственных действий, кроме обыска и выемки, в ходе которых также может потребоваться изъятие электронных носителей информации, позволит решить данную проблему.

Если исходить из буквального толкования ч. 9.1. ст. 182 и ч. 3.1. ст. 183 УПК РФ², можно прийти к выводу, что специалист требуется в любых случаях изъятия электронных носителей информации при производстве обыска и выемки.

Обобщение судебной практики по вопросу о необходимости привлечения специалиста для участия в производстве обыска и выемки показало ее противоречивость. При одних и тех же обстоятельствах, а именно, при изъятии электронных носителей информации в отсутствие специалиста, протоколы следственных действий в некоторых случаях были признаны недопустимыми доказа-

тельствами, а в некоторых – были признаны допустимыми.

Только в 10% судебных решений отсутствие специалиста было признано существенным нарушением порядка производства следственных действий (обыска или выемки), связанных с изъятием электронных носителей информации и повлекло за собой признание протоколов следственных действий недопустимыми доказательствами.

В большинстве судебных решений вопрос о необходимости привлечения специалиста решается исходя из того, осуществлялось ли копирование информации, содержащейся на изъятых носителях, на другие электронные носители по ходатайству законного владельца изымаемых носителей или обладателя содержащейся на них информации. Однако некоторые суды решают вопрос о необходимости участия специалиста, исходя из буквального толкования положений УПК РФ. Присутствие специалиста признается ими необходимым в любых случаях изъятия электронных носителей информации при производстве обыска и выемки.

Противоречивая судебная практика обусловлена не очень четким процессуальным регулированием порядка изъятия электронных носителей информации в ходе следственных действий. Согласимся с некоторыми авторами в том, что изъятие электронных носителей информации без участия специалиста может быть осуществлено в случае, если электронные носители изымаются целиком и в ходе их изъятия не осуществляется копирование содержащейся на них цифровой информации [3, с. 121]. Достоверность и обоснованность таких выводов находят подтверждение в проанализированной нами судебной практике.

По нашему мнению, требует уточнения также само понятие «электронный носитель информации», определение которого можно обнаружить лишь в технических стандартах. В ГОСТ 2.051-2013 указывается, что под электронным носителем следует понимать «материальный носитель, используемый для записи, хранения и воспроизведения информации, обрабатываемой с помощью средств вычислительной техники»³. Такое широкое определение электронного носителя с неизбежностью влечет проблемы на практике, приводя к абсурдным ситуациям, когда один и тот же объект в некоторых случаях

¹ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 28 июля 2012 г. № 143-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 31. – Ст. 4332.

² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 6 июля 2016 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.

³ ГОСТ 2.051-2013. ЕСКД. Электронные документы. Общие положения : введен приказом Росстандарта от 22 ноября 2013 г. № 1628-ст. – М. : Стандартинформ, 2014.

признается электронным носителем информации со всеми вытекающими последствиями (например, необходимость привлечения специалиста при изъятии такого носителя в ходе обыска и выемки), а в других – не признается. В частности, неоднозначно на практике решается вопрос об отнесении к категории электронных носителей информации мобильных телефонов и оптических дисков.

Уточнения требуют и случаи отказа следователя в осуществлении копирования информации по ходатайству законного владельца изымаемых электронных носителей информации или обладателя содержащейся на них информации, если это может воспрепятствовать расследованию преступления либо, по заявлению специалиста, повлечь за собой утрату или изменение информации. Согласимся с мнением некоторых авторов в том, что отсутствуют четкие критерии, подтверждающие возможность наступления указанных последствий при осуществлении копирования [4, с. 140]. Это обстоятельство в отдельных случаях способно приводить

к безосновательному отказу в копировании. Как отмечает А.В. Шигуров, термин «воспрепятствование расследованию преступления» допускает произвольное толкование, что может привести к нарушениям прав законных владельцев электронных носителей информации [4, с. 140]. Об этом свидетельствует также проведенный нами анализ судебной практики: следователи отказывают в удовлетворении ходатайства о копировании цифровой информации в 50% случаев, и такое решение во многих случаях не является обоснованным и мотивированным.

В заключение отметим, что, к сожалению, законодатель не всегда успевает за развитием информационного общества, вследствие чего регулирование правоотношений оказывается неполным, влечет на практике ситуации неопределенности и вызывает потребность в совершенствовании действующего законодательства. В статье это было проиллюстрировано на примере процессуального регулирования порядка изъятия электронных носителей информации.

Примечания

1. Старичков М. В. Вопросы использования носителей компьютерной информации в качестве доказательств // Известия ТулГУ: Экономические и юридические науки. – 2014 г. – Вып. 2. – С. 119-125.
2. Шигуров А. В. Проблемы регулирования порядка проведения следственных действий, сопровождающихся изъятием электронных носителей информации // Библиотека криминалиста. – 2013. – № 5 (10). – С. 135-140.

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ АУДИОПРОТОКОЛИРОВАНИЯ В СУДАХ ОБЩЕЙ ЮРИСДИКЦИИ

Мария Олеговна Медведева

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя,

г. Москва, Российская Федерация

E-mail: mashulyamedvedeva@yandex.ru

В настоящей статье нашли свое отражение некоторые проблемные моменты осуществления аудиопротоколирования в работе судов общей юрисдикции. Среди них: отсутствие достаточных навыков работы с оборудованием, обеспечивающим аудиопротоколирование, у работников суда; отсутствие мотивации у специалистов, работающих в аппарате суда; отсутствие контроля за внедрением и использованием системы аудиопротоколирования; отсутствие локальных регламентирующих документов. Был сделан вывод, что проблемы носят больше организационно-технический характер и преодолимы.

Ключевые слова: суд, аудиопротоколирование, протокол, аппарат суда, судебное заседание, судебное разбирательство, обжалование.

PROBLEMS OF IMPLEMENTATION OF AUDIO MANDATED RECORDING IN COURTS OF GENERAL JURISDICTION

Maria Medvedeva

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot,

Moscow, Russian Federation

E-mail: mashulyamedvedeva@yandex.ru

In the article some of the most problematic aspects of implementation of audio mandated recording in the courts of general jurisdiction are reflected. There are the following aspects: employees of the court have lack of sufficient skills to operate the equipment, providing audio mandated recording; specialists in the office of the court have lack of motivation; lack of control over the implementation and use of system audio mandated recording; lack of local regulations. The conclusion was drawn that problems have more organizational and technical character and are surmountable.

Keywords: court, audio mandated recording, protocol, court office, court hearing, trial, appeal.

Протокол судебного заседания призван быть зеркалом процесса. В частности, в нем закрепляется очень важная информация доказательственного характера. Порой точно зафиксированная в протоколе на первый взгляд незначительная деталь судебного разбирательства может самым существенным образом повлиять на оценку судебного акта [1, с. 66-75].

В связи с чем протокол судебного заседания следует определять как один из значимых процессуальных документов. Протокол является единственным процессуальным документом, в котором нашел свое отражение и закрепление весь ход судебного разбирательства.

Протокол выступает своего рода источником доказательств для судов вышестоящих инстанций, которые, исследуя его содержание,

делают выводы о том, насколько вынесенные решения соответствуют требованиям законности, справедливости и обоснованности.

Отсутствие в деле протокола судебного заседания является безусловным основанием для отмены решения, а отсутствие в материалах дела протокола заседания суда апелляционной инстанции, либо грубое нарушение требований, предъявляемых процессуальным законодательством к его составлению, может послужить основанием для отмены апелляционного определения в кассационном порядке с направлением дела на новое апелляционное рассмотрение.

Помимо того, протокол – это гарант принципа гласности процесса в судах общей юрисдикции [2, с. 34-36]. Непосредственное проявление данного принципа – это реализация права получить (воспринять) инфор-

мацию, отражающую правосудие, в коммуникативной или документированной формах. Это является важным фактором, поскольку для судебной системы открытость и прозрачность правосудия очень важны. В связи с чем использование аудиопотоколивания в судебном заседании, по нашему мнению, повышает эффективность работы данного принципа.

С одной стороны, для практиков очевиден тот факт, что «рукописное» ведение протокола является элементом, в целом замедляющим ход судебного разбирательства. Так, нередки случаи, когда участник процесса останавливается судьей только потому, что секретарь не успевает вести протокол [3, с. 5-8]. И это нельзя назвать позитивной практикой.

Вместе с тем при использовании аудиопотоколивания встречаются отдельные проблемные моменты, которые и будут рассмотрены в настоящей статье.

Программно-аппаратный комплекс записи дает возможность секретарю судебного разбирательства в полуавтоматическом режиме производить формирование протокола. Результатом данных действий является основа протокола, а также проект фонограммы, дающей возможность в краткие сроки уточнить протокол и подготовить его в окончательной редакции.

Положительным нам видится то, что:

протокол создается и во время судебного разбирательства, и после него;

детально фиксируется судебное заседание; протокол ведется с привязкой к хронологии событий;

наличие архива судебных заседаний и возможность их передачи по локальной сети;

возможность исследования аудиозаписи дела вышестоящими инстанциями в процессе обжалования;

минимизация недостатков, присущих «бумажному» способу ведения протокола и т. д.

Вместе с тем существуют и проблемы, которые мы условно подразделим на четыре группы.

1. Отсутствие достаточных навыков работы с оборудованием, обеспечивающим аудиопотоколивание, у работников суда.

2. Отсутствие мотивации у специалистов, работающих в аппарате суда, поскольку по сути аудиопотоколивание является дополнительной нагрузкой по работе.

3. Отсутствие контроля за внедрением и использованием системы аудиопотоколивания.

4. Отсутствие документов, регламентирующих сам процесс аудиопотоколивания в суде.

Кроме того, еще недостатками рассматриваемого технологического способа является увеличение времени подготовки протокола, которое следует из «двойной» работы секретаря и необходимости изучения полной «стенограммы» аудиозаписи.

Последующее изучение практики организационной работы аппарата судов общей юрисдикции свидетельствует о том, что указанные временные затраты увеличиваются исходя из необходимости:

1. Изготовления копии аудиозаписи протокола судебного заседания на основании ходатайства лица, участвующего в деле.

2. Копирования на единый CD-диск всех аудиозаписей по конкретному делу, приобщения его к материалам дела. Всеми последующими инстанциями, при обжаловании вынесенного решения суда общей юрисдикции, оно будет проверяться [4, с. 8-10]. В том числе проверке будет подвергаться и протокол судебных заседаний: письменный и в аудиозаписи. Указанная работа очень времязатратна. В связи с чем сомнительно, что вышестоящие суды справятся с повышенным объемом работы, не снижая ее качества.

3. Объявления перерыва в судебном заседании при возникших технических неполадках аудиооборудования.

4. Обеспечения реализации права сторон дела на ознакомление с протоколом судебного заседания, поскольку в этом случае им должна быть также вручена и аудиозапись.

5. Решения вопроса, возникающего при обнаружении неисправности аудиозаписывающей аппаратуры после состоявшегося судебного заседания или производства некачественной аудиозаписи.

Вне зависимости от существующих в настоящее время трудностей преобладает понимание того, что внедрение аудиопотоколивания достаточно перспективно в силу нижеследующего:

сокращается время проведения судебного заседания;

определенным образом дисциплинируются участники процесса, поскольку каждое их слово, реплика, подлежат записи;

отсутствует необходимость останавливать ведение процесса по причине того, что секретарь судебного разбирательства не успевает вести протокол;

сокращается число вносимых замечаний на протокол, поскольку все то, что было сказано, можно детально восстановить в результате прослушивания записи;

вышестоящая инстанция имеет возможность детально проанализировать все обстоятельства дела;

все вышеуказанное дает возможность скрупулезно разобрать каждую ситуацию и принять верное и непредвзятое решение.

Аудиозапись обеспечивает непрерывную фиксацию всех данных судебного заседания и позволяет ссылаться на нее в случае возникновения возражений против содержания письменного протокола заседания.

С течением времени, как мы полагаем, вышеуказанные проблемы, по своей сути носящие организационно-технический характер, преодолимы.

Считаем, что при сильной загруженности судов общей юрисдикции повсеместное внедрение технологии аудиопотоколивания оптимизирует их работу, поскольку аудиопотоколивание позитивно влияет на соблюдение разумных сроков судопроизводства.

Примечания

1. Боннер А. Т. Протокол судебного заседания как доказательство в гражданском процессе // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2015. – № 8. – С. 66-75.

2. Макарец А. В., Колесникова М. М. Применение аудиопотоколивания в ходе судебного заседания // Арбитражный и гражданский процесс. – 2012. – № 7. – С. 34-36.

3. Прохорова Е. А. Протоколы следственных и судебных действий как доказательства: сравнительно-правовой анализ // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2014. – № 6. – С. 5-8.

4. Фролкин Н. П. Возможности протоколирования процессуальных действий в уголовном судопроизводстве с использованием электронных (цифровых) средств // Российский следователь. – 2014. – № 11. – С. 8-10.

СОБИРАНИЕ ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ, РАЗМЕЩЕННЫХ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Оксана Витальевна Овчинникова

кандидат юридических наук,

Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), г. Челябинск, Российская Федерация

E-mail: ovchinnikova-ov@yandex.ru

В статье рассматриваются вопросы собирания «электронных доказательств», предлагается определение понятия «электронного доказательства». На основе анализа юридически значимых признаков автором предлагаются дополнения в законодательную регламентацию изъятия цифровых данных и алгоритм процессуальных действий для фиксации электронной информации, размещенной в телекоммуникационной сети Интернет.

Ключевые слова: электронные доказательства, цифровая (электронная) информация, фиксация электронной информации, критерии допустимости электронных доказательств.

GATHERING OF ELECTRONIC EVIDENCE, PLACED IN THE INTERNET

Oksana Ovchinnikova

Candidate of Law,

South Ural State University (national research university), Chelyabinsk, Russian Federation

E-mail: ovchinnikova-ov@yandex.ru

The article deals with the issues of gathering of «electronic evidence», a definition of «electronic evidence» is proposed. On the basis of legally significant features the author proposed additions to the legislative regulation of withdrawal of digital data and an algorithm for the proceedings of clamping the electronic information contained in the Internet.

Keywords: electronic evidence, digital (electronic) information, clamping of electronic information, the criteria for the admissibility of electronic evidence.

Актуальность исследования вопросов собирания «электронных доказательств», определения порядка их использования в доказывании обусловлена стремительно развивающимся процессом информатизации общества. В настоящее время использование информационных технологий стало неотъемлемым элементом повседневной жизни, что обуславливает неизбежность их применения в преступной деятельности.

Однако сотрудники правоохранительных органов испытывают существенные трудности как при выявлении, так и при раскрытии данной категории преступлений. Так, за 11 месяцев 2016 г. выявлено всего 1616 преступлений в сфере компьютерной информации, что на 29,2 % меньше чем в прошлом году. При этом раскрыто всего 818 преступлений, что составляет только 50,6%¹.

¹ Статистика и аналитика: официальный сайт МВД России. – <https://мвд.рф> (дата обращения 09.12.2016).

Недостаточная эффективность правоохранительной деятельности обусловлена особым характером доказательственной информации, фиксация которой необходима для привлечения виновных лиц к уголовной ответственности. В случае совершения преступления с использованием информационных технологий его следы остаются не на предметах реального мира в материальном виде, а на электронных носителях в виде цифровой информации. Тем не менее, в действующем уголовно-процессуальном законодательстве возможность использования такой информации в доказывании никак не регламентирована, что затрудняет оценку ее допустимости.

В соответствии с законом доказательствами не могут быть неотносимые и недопустимые сведения, поскольку они не имеют юридической силы. Отграничение доказательств от любой иной информации достигается

с помощью закрепленных в законе требований, касающихся источника информации и способа ее получения [3, с. 153]. Каждый вид доказательств имеет свой процессуальный порядок получения сведений [6, с. 97].

Для того чтобы использовать цифровые данные необходимо придать им процессуальную форму. Однако виртуальный характер этой информации не позволяет отнести ее ни к одному из предусмотренных законом источников доказательств. В уголовно-процессуальном законодательстве говорится лишь об электронных носителях информации, которые в соответствии с п. 5 ч. 2 ст. 182 УПК РФ определены как один из видов вещественных доказательств. Все же в большинстве случаев для установления обстоятельств уголовного дела имеет значение не сам носитель, а содержащаяся на нем цифровая информация.

В связи с этим считаем необходимым дифференцировать понятия «электронный носитель информации» и «электронная (цифровая) информация», применив недавно появившийся в уголовно-процессуальной науке термин – «электронное доказательство».

Применение указанного термина и определение его существенных свойств может помочь законодательно урегулировать проблемы правоприменительной деятельности, возникающие при проведении следственных действий по поиску и сбору цифровых данных в качестве доказательств.

В целях определения содержания указанного понятия следует выделить основные признаки и свойства электронной (цифровой) информации, имеющие юридическое значение и подлежащие учету при разработке процессуальной регламентации.

Р.Г. Бикмиев, Р.С. Бурганов в качестве основных признаков отмечают неосязаемость электронных доказательств, необходимость для их изъятия специальных устройств, а зачастую и лиц, обладающих специальными познаниями, а также легкость изменения и уничтожения электронных доказательств [1, с. 19].

Р.И. Оконенко полагает, что юридическое значение имеют следующие свойства цифровой информации:

- 1) способность цифровых устройств хранить значительный объем сведений;
- 2) легкость копирования сведений, содержащихся на электронном носителе;
- 3) возможность получения информации, хранящейся как в памяти самого устройства, так и в информационно-телекоммуникационной сети Интернет или в иной коммуникационной системе;

4) относительность и неочевидность содержания цифровых данных. К примеру, определенная часть хранящейся на электронных носителях информации является метаданными, о существовании которых пользователь компьютера, как правило, не догадывается. Между тем метаданные часто содержат важную информацию об операциях пользователя с файлами [5, с. 122].

Признавая значимость вышеуказанных признаков, автор полагает, что наиболее существенной особенностью электронной (цифровой) информации является невозможность восприятия ее содержания без использования технических средств.

Таким образом, электронным доказательством являются сведения о фактах, имеющих значение для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, зафиксированные в форме цифровой информации, восприятие содержания которой невозможно без применения технических средств.

Указанное определение детерминирует основное направление формирования уголовно-процессуальной регламентации собирания электронных доказательств – разработку способов фиксации цифровой информации на материальный носитель, обеспечивающих гарантии ее достоверности.

При этом основным требованием является контролепригодность электронного доказательства, которая определяется как возможность проведения контроля достоверности электронного документа [2, с.12].

При оценке цифровой информации, представленной в качестве доказательства, прежде всего, должна учитываться правильность способа фиксации этой информации, ведь ее закрепление на определенном носителе может отражаться на достоверности электронного доказательства. Процессуальные требования, регламентирующие порядок изъятия цифровой информации, определяют только необходимость участия специалиста при изъятии электронных носителей, а также право собственника информации получить копию изъятых данных (ст. 182, 183 УПК РФ).

Считаем целесообразным более детально регламентировать порядок изъятия электронной информации, определив способ ее фиксации в зависимости от местонахождения цифровых данных:

- 1) энергонезависимое устройство, предназначенное для переноса и хранения информации (USB-накопитель, карта памяти, внешний жесткий диск);

2) персональное цифровое устройство (компьютер, ноутбук, планшет, мобильный телефон);

3) виртуальное пространство телекоммуникационной сети Интернет.

В первых двух случаях, как правило, изымается не цифровая информация, а само электронное устройство. При этом, 95% опрошенных следователей отметили, что участие специалиста при изъятии электронных носителей информации нарушает принцип процессуальной экономии, поскольку его роль сводится к упаковке предметов, производство которой может быть осуществлено следователем; 5% опрошенных согласились с целесообразностью участия специалиста при необходимости отсоединения электронного устройства от сети, либо демонтажа устройства для изъятия его составных частей (жесткий диск и т. д.). Суды придерживаются аналогичной точки зрения, нами проведен мониторинг уголовных дел, по результатам которого установлено, что цифровые носители информации признаются допустимым доказательством даже в случае отсутствия специалиста в ходе их изъятия.

Считаем необходимым нормативно закрепить сложившуюся судебную практику, внося в п. 9.1 ст. 182 УПК РФ дополнение об усмотрении следователя при привлечении к участию в следственном действии специалиста, а также установить срок на предоставление копий изымаемой информации – в течение 5 суток, поскольку в ходе обыска не всегда имеется техническая возможность для копирования.

В том случае, когда необходимая для установления обстоятельств уголовного дела цифровая информация размещена в виртуальном пространстве телекоммуникационной сети Интернет ее фиксация имеет существенную специфику: отсутствуют сведения о местонахождении техники и лица, разместившего информацию. Указанные сведения об этом могут быть получены только после установления интернет-провайдера, выяснения IP-адреса компьютера и его местонахождения. Более того, размещение информации может быть произведено не со стационарного компьютера, имеющего свой адрес, а через систему предоставления беспроводного доступа в Интернет в торговых комплексах, кафе и других местах общего пользования. В этом случае определить место совершения преступления становится технически невыполнимо.

Данные обстоятельства создают проблемы при организации проверки сообщения о пре-

ступлении, в связи с невозможностью определения территориальности. В ходе изучения материалов данной категории установлено, что 50% зарегистрированных сообщений направляются по подследственности, при этом 25% – неоднократно. Сложившаяся ситуация является недопустимой, поскольку она препятствует своевременному осуществлению правосудия и может привести к утрате доказательственной информации.

Н.А. Морозова предлагает внести изменения в уголовно-процессуальное законодательство по вопросу определения места происшествия при совершении преступления в телекоммуникационной сети Интернет [4, с. 39]. Однако данное понятие не является процессуальным, а относится к организационным вопросам, определяющим порядок деятельности следственно-оперативной группы. В связи с чем считаем возможным урегулировать данную проблему путем издания ведомственного нормативного акта, регламентирующего порядок проверки сообщения о преступлении, совершенного с использованием сети Интернет.

Проведенный нами системный анализ нормативных правовых актов в этой сфере показал, что такая практика в нормотворческой деятельности является общепринятой. Общий закон, как правило, не загромождается детальной регламентацией действий должностных лиц при проведении определенных им процедур. Необходимо утвердить Инструкцию о порядке проведения сотрудниками полиции проверки сообщения о преступлении, совершенного с использованием телекоммуникационной сети Интернет, предусмотрев следующее:

1) производить проверку сообщения о преступлении по месту его выявления;

2) местом происшествия считать единицу компьютерной техники, с использованием которой обнаружены признаки преступления.

Фиксация следов преступления должна производиться в ходе осмотра места происшествия. К производству следственного действия привлекаются понятые и специалист в сфере компьютерной информации. При этом понятые должны иметь навыки уверенного пользователя персонального компьютера и понимать смысл выполняемых действий.

Например, в ходе производства следственного действия объявляется, что производится проверка факта размещения информации экстремистского содержания в сети Интернет на сайте по определенному адресу.

Специалисту дается команда осуществить доступ к указанному сайту, в результате чего на экране должна появиться искомая информация. В протоколе фиксируются все выполняемые действия и содержание информации, появившейся на экране. При наличии признаков преступления производится дополнительная фиксация информации: специалистом выполняется скриншот экрана, изображение записывается на неперезаписываемый носитель информации, кроме того, производится распечатка интернет-страницы. При этом необходимо отметить, что имеется техническая возможность изменения содержания снимка и распечатываемой информации, поэтому основной гарантией достоверности является наличие понятых, внимание которых необходимо акцентировать на содержании обнаруженной информации.

После оформления протокол осмотра места происшествия подписывается всеми участниками, к нему прилагаются диск с записью скриншота экрана, фототаблицей со снимком и распечатанными материалами сайта. Каждая страница распечатанных материалов заверяется подписями всех участников осмотра, либо они подшиваются, опечатываются, после чего на лист с печатью наносятся подписи участников.

Аналогичным образом может быть зафиксирована аудио- и видеoinформация.

Указанные действия обеспечивают полную гарантию достоверности электронных

доказательств, их фиксацию на материальный носитель и возможность восприятия содержащихся в них данных без применения специального оборудования.

Следует отметить, что аналогичный способ фиксации электронных доказательств можно применить и в ходе осмотра изъятых электронных носителей информации.

При этом доказательством по уголовному делу должен признаваться не электронный носитель, а сама цифровая информация. Следователем выносится соответствующее постановление, в котором указывается на электронный характер доказательственной информации, определяется носитель, на котором она хранится при уголовном деле, наименование и вид программного обеспечения, с помощью которого можно осуществить доступ к сведениям, имеющим значение для уголовного дела.

При оценке допустимости электронных доказательств должно учитываться следующее: во-первых, надежность способа, с помощью которого обеспечивалась невозможность внесения изменений в цифровые данные; во-вторых, надежность способа, при помощи которого идентифицировался его составитель; в-третьих, правильность способа фиксации информации.

Соблюдение предложенных требований обеспечит формирование необходимой доказательственной базы по преступлениям в сфере высоких технологий и привлечение виновных лиц к уголовной ответственности.

Примечания

1. Бикмиев Р. Г. Собираение электронных доказательств в уголовном судопроизводстве // Информационное право. – 2015. – № 3. – С. 19-23.
2. Горелов М. В. Электронные доказательства в гражданском судопроизводстве России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2005. – 21 с.
3. Михайловская И. Б. Понятие доказательства и его свойства // Уголовный процесс : учебник / под ред. И. Л. Петрухина. – М., 2006. – 235 с.
4. Морозова Н. А. Проблемы привлечения к уголовной ответственности за экстремизм в информационной сети Интернет // Российский следователь. – 2014. – № 5. – С. 39-42.
5. Оконенко Р. И. Электронные доказательства как новое направление совершенствования российского уголовно-процессуального права // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – № 3. – С. 120-124.
6. Ульянова Л. Т. Предмет доказывания и доказательства в уголовном процессе России. – М. : Издательский дом «Городец», 2008. – 176 с.

ВНЕДРЕНИЕ ЭЛЕКТРОННЫХ СРЕДСТВ В УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО НА ПРИМЕРЕ КОМПЛЕКСНОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ СУДОВ ОБЩЕЙ ЮРИСДИКЦИИ

Алла Игоревна Тиунова

Уральский государственный юридический университет,

г. Екатеринбург, Российская Федерация

E-mail: allatiunova@yandex.ru

Данная статья посвящена анализу внедрения электронных средств и информационных технологий в уголовное судопроизводство на примере Комплексной информационной системы судов общей юрисдикции (КИС СОЮ) московских судов. Показаны преимущества планируемых нововведений, которые повысят качество и эффективность осуществления правосудия, а также отмечены недостатки, которые будут препятствовать получению максимально эффективного результата от использования КИС СОЮ.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, московские суды, нововведения.

INTRODUCTION OF ELECTRONIC MEANS IN THE CRIMINAL JUSTICE ON THE EXAMPLE OF THE INTEGRATED INFORMATION SYSTEM OF COURTS OF GENERAL JURISDICTION

Alla Tiunova

Urals State Law University, Ekaterinburg, Russian Federation

E-mail: allatiunova@yandex.ru

This article analyzes the introduction of electronic and information technologies in criminal proceedings on the example of the Integrated information system of courts of general jurisdiction (IIS CGJ) in Moscow courts. Article shows the advantages of the planned innovations that will improve the quality and efficiency of justice, and marks drawbacks that will interfere with getting the most effective results from the use of the IIS CGJ.

Keywords: criminal justice, Moscow courts, innovations..

Современный этап развития России характеризуется процессом информатизации различных сфер жизни. Такая тенденция не обошла и уголовный процесс. В Постановлении Правительства РФ от 27 декабря 2012 г. № 1406 «О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013-2020 годы» обозначены актуальные проблемы, касающиеся судебной системы России, в том числе связанные с качеством правосудия и сроками судопроизводства¹. Для решения данных проблем

¹ О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013-2020 годы : постановление Правительства РФ от 27 декабря 2012 г. № 1406 (ред. от 25 декабря 2015 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2013. – № 1. – Ст. 13.

требуется скорейшее внедрение в судебную систему современных информационно-коммуникационных технологий и выполнение комплекса мероприятий, направленных на информатизацию судебной системы.

Процедура рассмотрения уголовных дел регламентирована Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации, состоит из нескольких стадий и направлена на выяснение всех существенно значимых обстоятельств конкретного дела². Пока действующим Кодексом не предусмотрено использование каких-

² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.

либо особых электронно-технических средств, и такие словосочетания как «электронное правосудие», «электронное уголовное дело», которые все чаще можно услышать, существуют лишь в виде идей. Однако с 1 января 2017 г. в московских судах общей юрисдикции начнет действовать первая в России Комплексная информационная система судов общей юрисдикции (КИС СОЮ). О данной информационной системе рассказала в одном из интервью председатель судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда Любовь Ишмуратова³.

Эта система была разработана ЗАО «КРОК инкорпорейтед» – специалистом в области создания различных информационных систем⁴. Основной целью проекта является повышение открытости и эффективности работы судебной системы. Основными задачами данной системы станут обеспечение электронного взаимодействия судов и участников судопроизводства, судов и ведомств, способствующих отправлению правосудия, а также электронного взаимодействия между всеми уровнями судебной системы. Создатели данного проекта и Московские суды надеются на то, что применение Комплексной информационной системы судов общей юрисдикции приведет к положительным результатам:

будут обеспечены равные условия для доступа к правосудию граждан (устранение очередей, бумажной волокиты);

удастся достигнуть максимальной прозрачности судебных разбирательств;

исполнение решений будет производиться своевременно;

будет произведена оптимизация рабочего времени работников судов;

Повысится безопасность обработки данных⁵.

Рассмотрим планируемые нововведения и проанализируем их значение для настоящего судопроизводства.

Во-первых, с 1 января 2017 года в московских судах общей юрисдикции будет вестись аудио- и видеозапись судебных заседаний.

Как отмечает председатель судебной коллегии Любовь Ишмуратова, в Московском городском суде уже ведется аудио- и видео-

запись всех судебных заседаний⁶. С видеоматериалами можно ознакомиться на сайте Московского городского суда⁷. Также система эффективно работает в четырех районных судах, а залы судебных заседаний еще двадцати четырех судов уже оснащены всей необходимой аппаратурой.

Использование таких средств позволит судье объективно проверить доводы, изложенные в жалобах сторон, касающихся нарушений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дела. Для этого необходимо будет просмотреть аудио/видеозапись и в случае, если нарушений выявлено не будет, то в удовлетворении жалобы и направлении ее в вышестоящую инстанцию будет отказано. У судьи, рассматривающего жалобу на нарушение норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, не будет необходимости истребовать материалы, связанные с проведением судебного заседания по рассмотрению того или иного уголовного дела, на бумажном носителе, потому что он будет иметь доступ к аудио- и видеоматериалам, хранящимся в Центре обработки данных. Это значительно сократит сроки рассмотрения подобных жалоб.

Также использование таких электронных средств будет хорошим подспорьем для секретарей, ведущих протоколы судебных заседаний, т. к. в случае недоразумений или сомнений у них будет возможность обратиться к аудио/видеозаписи.

Более того, ведение аудио/видеозаписей будет стимулировать судей проводить заседания в строгом соответствии с законом во избежание жалоб на нарушение УПК РФ, а также участников судебного процесса вести себя более корректно.

Во-вторых, представители Московских судов общей юрисдикции активно обсуждают возможность формирования уголовного дела в электронном виде, в том числе с Министерством внутренних дел и Следственным комитетом Российской Федерации. В настоящее время все материалы по делу поступают в суд на бумажном носителе. Объем таких материалов огромен, а получение доступа к ним для ознакомления является трудной процедурой в силу того, что такие документы необходимо сначала истребовать, а затем ознакомиться с сотнями томов, что занимает доста-

³ Как электронные суды будут рассматривать уголовные дела региона // Интернет-издание о высоких технологиях CNews. – 2016. – 19 октября. – http://ejustice.cnews.ru/articles/2016-10-18_lyubov_ishmuratova_elektronnoe_pravosudie_sdelaet_sudoproizvodstvo (дата обращения: 18.11.2016).

⁴ В Московских судах заработает комплексная информационная система // КРОК – системный интегратор: сайт. – <http://www.croc.ru/news/detail/60127/> (дата обращения: 18.11.2016).

⁵ Там же.

⁶ Как электронные суды будут рассматривать уголовные дела региона...

⁷ Видеозаписи судебных заседаний // Московский городской суд : официальный сайт. – <http://www.mosgorsud.ru/video/sudzs> (дата обращения: 23.11.2016).

точное количество времени. Формирование электронного дела позволит сэкономить это время, предоставит судьям оперативный доступ к материалам уголовного дела, например, при рассмотрении жалоб. Тем не менее, уголовные дела на бумажном носителе будут также продолжаться формироваться до тех пор, пока не будут внесены соответствующие изменения в законодательство.

В-третьих, с введением электронного правосудия планируется создание личного кабинета для адвоката, участвующего в деле и представившего ордер. С помощью личного пароля адвокат получит возможность круглосуточного доступа к материалам дела для ознакомления с ними, направления в суд ходатайств до начала судебного разбирательства, подачи апелляционных и кассационных жалоб по делу. Суд будет направлять адвокату ответы в электронном виде в личный кабинет, а также дублировать их на бумажном носителе по почте.

В-четвертых, планируется предоставление гражданам возможности подавать иски, заявления и жалобы через портал в электронном виде. Такая услуга поможет не только сократить очереди и повысить оперативность рассмотрения исковых заявлений и жалоб, но также снизить нагрузку на работников судов. В настоящее время им приходится тратить много времени, чтобы обработать почтовую корреспонденцию, зарегистрировать ее, передать в канцелярию и только после этого направить судье.

Все вышеперечисленные нововведения, несомненно, являются уникальными и изменят судопроизводство в лучшую сторону. Но и это еще не предел, и для развития уголовного процесса открыты огромные перспективы. Председатель судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда Любовь Ишмуратова отметила, что такая дополнительная возможность как система автоматической расшифровки аудиозаписей была бы очень полезна в работе судьи⁸. На данный момент, такая система в проект Комплексной информационной системы судов общей юрисдикции не включена.

Система автоматической расшифровки аудиозаписей позволит автоматически переводить аудиозапись судебного заседания в текстовый вид. Прежде всего, это во многом облегчит работу секретаря, который готовит протокол, т. к. он не будет тратить свое время на запись и перепечатку записей судебных процессов. Во-вторых, подобная система

⁸ Как электронные суды будут рассматривать уголовные дела региона...

сократит длительность судебной процедуры, которая связана именно с тем, что секретари не успевают быстро изготовить необходимые документы. С использованием такой системы протокол судебного заседания будет формироваться прямо в день его проведения. Также это позволит избежать возможных замечаний на протокол судебного заседания, потому что с помощью аудиозаписи можно будет легко проверить все, что говорилось в суде.

Проанализировав планируемые нововведения, можно сделать следующие выводы. Создание концепции «электронного правосудия» и применение его на практике на примере Комплексной информационной системы судов общей юрисдикции позволит:

1. Сократить сроки рассмотрения дел, исковых заявлений, жалоб. Использование электронных средств и документов в электронном виде повысит оперативность обработки, а также скорость обмена информацией, касающейся материалов уголовного дела, между сотрудниками, структурными подразделениями судов и участниками судебного процесса.

2. Сделать судопроизводство прозрачным, т. к. любой участник процесса, в том числе и адвокат, сможет детально ознакомиться с ходом судебного разбирательства на любой его стадии.

3. Снизить нагрузку на сотрудников судов путем сокращения бумажной работы и волокиты.

Таким образом, внедрение и развитие электронного правосудия путем использования информационных технологий и электронных средств приведет к повышению эффективности правосудия и судебной системы в целом.

Отмечая недостатки планируемого к введению электронного правосудия, следует обратить внимание на то, что оно запускается только в судах (на данный момент – только в московских судах с 1 января 2017 года), а Министерство внутренних дел Российской Федерации и Следственный комитет Российской Федерации продолжают работать с бумажными документами. В связи с этим максимальный эффект от применения Комплексной информационной системы судов общей юрисдикции будет получен только тогда, когда другие ведомства, с которыми взаимодействуют суды в процессе уголовного судопроизводства, тоже внедрят в свою деятельность подобные информационные системы и современные электронные средства, а также когда будет настроено взаимо-

действие и электронный обмен материалами и документами между этими ведомствами и судами.

Не следует понимать внедрение подобных систем и электронных средств в деятельность таких ведомств как Министерство внутренних дел Российской Федерации и Следственный комитет Российской Федерации как стремление «перевести» их деятельность полностью в электронную форму. Например, проведение допросов, безусловно, не может проходить в виртуальной реальности. В данном случае указанные меры могут служить основой для устойчивого взаимодействия этих органов и судов посредством обмена документами в электронном виде (материалами дела, некоторыми протоколами и др.) для обеспечения качественного осуществления правосудия, то есть таким образом, чтобы подобные нововведения не ограничивали проведение процессуальных действий. Необходимо стремиться использовать электронные средства и информационные технологии в той мере, в какой они будут делать деятельность органов, уполномоченных осуществлять уголовное судопроизводство, эффективнее и рациональнее.

Существенным недостатком, который также затрудняет наиболее эффективное использование Комплексной информационной системы судов общей юрисдикции, является то, что в настоящее время в уголовно-процессуальном законодательстве основные положения и правила использования электронных средств в уголовном судопроизводстве регламентированы недостаточно. В Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации есть лишь указание на то,

что такие средства, как стенографирование, фотографирование, киносъемка, аудио- и видеозапись могут применяться при производстве следственного действия (ч. 2 ст. 166 УПК РФ) и проведении допроса (ч. 4 ст. 189, ч. 5 ст. 191 УПК РФ). Таким образом, право использования электронных средств в уголовном судопроизводстве носит скорее факультативный, чем обязательный характер. На наш взгляд, в целях информатизации судебной системы, необходимо законодательно закрепить обязательность внедрения в суды и правила использования современных информационных технологий и электронных средств при рассмотрении уголовных дел.

С введением электронного правосудия необходимо усиливать меры информационной безопасности: следить за законностью доступа к материалам уголовного дела и персональной информации, их распространением.

Подводя итог, хочется еще раз сказать, что внедрение в судебную систему современных электронных и информационных средств позволит повысить эффективность, оперативность и качество функционирования судебной системы в России, в том числе при рассмотрении уголовных дел. В первую очередь необходимо решать вопрос о порядке внедрения и правилах использования указанных средств именно на законодательном уровне. Остается надеяться, что Комплексная информационная система судов общей юрисдикции, которая будет введена в промышленную эксплуатацию с 1 января 2017 года, наглядно продемонстрирует свою эффективность и преимущества электронного правосудия и тем самым послужит толчком к его дальнейшему развитию.

ЭЛЕКТРОННАЯ ФОРМА ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ДОКУМЕНТОВ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Ляля Гарафиевна Халиуллина

НИИ Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации,

г. Москва, Российская Федерация

E-mail: leila@lenta.ru

В статье рассматривается проблема составления и оборота электронных процессуальных документов в рамках уголовного процесса. Автором на основе анализа нормативной регламентации использования процессуальных документов в электронной форме и их фактических форм использования в деятельности правоохранительных органов и судов констатируется разрыв между нормой и правоприменением.

Ключевые слова: электронный документ, уголовное судопроизводство, электронная подпись, информатизация, электронный документооборот.

THE ELECTRONIC FORM OF PROCEDURAL DOCUMENTS IN CRIMINAL PROCEEDINGS: PROBLEMS IN THEORY AND PRACTICE

Lyalya Haliullina

NRI of Akademy of the Procurator-General of the Russian Federation,

Moscow, Russian Federation

E-mail: leila@lenta.ru

The article deals with the problem of drawing up and circulation of electronic procedural documents in criminal proceedings. The author ascertained gap between the norm and law enforcement, due to the analysis of the normative regulation of use of the procedural documents in electronic form and its actual forms of use in the activity of law enforcement bodies and the courts.

Keywords: electronic document, criminal justice, electronic signature, informatization, electronic document circulation.

Внедрение новых информационных технологий в сферу уголовного судопроизводства является неизбежным ответом на запрос общества и государства для преодоления вызовов стабильности, которые являются неизбежными последствиями четвертой индустриальной революции [1, с. 168].

Галопирующий темп проникновения современных информационных технологий в рамках одного поколения людей в разнообразные сферы жизни общества и государства вне зависимости от реакции законодателя на необходимость регулирования данной сферы общественных отношений оказывает опосредованное влияние в том числе на сферу уголовного судопроизводства. Мы солидарны с точкой зрения, согласно которой «использование информационных технологий меняет

форму, но не содержание традиционных процедур, предусмотренных в рамках уголовного процесса» [2, с. 300], при этом полагаем, что разнообразие ситуаций, в которых компьютерная информация становится элементом правоотношений, требуют пристального внимания исследователей.

Применение информационных технологий и техники в уголовном судопроизводстве не сводится только к получению информации о преступлении. Так, информационные технологии используются для облегчения восприятия сведений следователем, например, визуализация результатов следственных действий, что способствует их анализу, сохранению и использованию. Вместе с тем наибольший интерес представляет перевод на электронную основу непосредственно

самих процессуальных действий в уголовном процессе.

К сожалению, в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ) присутствует лишь упоминание самого общего плана относительно использования процессуальных документов в электронной форме либо же в отношении частных случаев, например, относительно:

процесса применения технических средств, например, фотографирования, аудио- и видео-записи и т. д. (ст. 106, 186, 189 УПК РФ);

получения отдельных видов информации в электронной форме потерпевшим или его законным представителем (ч. 5.1. ст. 42 УПК РФ);

документов на электронных носителях информации, которые могут выступать в качестве вещественных доказательств (ч. 4 ст. 81 УПК РФ);

информации на электронных носителях информации, которая может выступать приложением к протоколу следственного действия (ч. 8 ст. 166 УПК РФ);

исполнительного листа вместе с копией приговора, определения, постановления суда, который может направляться судом для исполнения судебному приставу-исполнителю в форме электронного документа, подписанного судьей усиленной квалифицированной электронной подписью в порядке, установленном законодательством Российской Федерации (ч. 2 ст. 393 УПК РФ).

процессуальных документов, выполненных в том числе электронным способом (ч. 2 ст. 474 УПК РФ).

Очевидно, что говорить о существовании целостной системы электронного документооборота либо о существовании электронной формы процессуальных документов в настоящее время не представляется возможным по причине их фрагментарной легитимизации в УПК РФ.

В практике работы правоохранительных органов наблюдается разрыв между нормой и правоприменительной практикой, в числе прочих вопросов – использование документов в электронной форме уже стало обыденным. Например, в решениях судов различных субъектов Российской Федерации нередко констатируются существование «футуристических» форм электронного документооборота, прямо не предусмотренных в УПК РФ:

«...постановление об отказе в возбуждении уголовного дела выслано заявителю по электронной почте...»¹;

¹ Постановление Кировского районного суда г. Санкт-Петербурга от 03.04.2014. – <https://goo.gl/r5l7l0> (дата обращения 10.09.2016).

«...заявление об ознакомление с материалами об отказе в возбуждении уголовного дела было направлено на e-mail РУВД...»²;

«...дознатель ОД ОП № 6 в составе УМВД России по г. Саратову XXXX в судебном заседании пояснила, что 31.12.2015 получила материал проверки по обращению путем отправки электронного письма с электронной почты XXXXX, проведенной участковым уполномоченным...»³;

«...подозреваемый посредством электронной почты получил повестку о необходимости явки в СУ СК России по Камчатскому краю 24.02.2016...»⁴.

Формат настоящей научной статьи не позволяет в полной мере привести примеры из судебной практики (более доступной для изучения в силу публикации большинства решений в открытом доступе в соответствующем разделе сайта Верховного суда Российской Федерации, по сравнению с ведомственной перепиской либо материалами уголовных дел и материалов рассмотрения сообщений о преступлениях), но позволяет симптоматично охарактеризовать современные тенденции проникновения информационных технологий и, что немаловажно, на наш взгляд, складывающейся практики их применения «на местах».

С 1 января 2017 г. вступают в силу изменения в УПК РФ⁵, частично «легализующие» сложившуюся практику использования и составления процессуальных документов в электронной форме:

ходатайство, заявление, жалоба, представление могут быть поданы в суд в форме электронного документа (ч. 1 ст. 474.1 УПК РФ);

судебное решение, за исключением решения, содержащего сведения, составляющие охраняемую федеральным законом тайну, затрагивающие безопасность государства, права и законные интересы несовершеннолетних, решения по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности, может быть изготовлено в форме электронного документа,

² Постановление Брянского районного суда Брянской области от 02.09.2014. – <https://goo.gl/40Xy2M> (дата обращения 10.09.2016).

³ Постановление Фрунзенского районного суда г. Саратова от 27.04.2016. – <https://goo.gl/UKqUCZ> (дата обращения 10.09.2016).

⁴ Постановление Петропавловск-Камчатского городского суда Камчатского края от 18.04.2016. – <https://goo.gl/FgQRjC> (дата обращения 10.09.2016).

⁵ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти : федер. закон от 23 июня 2016 г. № 220-ФЗ // Российская газета. – 2016. – 29 июня.

который подписывается судьей усиленной квалифицированной электронной подписью (ч. 2 ст. 474.1 УПК РФ).

Законодатель весьма осторожно подошел к переводу в электронный формат процессуальных документов, ограничившись на первом этапе возможностью составления отдельных документов и только в ходе судебного разбирательства уголовного дела. При этом технические аспекты подачи и составления вышеперечисленных процессуальных документов получили подробную регламентацию⁶.

Положительный опыт функционирования в Генеральной прокуратуре Российской Федерации внутренней информационной системы органов прокуратуры, а также автоматизированных информационных комплексов и специализированных информационных систем позволяет сделать предположение о существовании задела для формирования единой информационной системы, объединяющей правоохранительные органы и суд в рамках уголовного процесса. В частности, элементы данной системы достаточно подробно описаны О.А. Инсаровым, также им приведены примеры реализации отдельных ее фрагментов, внедрения и распространения технологии использования электронной подписи прокурорами [3, с. 36, 37]. Имеет место и критика современного подхода использования подобных систем обмена информацией между правоохранительными, надзорными органами и судом, так как используемые информационные системы действуют разрозненно, на основании несовместимых форматов представления данных, в условиях отсутствия обмена информацией между ними [4, с. 14].

Существенным также является отсутствие общепризнанного стандарта построения системы электронных документов, образующих уголовное дело. Несмотря на то, что технические решения данной проблемы уже имеют место реализацию на практике, они носят разобщенный характер и не связаны едиными стандартами представления и хранения информации. Например, опыт по созданию защищенного аппаратно-программного комплекса хранения электронных копий материалов уголовного дела, фактически является одной из первых попыток создания электронного уголовного дела в МВД России [5, с. 22-24]. Основное внимание при этом уделено

⁶ Порядок подачи в Верховный Суд Российской Федерации документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа : утв. приказом Председателя Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2016 г. № 46-П // СПС КонсультантПлюс.

соблюдению требований технологической реализации доверенного сеанса связи, обеспечивающего доступ к защищаемым информационным ресурсам.

В целях обеспечения полноценного электронного документооборота в уголовном процессе требуются электронные документы, а системы их документооборота должны включать весь процесс раскрытия, расследования преступлений и последующего рассмотрения уголовных дел в судах. Существование единого информационного пространства обмена информацией между правоохранительными и судебными органами – необходимый элемент полноценного электронного уголовного дела.

Ключевым элементом электронного уголовного дела помимо рассмотренных нами проблем в организации электронного документооборота выступает непосредственно сам процессуальный документ, представленный в электронной форме. Инициатива составления процессуального документа в уголовном процессе в электронной форме может исходить от любого его участника. Вместе с тем в настоящее время получило распространение производство следователем (дознавателем) следственных действий, направленных на установление сведений, имеющих доказательственное значение, в случае использования участниками уголовного судопроизводства (потерпевший, обвиняемый, защитник и т. п.) технических средств, в том числе для подтверждения легитимности документа в электронном виде посредством использования нотариальных процедур⁷.

В научных исследованиях выдвинуты ряд предложений о возможности осуществления ряда процессуальных действий в «электронной форме» в ходе досудебного производства по уголовному делу. Характерный пример: исследователями М.Н. Колосович и О.С. Колосович предложено регламентировать в УПК РФ сообщение о совершенном преступлении в электронной форме дистанционно, подписанное заявителем посредством электронной подписи. Следует отметить рациональный характер рассуждений указанных авторов относительно того, что подобное нововведение «существенно сократит временной разрыв между моментом совершения преступного посягательства и реакцией правоохранительных органов» [6, с. 127, 128].

Сложности возникают в случае наличия заведомо ложных сообщений о преступле-

⁷ Основы законодательства Российской Федерации о нотариате : утв. постановлением ВС РФ 11 февраля 1993 г. № 4462-1 // Российская газета. –1993. –13 марта.

ниях, когда невозможно идентифицировать заявителя. Одним из способов преодоления данной проблемы является использование электронной подписи⁸. Будучи «виртуальным» аналогом «реальной подписи» лица, электронная подпись предполагает юридическое равенство документа, подписанного собственноручно и в электронной форме. При этом действующее законодательство всегда содержит общую оговорку: если иное не предусмотрено законом или соглашением сторон.

Безусловно, требуется установить процедуру оборота процессуальных документов в электронной форме. Но к этому нет препятствий, например, обязательным является размещение информации об адресе официального электронного почтового ящика органа прокуратуры и руководителя прокуратуры Российской Федерации⁹; электронном адресе органов МВД России¹⁰. Аналогичным образом в разделах «блог» и подразделе «Интернет-приемная» предусмотрена техническая возможность для передачи посетителями сайта своих электронных сообщений в адрес Следственного комитета России¹¹. В личном кабинете гражданина Российской Федерации существует функция с обращением в государственные органы посредством отправления электронного почтового сообщения¹².

В судебной практике имеют место запреты использования документов в электронной форме в уголовном процессе в определенных ситуациях. Например, в постановлении

Президиума Верховного суда РФ № 444П10пр «судья возвратил уголовное дело прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом в силу того, что тексты обвинительного заключения переданы обвиняемому на электронном носителе информации. Как установлено судом, подсудимому не были вручены копии машинописного текста обвинительного заключения в полном объеме (из 84 томов вручено только лишь 8 томов), а весь текст обвинительного заключения передан на электронном носителе информации, что не предусмотрено уголовно-процессуальным законом. ... Лишь в случае письменного отказа обвиняемого от получения копии машинописном варианте с согласия обвиняемых им могли быть вручены тексты обвинительного заключения на электронном носителе информации...»¹³.

Таким образом, после непродолжительного периода «апробации» составления и использования процессуальных документов в электронной форме в ходе судебного разбирательства по уголовному делу следует незамедлительно распространить подобный порядок и на досудебную стадию, так как фактически сложившаяся практика их использования «на местах» требует скорейшей легитимизации в УПК РФ. Необходимо установить четко определенный перечень процессуальных документов, которые могут быть составлены в электронной форме на досудебной стадии, а также регламентировать порядок их обращения.

⁸ Об электронной подписи : федер. закон от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ // Парламентская газета. – 2011. – 14 апреля.

⁹ Раздел 3 Приказа Генпрокуратуры РФ от 31 мая 2011 г. № 153 «Об организации работы по обеспечению доступа к информации о деятельности органов и учреждений прокуратуры Российской Федерации» // Законность. – 2011. – № 10.

¹⁰ Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел : приказ МВД России от 29 августа 2014 г. № 736 // Российская газета. – 2012. – 1 августа.

¹¹ Об утверждении Инструкции о порядке ведения официального сайта Следственного комитета Российской Федерации в сети Интернет : приказ Следственного комитета РФ от 30 сентября 2011 г. № 141 // СПС КонсультантПлюс.

¹² Портал «Государственные электронные услуги». Электронное правительство Российской Федерации. – <https://esia.gosuslugi.ru/idp/Authn/CommonLogin>

¹³ Обзор судебной практики Верховного суда РФ «Обзор судебной практики Верховного суда Российской Федерации за второй квартал 2011 года (утв. Президиумом Верховного суда РФ 28 сентября 2011 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2011. – № 11.

Примечания

1. Халиуллин А. И. Этико-правовые последствия внедрения информационных технологий // Правовые и нравственные аспекты обеспечения безопасности личности и государства на современном этапе политических и экономических санкций : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции: в 2 ч. / отв. ред. Н.В. Хураскина. – 2016. – Ч. 1. – С. 167-171.
2. Халиуллин А. И. Направление информатизации уголовного процесса в Российской Федерации // Библиотека криминалиста. – 2014. – № 3 (14). – С. 299-304.
3. Инсаров О. А. Электронная подпись прокурора // Прокурор. – 2015. – № 4. – С. 35-38.
4. Ашурбеков Т. А. Организация информационно-аналитической и методической работы в органах прокуратуры (к истории вопроса и о перспективах развития) // Вестник Академии Генеральной прокуратуры РФ. – 2009. – № 1 (9). – С. 13-19.
5. Янушко А. В., Бабанин А. В., Кузнецова О. А., Петрушенко С. В., Чекмарев М. Ю. Защищенный аппаратно-программный комплекс центра хранения электронных копий материалов уголовного дела // Безопасность информационных технологий. – 2011. – № 1. – С. 21-29.
6. Колосович М. С., Колосович О. С. // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2011. – № 18. – С. 125-129.

ИТОГИ ПРОВЕДЕНИЯ ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ»

9 декабря 2016 года Юридическим институтом Южно-Уральского государственного университета была проведена Всероссийская научно-практическая конференция на тему «Информационные технологии в уголовном судопроизводстве: проблемы теории и практики». Участниками конференции стали представители ГСУ ГУ МВД России по Челябинской области, Московского государственного технического университета им. Н.Э. Баумана, НИИ Академии Генеральной прокуратуры РФ, Академии Следственного комитета РФ, Омской академии МВД России Уральского государственного юридического университета, Санкт-Петербургского государственного университета, Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя, а также преподаватели и студенты Южно-Уральского государственного университета (НИУ).

В рамках работы конференции состоялись пленарное и секционное заседания, на которых обсуждались вопросы эффективного использования информационных технологий при раскрытии и расследовании преступлений, совершенных с применением средств сотовой связи и сети «Интернет», а также проблемы информатизации стадий уголовного судопроизводства.

Наиболее значимые темы конференции:

Раскрытие и расследование мошенничеств, совершенных с использованием средств сотовой связи и сети Интернет в Челябинской области (Брыксина Л.В., зам. начальника КМУ ГСУ МВД России по Челябинской области, полковник юстиции);

Электронные доказательства: проблемы теории и практики (Вехов В.Б., профессор кафедры юриспруденции, интеллектуальной собственности и судебной экспертизы МГТУ им. Н.Э. Баумана, д.ю.н., профессор, заслуженный деятель науки и образования РАЕ);

Электронно-технические средства уголовно-процессуального доказывания (Зуев С.В., зав. кафедрой Правоохранительной деятельности и национальной безопасности Юридического института ЮУрГУ, д.ю.н., доцент);

Проблемы использования в доказывании по уголовным делам сведений, полученных из информационных ресурсов налоговых органов и Росфинмониторинга (Каменев А.С., начальник отдела по расследованию тяжких преступлений против собственности, совершаемых организованными группами ГСУ ГУ МВД России по Челябинской области, майор юстиции);

Основные проблемы раскрытия преступлений, связанных с использованием информационных технологий (Худяков П.В., старший следователь ГСУ ГУ МВД России по Челябинской области);

Злоупотребление процессуальными правами участниками уголовного судопроизводства со стороны защиты посредством использования информационных технологий (Халиуллин А.И., научный сотрудник НИИ Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации);

Электронная форма процессуальных документов в уголовном процессе: проблемы теории и практики (Халиуллина Л.Г., старший научный сотрудник НИИ Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации);

Спутниковая навигация при производстве следственных действий (Галкин Д.В. (и.о. зав. кафедрой криминалистики Академии Следственного комитета РФ, к.ю.н.);

О некоторых проблемах использования электронной информации в судопроизводстве (Горев А.И., доцент кафедры управления и информационных технологий в деятельности ОВД Омской академии МВД России, к.ю.н.; Смирнова Е.Г. старший преподаватель кафедры управления и информационных технологий в деятельности ОВД Омской академии МВД России, к.ф.м.н.);

Выбор уголовного наказания на основе применения математической теории нечетких множеств (Никитин Е.В., доцент кафедры Правоохранительной деятельности и национальной безопасности Юридического института ЮУрГУ, к.ю.н., доцент);

Проблемы реализации аудиопrotocolирования в судах общей юрисдикции (Медве-

дева М.О., адъюнкт кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя);

Обоснованность использования термина «электронный носитель информации» в Уголовно-процессуальном кодексе РФ (Зазулин А.И., аспирант кафедры уголовного процесса Уральского государственного юридического университета).

Обсуждение на конференции текущих проблем, прогрессивных идей, законодательных инициатив позволяет говорить о формировании нового научного направления – Развитие информационных технологий в уголовном судопроизводстве (РИТВУС),

которое предполагает объединение усилий ученых и специалистов в сфере информационных и телекоммуникационных отношений для повышения эффективности развития уголовно-процессуального законодательства, разработки нормативных актов, выработки единой практики правоприменения по вопросам использования современных информационных технологий. В этих целях разработан и функционирует сайт: <http://ritvus.ru/>

Приглашаем заинтересованных лиц к сотрудничеству и надеемся на дальнейшую плодотворную работу в указанном направлении.

Ответственный за проведение конференции
д.ю.н. С.В. Зуев

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

БОБЫЛЕВА Жанна Анатольевна, студентка Института права Челябинского государственного университета, e-mail: zhan.boom@yandex.ru

ВЕХОВ Виталий Борисович, профессор кафедры юриспруденции, интеллектуальной собственности и судебной экспертизы Московского государственного технического университета имени Н.Э. Баумана (национального исследовательского университета), доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент РАЕ, Заслуженный деятель науки и образования, e-mail: v-vehov@mail.ru

ВИННИКОВА Рушания Васильевна, доцент кафедры прокурорского надзора и организации правоохранительной деятельности Института права Челябинского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент, e-mail: rushana_v@inbox.ru

ГОНЧАРОВ Денис Юрьевич, профессор кафедры уголовного права второго факультета повышения квалификации (с дислокацией в г. Екатеринбург) института повышения квалификации Академии Следственного комитета Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент, e-mail: uc.ural@mail.ru

ДУНАЕВА Ольга Николаевна, старший преподаватель кафедры «Психология развития и возрастное консультирование» Южно-Уральского государственного университета (национального исследовательского университета), e-mail: dunaevaon@gmail.com

ЗАЗУЛИН Анатолий Игоревич, аспирант кафедры уголовного процесса Уральского государственного юридического университета, e-mail: zazulin.aspirant.uslu@gmail.com

ЗУЕВ Сергей Васильевич, заведующий кафедрой «Правоохранительная деятельность и национальная безопасность» Юридического института Южно-Уральского государственного университета (национального исследовательского университета), доктор юридических наук, доцент, e-mail: zuevsergej@inbox.ru

ИШМАЕВА Татьяна Павловна, старший преподаватель кафедры прокурорского надзора и организации правоохранительной деятельности Института права Челябинского государственного университета, e-mail: t.p.ish@mail.ru

КОНДРАТЬЕВ Сергей Михайлович, кандидат юридических наук, г. Москва, e-mail: sergey.diss@yandex.ru

КОРЕЦКАЯ Татьяна Павловна, старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Института права Челябинского государственного университета, e-mail: tat-0579@yandex.ru

КОРКИН Андрей Владимирович, доцент кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Уральского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент, e-mail: andreikorkin@mail.ru

КРЮКОВА Ксения Андреевна, студентка Уральского филиала Российского государственного университета правосудия, e-mail: Kryukowa.ksenia@yandex.ru

КРЮКОВА Татьяна Сергеевна, аспирант Санкт-Петербургского государственного университета, e-mail: tanya7877@yandex.ru

МАЙОРОВ Владимир Иванович, профессор кафедры административного и финансового права Тюменского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, e-mail: 1955715@rambler.ru

МЕДВЕДЕВА Мария Олеговна, адъюнкт кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, e-mail: mashulyamedvedeva@yandex.ru

ОВЧИННИКОВА Оксана Витальевна, доцент кафедры правоохранительной деятельности и национальной безопасности Юридического института Южно-Уральского государственного университета, кандидат юридических наук, e-mail: ovchinnikova-ov@yandex.ru

ПОЛЯКОВА Светлана Владимировна, старший преподаватель кафедры «Управление и право» Южно-Уральского государственного университета (национального исследовательского университета), e-mail: vip.polyakovasv@mail.ru

СПИРИДОНОВА Ирина Александровна, студентка ЗИЭФ – 331, кафедра «Эксплуатация автомобильного транспорта» Южно-Уральского государственного университета (национального исследовательского университета), e-mail: trans@susu.ac.ru

ТИУНОВА Алла Игоревна, студентка 2 курса Института Прокуратуры Уральского государственного юридического университета, e-mail: allatiunova@yandex.ru

ТИЩЕНКО Алена Владимировна (научный руководитель), преподаватель Уральского филиала Российского государственного университета правосудия, e-mail: ural_gar@mail.ru

ХАЛИУЛЛИНА Ляля Гарафиевна, старший научный сотрудник отдела НИИ Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, e-mail: leila@lenta.ru

ШАРАФУДИНОВА Альмира Маратовна, студентка Уральского филиала Российского государственного университета правосудия, e-mail: sharf25@outlook.com

Правила предоставления рукописей статей в научно-практический журнал
«ПРАВОПОРЯДОК: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА»

Общие рекомендации

К публикации принимаются рукописи статей, ранее не издававшиеся и не предназначенные к одновременной публикации в других изданиях. Рукопись, присылаемая в редакцию, должна соответствовать тематике журнала и требованиям к оформлению статей. Текст для публикации объемом 8-15 страниц формата А4 должен быть подписан автором (соавторами) следующим образом: «Рукопись вычитана, факты, цитаты, ссылки проверены. Публикуется впервые». Ставя свою подпись под статьей, автор тем самым передает права на издание своей статьи редакции.

Требования к оформлению статей

- УДК (обязательно перед текстом рукописи).
- Фамилию и инициалы автора(ов) на русском и английском языках.
- Название статьи заглавными буквами на русском и английском языках.
- Аннотацию (от 5 до 7 строк) и список ключевых слов в именительном падеже (от 5 до 7 слов) на русском и английском языках.
- Параметры страницы (формат А4; поля: по 2 см с каждой стороны).
- Редактор – Microsoft Word (.doc). Шрифт (гарнитура) – Times New Roman.
- Размер шрифта (кегель) – 14, без уплотнения или разрежения. В таблицах и иллюстрациях допускается уменьшение размера шрифта до 12.
- Абзацный отступ («красная строка») – 0,75 см.
- Межстрочный интервал – полуторный. Выравнивание текста – по ширине.
- Автоматическая расстановка переносов допускается.
- Цитируемая в статье литература приводится в виде списка. В тексте в квадратных скобках дается ссылка на порядковый номер списка (ГОСТ Р 7.0.5.-2008). Использование автоматических сносок в тексте не рекомендуется.
- После статьи указываются: фамилия, имя, отчество автора (полностью), ученая степень, ученое звание, должность, полное наименование места работы (на русском и английском языках), контактный телефон, адрес электронной почты автора (обязательно).

При необходимости в текст статьи можно включить иллюстрации (черно-белые рисунки, таблицы) и формулы. Нумерация рисунков, таблиц и формул сквозная арабскими цифрами.

Для размещения статьи в нашем журнале к рукописи необходимо предоставить:

1. Файл со статьей, оформленной надлежащим образом. В наименовании файла должна быть указана фамилия автора или первого из соавторов (например, «Иванов.doc»).
2. Сведения об авторе(ах) по представленной ниже форме (отсканированную копию).
3. Для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук рецензия, подписанная рецензентом и заверенная печатью учреждения (оригинал или отсканированную копию оригинала).

Подготовленные материалы необходимо отправить на E-mail: **pravoporyadok74@bk.ru** либо заполнить электронную форму заявки на сайте издания **<http://pravoporyadok74.pf>**

В случае отказа в публикации редакция обязуется мотивировать свое решение.

Редакция оставляет за собой право редактировать статьи и сокращать материал.

Сроки предоставления статей для опубликования не ограничены (поступившая статья будет опубликована в очередном номере). Авторский экземпляр номера журнала высылается на указанный в заявке адрес наложенным платежом после выхода в свет. Все номера журнала размещаются в электронном виде на сайте издания **<http://pravoporyadok74.pf>**.

Журнал включен в наукометрическую базу данных **Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)**.

ПРАВИЛА ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ СТАТЕЙ

В редакцию журнала ПРАВОПОРЯДОК: история, теория, практика
ПИ № ФС 77 – 54870

Анкета автора* представленной в Редакцию рукописи статьи

_____ (название статьи)

ФИО (полностью)	
Author (полностью)	
Ученая степень	
Ученое звание	
Иные почетные звания	
Должность	
Место работы, учебы (полное наименование организации)	
Адрес места работы, учебы (с указанием индекса)	
Контактный телефон (с указанием кода города)	
Адрес электронной почты	
Адрес, на который следует выслать авторский экземпляр журнала (с указанием индекса)	
Иные сведения	

Направляя и подписывая данные сведения, я _____,
(Фамилия, имя отчество)

выражаю согласие с тем, что представление рукописи статьи в адрес редакции журнала «ПРАВОПОРЯДОК: история, теория, практика», является конклюдентным действием, направленным на передачу редакции исключительных прав на произведение: права на воспроизведение и права на распространение, а также на размещение статьи в электронной версии журнала в открытом доступе в сети Интернет и в наукометрических электронных базах данных. Также предоставляю редакции свои персональные данные без ограничения по сроку (фамилия, имя, отчество; сведения об образовании; сведения о месте работы и занимаемой должности) для их хранения и обработки в различных базах данных и информационных системах, включения в аналитические и статистические отчетности, создания обоснованных взаимосвязей объектов произведений науки, литературы и искусства с персональными данными и т. п. Редакция имеет право передать указанные данные для обработки и хранения третьим лицам.

«__» _____ 20__ г. _____/_____/

* В случае подготовки статьи в соавторстве, сведения предоставляются каждым из авторов.